

СЕТЬ ГЕФЕСТА

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В 1975 году по земному времени на другом конце галактики, где не существует ни времени, ни пространства, а существует то, что по невежеству называют иллюзиями, произошла историческая встреча одной бывшей супружеской пары. Если бы этот процесс удалось подглядеть со стороны, то можно было бы увидеть, как черная даль раздвинулась, и в ней появилось бледное облачко, настолько легкое и эфемерное, что человек принял бы его за обман зрения. Но вскоре облачко уплотнилось, увеличилось в объеме, и из него вылепились два силуэта. Одновременно вокруг силуэтов сформировались какие-то невообразимые сады с мраморными беседками и ослепительными фонтанами. Я не берусь описать эти сады, настолько они необычайны по земным стандартам. На языке так и вертится этот затасканный эпитет «райские». Однако убогая человеческая фантазия слишком бедна, чтобы вообразить хотя бы сотую часть их красот. И только об одном могу сказать с уверенностью, что в этих садах было все, кроме яблонь.

— Ты все еще надеешься оставить след во вселенной? — обаятельно улыбнулась женщина, едва ее силуэт оформился в маломальскую девичью оболочку. — Ах, в этой чертовой, промозглой и все перемалывающей подобно жернову вселенной, одинаково равнодушной к добру и злу?

В ее голосе звучали кокетство и едва уловимая ирония. Женщина все больше наливалась красками и излучала благоуханный аромат семнадцатилетней девственности. Но если что и являлось иллюзией в тот момент, так это ее девственная чистота. Кому как не бывшему мужу было это знать?

Тем не менее, мужчина с улыбкой идиота втянул ноздрями ее забытый запах и, нежно взяв за руку, в той же высокопарной манере отпарировал:

— Почему нет, моя крутобедрая! Почему нет, очаровательная дочь Урана? Хотя я прекрасно понимаю, что главное не то, что оставишь за собой, а то, с чем отправишься дальше. Тем не менее, художнику очень важно ощущать за спиной тыл.

Они посмотрели другу в глаза и одновременно подумали, что бессмертие не предполагает огненных страстей, тем более в теле, наскоро слепленном из космической пыли. Но именно страсти дают ощущение своего полного «я», и именно ради них высшие иерархии облачаются в презренную материю. Женщина высвободила руку, взяла золотой кубок с вином и полулегла на мраморную кушетку. Мужчина почувствовал, что задел ее этим самым «тылом за спиной» и испытал злорадство.

— О, не шути так, дорогой Гефест! Если бы существование в зигзагообразных лучах подразумевало раны, то я бы сказала, что ты мне их разбередил, — нежно прошептала женщина с опущенными глазами. Она целомудренно отхлебнула из кубка, пару раз стыдливо хлопнула ресницами и вдруг пронзила собеседника таким стервозным взглядом, что тот закусил губу. — Зачем ты меня позвал? Не для того ли, чтобы дать вкусить яблоко из этого милого сада? — спросила она насмешливо.

— Ты же знаешь, в этом саду нет яблонь, — смутился художник.

— А если бы были? Хватит у тебя смелости сорвать для меня яблоко? — брызнула глазами женщина. — Короче: говори, зачем позвал?

— Я хочу показать тебе мою новую работу. Она сотворена в том уголке мироздания, где творить запрещено, — с кислой улыбкой ответил Гефест. — За это, милая Афродита, распыляют на атомы. А это покруче, чем вкусить от запретного дерева.

— Ты меня интригуешь, — ответила красавица и украдкой зевнула. — Конечно, я взгляну на твоё полотно, но исключительно из признательности, что ты когда-то был моим мужем. И сразу предупреждаю: от искусства я отошла, поэтому не смогу оценить твой шедевр по достоинству.

— Ты не пожалеешь! — просиял мужчина, пропустив мимо ушей ее сарказм по поводу шедевра.

И в то же мгновение они стали медленно таять и превращаться в сверкающие пылинки прямо за столиком райского сада. Но в это же время их эфемерные силуэты начали формироваться в грязном облаке на одной из девяти планет какой-то ужасно желтой звезды, которая находилась на другом краю галактики...

— О твой мир невероятно живой! — воскликнула женщина с облака, едва их тела оформились в мало-мальски прозрачную оболочку. — А какие страсти! Боже, какие страсти. Говорят, древние творцы наносили краски на холст или высекали скульптуры из камня, и таким образом выражали свои страсти. Но как можно через камни выразить огонь? Планетой, населенными биологическими существами, — другое дело! Вот, к примеру, девочка у фонтана кормит голубей, а у мамочки такое счастливое лицо, будто ей в будущем не предстоит кануть в небытие. А тот хохочущий старик с пивной кружкой просто умиляет. Ему осталось жить меньше месяца, а он беззаботен и весел! А эта плачущая женщина полна решимости броситься с девятого этажа. Боже мой, расстаться с жизнью из-за такого пустяка, из-за того, что муж не пришел ночевать? Это восхитительно! А тут наоборот: влюбленный юноша спрятался за дерево и ждет, когда его возлюбленная выйдет из подъезда с соперником. Как он смотрит на дверь, как он смотрит, Гефест! Если бы на меня кто-нибудь так смотрел...

— Ты завидуешь моим героям? — криво усмехнулся художник.

— Представь себе, завидую! — ответила Афродита без капли иронии. — Здесь истинная страсть! И страдания выливаются сразу. Ну еще бы им не выливаться, когда сроки так сжаты и все жизни заканчиваются смертью. А ведь они смертны навсегда, а не иллюзорно, как после вкушения от запретного дерева. Согласись, Гефест, в бессмертии есть какая-то беспросветность, я бы даже сказала, пошлость. Мужчина миллиарды лет может ждать, когда его возлюбленной наскучит муж, и в конечном итоге он дождется, потому что вселенная бесконечна, и мы в ней бессмертны. А вон тот, черномазый в сомбреро, не захотел ждать и двух минут...

— Посмотри на соседний материк! Там решат друг друга пулями из-за жалкого клочка земли, а не из ревности, — кивнул головой Гефест.

— Избавь! Я не хочу на это смотреть! — зажмурилась Богиня. — Как всякий творец ты обожаешь контрасты. Но я все равно не улавливаю смысла.

— А ты окинь оком их историю, — посоветовал Гефест.

Афродита небрежно бросила взгляд в прошлое и расхохоталась.

— Я так и думала, что их история, как и всякая другая, началась с яблока. Сама бесконечность в образе змея искушает женщину, а женщина совращает мужчину! Как свежо!

— Листай дальше! — буркнул Гефест.

— И дальше все то же: те же мифы и те же войны. И снова войны, и снова мифы, и Боги, в которых не верят люди, и легенды, которых никогда не существовало в реальности. Но что я вижу, боже мой? — хлопала в ладоши Афродита. — Опять яблоко, и опять из-за него раздор, если это можно назвать раздором — десятилетняя война из-за Елены Прекрасной. Впрочем, раздоры разнообразят жизнь. Спасибо, милый, что в число тех трех Богинь ты включил и меня. Правда, все было не так, но основная мысль понятна: из-за мелких раздоров Богов расплачиваются люди.

— Надеюсь, ты не обиделась?

— Напротив, польщена. Ты увековечил меня. Только почему себя изобразил таким несчастным и вдобавок хромым? Но боже, что ты сделал с собой дальше? — схватилась за голову Афродита! — Разве можно истязать себя так даже в пустейших мифах? Мало того, что из всех обитателей Олимпа ты остался один, но ты закрепил за собой хромоту, оброс шерстью и присобачил себе рожки. Зачем?

Гефест отвел взор и ничего не ответил. Богиня качнула копной кудрявых волос и тяжело вздохнула:

— Если ты по поводу Ареса, то эта была шутка. Неужели ты думала, что я не знала про твою сеть? Я тебя разыграла! У нас с ним ничего не было. Так что ты напрасно прилепил себе рожки.

Гефест выдавил из себя подобие ухмылки и хрипло произнес:

— Проехали... Листай дальше!

Но Афродите сделалось скучно. Глаза ее потухли, и тело показалось ужасно тягостным оттого, что оно не в форме серебряного луча. Ей снова захотелось абсолютного блаженства и безучастного скольжения по пространству без мыслей, воспоминаний и волнений...

— Мне пора! — произнесла она вслух, а про себя подумала: «Не провела в теле и десяти минут, а сердце уже все разбухло от тоски».

Гефест услышал ее мысли и затравленно улыбнулся:

— Все равно я не жалею, что показал тебе страсти, какие еще кипят во мне.

Афродита подняла на него свои прекрасные очи и устало улыбнулась:

— Уже с самого начала я догадывалась, о чем будет вопить твое полотно. Ты хочешь вытащить меня из спячки? Но это вздор, Гефест! Боль не развеивает скуки, а наоборот. Смотреть же на чужую боль сверху скучнее втрое. В следующий раз, когда сотворишь очередной шедевр, найди другого искусствоведа. Но если ты действительно хочешь встряхнуть мое сонное нутро, укради мне яблоко, которое дает иллюзию смерти.

Гефест вздрогнул, а прекрасные очи Богини вспыхнули сладострастным огнем, почти таким же, как в глубокой древности, когда испуганный пастух Парис протянул ей золотое яблоко. В тот же миг прекрасная дочь Урана начала медленно таять. Она превратилась в розовое облачко, которое тут же развеял налетевший с океана ветер. Когда оставшийся от облачка серебряный луч прошел сквозь сердце Гефеста, он услышал изнутри:

— Яблоко, милый! Яблоко, которое дает иллюзию смерти!

— Но ведь я умру от ревности! — крикнул на всю вселенную Гефест, схватившись за золотые кудри.

Часть первая ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ

1

Грибоедовский дворец бракосочетания считается самым лучшим в Москве, хотя внешне выглядит довольно скромно. Довольно скромно он выглядит и внутри: тесная обшарпанная лестница, тесный полутемный коридор с облупленными светильниками, малогабаритные залы, где не вполне развернешься в пышном платье, а о шлейфе сзади, который

обычно несут маленькие девочки, вообще лучше забыть. Не те объемы! Однако черт с ними, с объемами. Не о них сейчас речь.

Снаружи, через дорогу от ЗАГСа, которая также не отличалась простором, и даже было удивительно, как на ней ухитрялись разворачиваться длинные лимузины с тонированными стеклами, у подъезда жилого дома стояла странная женщина. Ее лицо было молочно-белым, без каких-либо признаков загара, словно женщина всю жизнь провела в подвале. Ее фигура была рыхлой и бесформенной, походка косолапой. Бросалось в глаза, что она прилагает немалые усилия, чтобы казаться незаметной. Однако незаметной она быть не могла, поскольку выглядела нелепее некуда.

В руках женщина держала шикарный букет из розовых роз, сама же была в черном траурном платке, в черных ажурных чулках и тяжелых ботинках с тупыми носками. На белую блузку с ядовито синим бантом был надет мужской пиджак с металлическими пуговицами. Нетрудно догадаться, что женщина надела самое лучшее для такого торжественного случая, хотя и несколько не по погоде. Был июнь месяц, на небе — ни облачко, в воздухе — ни ветерка, но видимо более торжественной одежды, чем этого клубного пиджака с металлическими пуговицами времен пятидесятых, у нее не было. Складывалось ощущение, что она приехала из какой-то глухой деревни, где еще нет электричества. Более того, из деревни довоенных или даже дореволюционных лет. Но из тех лет она естественно быть не могла, поскольку на вид ей было не более сорока.

По счастью, на нее никто не обращал внимания, потому что каждые пять минут в Большой Харитоньевский переулок, где располагается Грибоедовский ЗАГС, въезжали красивые картежи, и выскакивающие из них нарядные люди взволнованно устремлялись внутрь за женихом с невестой. Никому и в голову не приходило бросить взгляд через дорогу, где с охапкой роз трусливо жалась к дверям чужого подъезда наша странная героиня.

Около двух часов дня у дворца остановился скромный картеж из четырех машин, возглавляемой черной «Чайкой». Из нее вышел белокурый жених в черном костюме, который со счастливой улыбкой направился к остановившейся сзади «Волге». Он открыл дверцу и подал руку невесте. Если бы кто-нибудь внимательно пригляделся к конвейеру молодоженов, то непременно бы отметил, что прибыла самая кра-

сивая и самая юная пара на сегодня. Невеста — грациозная, кудрявая блондинка, с чистыми голубыми глазами и чувственными чуть капризными губами, жених — стройный, розовощекий блондин с едва пробивающимся под носом пушком. Даже бабка, собирающая у входа монеты, и та всплеснула руками.

— Батюшки! Да они совсем еще дети!

Однако на дальнейшее удивление у бабки времени не было. В эту минуту из дворца вышла очередная пара зарегистрированных, и выскочившая за ними свита принялись, гогоча и отпуская шутки, посыпать их пшеном и монетами. Вот тут главное не зевать! Как только фотограф сделает пару снимков и гости опустошат по бокалу шампанского, шарханув фужеры об асфальт, можно уже приближаться и смело собирать монеты. В этот момент момент на побирушку уже никто не шикнет.

Так вот, именно в ту самую минуту, когда юный жених извлек свою кудрявую невесту из салона автомобиля, женщина на противоположной стороне дороги покрылась потом. Она впилась в невесту глазами и непроизвольно попятилась к дверям подъезда. Тут нужно пояснить, что дело происходило в 1996 году. Тогда на дверях подъездов не было кодовых замков. Так что женщина беспрепятственно вплыла спиной в подъезд и только там позволила себе развернуться. Затем устремилась на второй этаж к окну, который выходил на улицу. Однако этот маневр не имел смысла. Ее также бы никто не заметил, если бы она и продолжала стоять у всех на виду. Женщина в черном видела из окна, как молодые вошли в ЗАГС и как вслед за ними прошествовали их друзья.

Работница ЗАГСа долго вглядывалась в паспорта вновь прибывших. Она сравнивала их фотографии с оригиналом и никак не могла поверить, что им по двадцать лет, поскольку оба выглядели не более чем на пятнадцать. Однако делать нечего. Работница со вздохом вернула документы и одной рукой указала на комнату жениха, другой — на комнату невесты. Жениха звали Сережей, невесту — Надей. Как потом разнохали дотошные работники дворца, у молодых была любовь с детства. Они жили в одном дворе, ходили в одну школу, а сейчас учились на одном курсе университета «Станкин».

— Не будет у них жизни, — покачала головой самая старая работница ЗАГСа. — Обычно такие браки не бывают крепкими.

— Может, этот будет исключением, — возразила коллега помоложе. — Посмотрите, Любовь Павловна, они просто светятся от счастья.

— Ой, Настенька! В такие года все светятся от счастья. Говорю вам, что не будет...

Прошло более часа, прежде чем светящаяся от счастья пара с новенькими обручальными кольцами вышла на улицу. Их друзья также не отличались оригинальностью. Они завопили «ура», осыпали молодых пшеном и монетами, хлопнули пробкой от шампанского и заставили молодоженов поцеловаться. После того, как бокалы были разбиты об асфальт, к невесте с цветами и поцелуями бросились подружки, а к жениху — с рукопожатиями и без цветов друзья. Когда жених с невестой снова оказались рядом и под ручку направились к черной «Чайке», вот тогда из подъезда и выскочила эта странная женщина с букетом розовых роз. За несколько шагов до машины она преградила молодым путь и, протянув невесте цветы, протараторили сиплым от волнения голосом:

— Поздравляю тебя, Венера! Желаю тебе счастья, здоровья и долгих дней жизни. Будь опорой и надежным тылом для своего мужа.

Невеста побледнела. Ее только что сияющие глаза сделались испуганными. Подбородок задрожал. Рука, инстинктивно потянувшаяся к букету, застыла в воздухе. Даже жених почувствовал, как затрепетала его возлюбленная. Она открыла рот, чтобы ответить на поздравления, но от ужаса не смогла вымолвить ни звука. Но вот, наконец, новобрачная сделала над собой усилие и выдавила со стоном:

— Отойдите от меня! Чего вам надо?

Гости замерли, недоуменно глядя то на нее, то на женщину. Женщина положила свои розы на руку невесты, где уже лежала приличная охапка цветов, суетливо развернулась и мелкими шагами почесала прочь. С минуту длилась пауза. Затем невеста, словно проснувшись, выдернула из под локтя мужа руку и с ненавистью вцепилась в подаренные розы, чтобы швырнуть их на землю. Но внезапно вскрикнула.

— Ты чего? — встревожился жених.

— Укололась, — всхлипнула она и сунула палец в рот. — Ну вот! Кровь пошла. Блин!

— Больно? Дай подую! А это кто?

— Потом расскажу.

Через секунду подаренные женщиной розы оказались под ногами. Невеста зло отпихнула их туфлей и потянула жениха к машине. Сергей никогда не видел ее такой.

— Это какая-то родственница? — недоумевал он.

— Какая к черту родственница? Понятия не имею, кто такая? Поедем, наконец! Ну что ты как валенок?

2

А как не быть валенком, если Сережа впервые видел Наденьку такой напуганной. В этом он мог побожиться. Что же получается, он совсем ее не знал? А казалось, изучил всю, до мельчайших (как говорят кэспэшники) фибр души. И на изучение было время. Как-никак, вместе росли. В детские сады ходили разные, но жили в одном дворе. После детского сада непременно сталкивались у ворот. Наденьку папа вел с одной стороны, а Сережу мама — с другой. В эту минуту, мама всегда говорила:

— А вот и твоя невеста! Ну что, побегаешь во дворе, или домой пойдем?

Сережа предпочитал побегать. Они с Надей отправлялись к стоящим у гаражей качелям, а их родители оставались у калитки для долгих разговоров. Затем куда-то незаметно исчезали. Короче говоря, слово «невеста» у Сергея с детства ассоциировалось с Наденькой Лисовской.

Когда в 1981 году они вместе отправились в школу, их сначала распределили в разные классы. Наденьку, как более развитую в «а», а Сережу, как более хулиганистого — в «б». Однако на каждой перемене они каким-то образом находили друг друга, брались за руки и отправлялись гулять. Одноклассники их дразнили женихом и невестой, но ни Сережу, ни Наденьку это не обижало. Они и так знали, что они жених и невеста, поскольку родились не только в один год, но и в один день.

В четвертом классе Сережу Аресова перевели в класс «а», не потому что он поумнел, или стал менее хулиганистым, а потому, что учителя заметили, что в присутствии умницы и красавицы Наденьки Лисовской отчаянный озорник Аресов становился более-менее управляемым. Когда же Наденька заболела ангиной, для учителей наступали черные дни. Аресов распоясывался как пьяный ковбой, и никто никакими силами не мог его урезонить.

Наденька действовала на него, как успокоительная таблетка. Впрочем, ни на него одного она действовала так. Когда Лисовская входила в класс, в нем утихали беготня и гвалт. Учителя заметили, что при Наденьке не только мальчики, но и девочки преобразались и стремились выглядеть лучше. Сама же Наденька была эталоном обаяния. Всегда спокойная, всегда улыбчивая, всегда уверенная и всегда знающая, как себя вести. Поэтому, когда Сергей в ее глазах увидел растерянность, то сам растерялся.

— Что это за тетка? — допытывался он в машине.

— Отстань! Потом! — с раздражением отвечала невеста, морщась, словно от зубной боли.

Она то и дело подносила к губам уколотый шипом палец и капризно хныкала. Укол пришелся на безымянный палец, где сияло только что надетое кольцо. Именно рядом с ним на белоснежном пальчике невесты образовалась черная, кровоточащая точка.

— Перестань сосать палец! Так кровь не остановится, — с раздражением восклицал жених и хлопал ей по ладони. — Господи, да неужели все еще болит?

— Ладно, больше не буду! Все! Забыли!

Потом были бесконечные поздравления, хлеб-соль родителей, поцелуи друзей и подруг; вопли «горько» и сбор подарков, словом, все, как полагается на свадьбе, которая проходила в кафе «Золотое яблоко» на Чистых прудах. Невеста была очаровательна. Она нежно улыбалась, целомудренно тупила взор, иногда отпускала остроумные шутки, словом, была верхом обаяния. Однако жених замечал, что с ней творится что-то неладное. Иногда в разгар веселья ее лицо становилось озабоченным и отстраненным. И Сережа догадывался, что это из-за той тетки в черном платке, которая непонятно зачем сунулась со своими шизанутыми розами. Жених брал тонкую кисть невесты, целовал в ладонь и видел, что черная точка на безымянном пальце рядом с обручальным кольцом все еще напоминала о неприятном инциденте.

Когда веселье в конце концов завершилось и молодых отвезли в институтское общежитие, расположенном на Студенческой улице, Сергей озабоченно спросил:

— Ну как свадьба, ничего? Не утомила? Лично я устал.

— Все отлично, — улыбнулась невеста.

Однако улыбнулась, как японка, которой совсем не хочется улыбаться, но требуется по этикету. Сергей взял ее ла-

дочь и прижал к щеке. Он заглянул Наденьке в глаза, но ее глаза были такими сонными, что у жениха сжалось сердце.

Однако Сережин вопрос был отнюдь не праздным. Дело в том, что невеста не хотела бурного веселья. Она хотела просто расписаться, а затем ограничиться чаем в узком кругу однокурсников. Как говорится, скромно, но от души. Однако на ресторане настояли родители жениха, заявив, что такое событие бывает один раз в жизни.

— Ну и пусть, что студенты! А студенты разве не люди? Ну и пусть, что нет денег! Займем! Мало будет — перезаймем! Зато потом молодым будет, о чем вспомнить!

Брачное ложе в общежитской комнате состояло из двух сдвинутых кроватей. Для торжественности оно было выдвинуто на середину и украшено игрушками и надувными шарамми. Словом, выглядело изуверски. Этот шедевр сотворили подружки невесты. Однако пес с ними, с подружками! Кто вспоминает о них в такой момент?

Как только новобрачные остались одни, Сережа первым делом спросил:

— Ну расскажи, что это была за тетка?

Глаза невесты сделались тревожными. Однако на секунду. Затем ее лицо снова сделалось спокойным и улыбочивым.

— Ты полагаешь, нам больше нечем сейчас заняться, — прошептала она умирающим лебедем и целомудренно отвела глаза.

«А ведь точно, — сверкнуло у жениха. — Ну и мудила же я. Грядет новобрачная ночь, а я о какой-то тетке...»

Однако ни на следующее утро, ни через день, ни через месяц юному мужу так и не удалось узнать об этой косолапой образине в черном платке. Ее начисто вытеснили более существенные проблемы. В первую очередь потрясло то, что его юная жена оказалась не девочкой. А ведь Наденька была строгих правил. Даже ему, Сереже, который с детского сада считался ее официальным женихом, самое большее, чего она позволяла, — это слегка помять грудь. И то, в особо торжественных случаях. На выпускном вечере, например.

«С кем же она успела?» — недоумевал остатки брачной ночи Сергей. В нее были влюблены многие, но едва ли единицы были допущены до элементарной дружбы, не то, что до тела. Да и вся ее жизнь прошла у него на глазах. Вот же черт!

Сергей второй раз за сутки подумал, что, оказывается, совсем не знал ту, с которой рос бок о бок.

Словом, о той тетке пришлось временно забыть. О ней он вспомнил только через год, когда неожиданно заметил на безымянном пальце жены рядом с кольцом крохотную черную точку.

— Ух ты! А укол от шипа так и не прошел? — удивился он. — Кстати, ты мне не рассказала, что это за женщина в черном платке поздравила тебя после нашей росписи?

Жена раздраженно выдернула ладонь из мужниной руки, крепко сжала в кулачек и пожала плечами.

— Не помню.

— Как же не помнишь? — закипел Сергей. — Когда мы вышли из дворца, к тебе подлетела тетка в синем пиджаке и всучила розы. Ты еще укололась и у тебя до сих пор на пальце след. Она тебя еще назвала Венерой.

— Венерой? — пожала плечами жена. — Не было такого. Во всяком случае, я не помню. А эта родинка на пальце у меня с детства. Не веришь, спроси у мамы.

3

Мама не помнила ни о родинке, ни о тетеньке в черном платке. Это и не удивительно. Ее на тот момент у ЗАГСа не было. Однако самое странное, что об этом не помнили и гости, поздравлявшие в тот день молодоженов. Только лучший друг Сереги, Леша Курников, кажется, что-то вспомнил:

— Да, вроде была какая-то тетка с цветами, — ответил он, страдальчески сморщив лоб. — Или я что-то путаю? Скорее всего, путаю. Ведь я заснял на камеру весь процесс до того момента, как вы сели в машину. Тетки там нет. Даю зуб!

Но тетка была. И в этом не было никакого сомнения. Не сошел же Сережа с ума. И след от шипа на пальце юной супруги тоже был. Этого мог не увидеть только слепец. Однако не о слепцах сейчас речь. Вернемся к тетке.

После того, как женщина в черном поздравила молодых, она дворами пробралась к метро «Чистые пруды». Однако до того, как кануть в Московской подземке, трижды воровато оглянулась. Убедившись, что за ней не следят и никто не обращает внимания на ее странный вид, она, пригнув голову, юркнула в метро. Именно не прошла, а юркнула. Одному Богу известно, как она таким же образом прошмыгнула без билета мимо контролера и милиционера. Причем, ни тот, ни

другой даже не косили глаз в ее сторону. Ее просто не увидели.

Доехав до «Комсомольской» женщина самой первой высочила из вагона и устремилась в сторону Ярославского вокзала. Она добежала до кассы пригородных поездов и прежде, чем купить билет, снова воровато оглянулась. Только после этого попросила билет до Сергиева Посада. Вот тут с ней стало немного проясняться. Дело в том, что наши герои тоже были родом из Сергиева Посада. Однако, несмотря на то, что этот Подмосковный городок больше напоминал деревню, Сергей мог поклясться, что никогда не встречался там с этой пришибленной тетенькой.

Когда через полтора часа женщина вышла из электрички, то сразу почувствовала себя раскованнее. В Сергиевом Посаде такие бледные женщины в траурных платках и мужских пиджаках ни у кого не вызывают изумления. Здесь скорее, наоборот — большее недоумение и даже негодование вызывают девицы, сверкающие всеми загорелыми прелестями.

Женщина вошла в одну из пятиэтажных «хрущевок», находящихся в десяти минутах ходьбы от монастыря, и отперла ключом квартиру № 21 на первом этаже. Торопливо скинув туфли, она с озабоченным видом толкнула дверь в гостиную и только после этого вздохнула свободно. В комнате в инвалидной коляске сидел громадный неряшливый детина лет двадцати. В руках у него были фольга и ножницы. Он угрюмо что-то вырезал и на приход женщины не поднял головы.

— Ну, как ты здесь без меня? — с тревогой спросила вошедшая. — Кушал что-нибудь?

Детина не ответил, продолжая сосредоточено вырезать из фольги человеческую фигуру мужского рода. Комната выглядела мрачно. Мало того, что все окна квартиры выходили на Северную сторону, вдобавок они были занавешены тяжелыми шторами. Из-за этого в квартире даже днем царил сумрак, а ночью — просто кромешная тьма. Форточки здесь также открывались редко. От этого в доме стоял отвратительно затхлый запах. Такой запах бывает в переполненных больницах или в запущенных домах престарелых.

Обстановка была более чем скромной, если не сказать, что убогой. Две железные кровати, одна за занавеской в углу, другая — у окна. У окна спала мать, за занавеской — сын. Также у окна ютился старенький обеденный столик, очень ветхий и очень обшарпанный. Рядом с ним сундук,

служивший стулом. Больше в комнате стульев не было. Хотя справедливости ради нужно сказать, что в кухне еще имелись две табуретки, но они оттуда никогда не выносились. Кстати, в комнате еще стоял старенький платяной шкаф, притулившийся к стене неподалеку от сундука. Остальное пространство занимали полки, заполненные многочисленными фигурками из фольги. По тому, как незамысловатая домашняя утварь была смещена к окну, а самодельные полки до потолка занимали более двух трети комнаты, можно было понять, что изделия из фольги на этих полках ценились больше, чем, к примеру, клубный пиджак с золотыми пуговицами.

Мать бесшумно приблизилась к сыну и зажгла торшер.

— Что же ты опять сидишь в темноте? — беззлобно пожурила она. — Так и глаза испортить недолго.

Детина в инвалидной коляске снова ничего не ответил. Он отложил в сторону ножницы, взял со столика крохотный молоточек и принялся обстукивать только что вырезанную фигурку. После тягостного молчания он наконец произнес скрипучим голосом:

— Ну что, поздравила?

— Поздравила? — выдохнула женщина и, сев на кровать, начала развязывать черный платок.

— Невеста была красивой? — выдавил из себя детина, не поднимая головы.

— Невеста, как невеста, — торопливо ответила женщина. — Все невесты красивые. Нет такой женщины, которая в подвенечном платье выглядит некрасивой.

После новой тягостной паузы, парень поинтересовался с комом в горле:

— Она выглядела счастливой?

— Я бы не сказала, — махнула рукой женщина. — Выглядела как всегда. С чего ей быть счастливой?

Инвалид поднял голову и с ненавистью взглянул женщине в глаза.

— Врешь, мать! Только из-за одного того, что она ходит на своих двоих, а не ездит на инвалидной коляске, можно быть счастливым. А вот я вынужден сидеть и долбить...

Глаза несчастного наполнились слезами. Мать торопливо схватила его вихрастую голову и крепко прижала к груди. Но было уже поздно: он рыдал громко и хрипло, как дитя, которое много лет хранило в себе обиду и вот наконец она провалилась, подобно воде, закованной в дамбу.

— За что, за что я так наказан? — судорожно дергался он.

— Ты разве не знаешь, за что? — притворно удивилась женщина, глядя его голову. — За свой талант. Ведь ты творец, а не простой смертный! А творчество требует жертв.

— И что мне оттого, что я не простой смертный? — белугой рыдал детина. — Я даже помочиться не могу без посторонней помощи.

— Зато ты можешь творить миры и повелевать судьбами, — горячо убеждала женщина. — Только художники живут истинной жизнью, все остальные — пребывают в иллюзиях, потому что они не более чем воплощение творцов.

— Отец тоже пребывал в иллюзиях, когда сбросил меня с балкона? — еще пуще разошелся детина.

— Да кто тебе сказал, что он бросил тебя с балкона? — испуганно перекрестилась женщина, украдкой метнув взгляд на икону.

— Я видел это во сне.

— Боже мой, во сне! — передразнила женщина. — Разве ты не знаешь, что во сне все бывает наоборот? Отец тебя обожал. Он лучше бы дал отсечь себе руку, чем уронить тебя с балкона. Паралич у тебя начался уже после его смерти. Тебе было пять. Врачи сказали, что это от какого-то вируса.

— Не от вируса, а оттого, что вы меня не любили.

— Неправда! Мы тебя любили. И сейчас я тебя люблю!

Женщина что было сил прижала жесткую голову сына к своей мягкой груди и разрыдалась. Странное дело, но инвалид всегда успокаивался, когда мать начинала рыдать. Через некоторое время он успокоился настолько, что оттолкнул женщину и снова взял в руки молоточек, которым с еще большим усердием продолжил оббивать силуэт мужчины, вырезанный из фольги. Кстати, если бы многие из этих фигур, что сотворил наш герой в инвалидной коляске, попали бы в руки к мастерам-чеканщикам, то они сочли бы их за величайшие произведения искусств. Фигуры людей были вырезаны и вычеканены настолько тщательно, что через увеличительное стекло можно было разглядеть родинки на их серебристых телах. Мастер почему-то творил исключительно из серебристого материала. По его убеждению, все люди на земле точно пуповиной связаны с космосом именно серебристыми лучами, которые тянутся вверх от их голов. А у серебра к серебру всегда кратчайший путь.

Успокоившись совсем, мать принесла сыну бутерброд с сыром и огромный бокал чая.

— Закуси, сынок. Ой, какого красивого мужика ты вырезал. Он, вероятно, художник?

— Нет! — скривился инвалид. — Он серийный убийца.

Мать вздрогнула и снова метнула тревожный взгляд на висящую в углу икону.

— Разве такие красивые люди могут быть убийцами? — пожалала она плечами.

— А красота тут ни при чем. Он стал убийцей, потому что его в детстве не любили. А потом его не любила жена и ненавидел сын, потому что считал его ничтожеством. Нелюбовь близких, подобно летящему с горы камню, увлекает за собой нелюбовь всего мира. Скажу больше, нелюбовь даже передается по наследству. Вот так, мать! А тем, кого не любят, терять, как правило, нечего. Вот они и отправляются убивать.

— Но почему сразу убивать? — затрясла головой женщина. — Многих великих людей не любили. Леонарда де Винча, например, или Андрея Рублева. Большинство из них добились любви своим творчеством. И не только близких, но и всего мира. Пусть твой несчастный найдет утешение в стихах. Как, например, Вийон, или Цветаева.

— Ха! — воскликнул инвалид. — Стихи выбирают тех, в ком теплится свет. А в нем и до рождения ничего не теплилось.

Инвалид схватил керн, приложил его к фигуре со стороны сердца и ловко стукнул молотком.

— Боже, — всхлипнула женщина. — Прости его, неразумного, ибо он сам не ведает, что творит...

4

В то мгновение, когда керн вошел в сердце серебристой фигурки, в Ростове в квартире Фатуновых раздался телефонный звонок. Пятидесятилетняя хозяйка Валентина Петровна, сидевшая на диване перед телевизором, вскрикнула и схватилась за сердце.

— Ты чего, мать? — удивился сын.

— Ой, не знаю. Напугалась звонка, — виновато засмеялась Валентина Петровна, продолжая держаться за сердце. — Ой, никак не могу отойти. Да что это со мной?

— Сериалов надо меньше смотреть, и на свежем воздухе больше бывать, — беззлобно проворчал двадцатипятилетний сын и поднял трубку.

— Алло! Слушаю!

— Я по объявлению, — ответил на том конце мужской голос с хорошей дикцией. — Это вы продаете фотоаппарат «Пентакс»?

— Да, я! — оживился Виктор. — Кроме того, даю три года гарантии. Он у меня почти новый. Я его только в прошлом году купил. Классная машина. Даже расставаться жалко. Но увы! Недавно я купил «Никон». Сами понимаете, два японских аппарата в доме — это через чур.

— За сколько продаете? — поинтересовались в трубке.

— Всего за восемьсот долларов. Ну, разумеется, с увеличителем и со всеми остальными причиндалами. Словом, полный набор, включая документы.

На том конце слегка призадумались. Впрочем, молчание длилось недолго.

— Цена для меня решающего значения не имеет. Могу я взглянуть на фотоаппарат?

— Хоть сейчас.

Через минуту согласие было достигнуто, и трубка водворена на место. Договорились, что покупатель придет домой к Виктору в девять вечера, и если фотоаппарат подойдет, то он сразу и расплатится рублями по курсу Центробанка.

— Может быть, рублями не устраивает? Просто не хочется тратиться на комиссионные. Зачем валютных спекулянтов поощрять?

— Устраивает! Мне как раз нужны рубли к свадьбе.

Виктор радостно хлопнул в ладоши и вошел в комнату к матери.

— Ну вот, мать, покупатель есть!

— Слава богу! — облегченно вздохнула женщина, продолжая потирать грудь. — Хоть к свадьбе деньжата будут. А то совсем нет. Ой, что у меня с сердцем сегодня? Принесика валерьянки.

Ровно в девять вечера в прихожей Фатуновых раздался звонок. Валентина Петровна как раз уютно расположилась в гостиной перед телевизором. Началась очередная серия мексиканского сериала. В такие минуты ее лучше не трогать. Можно круто нарваться. Валентина Петровна слышала, как сын открыл входную дверь и поздоровался с гостем. У гостя был хорошо поставленный, чуть сипловатый голос. Он гово-

рил негромко, но его дикция была настолько безукоризненной, что было все слышно дословно. Это Валентине Петровне не понравилось, и она прибавили звук. Сын с гостем проследовали в комнату Виктора и пробыли там около получаса. Точнее, до двадцати одного двадцати восьми. Это потом заставит вспомнить следователь прокуратуры. Как раз на этом месте, невеста дона Педра узнала, что он не только женат, но и имеет трехлетнего сына.

— Каков мерзавец! — в ужасе прошептала Валентина Петровна, и в это время услышала, как сын с гостем вышли из комнаты. Виктор взглянул к матери.

— Мама, я поехал к Анжелике. Я у нее заночую, так что не жди.

Вот в этот момент Валентина Петровна и взглянула на часы. Она хотела сказать, что поздно ехать к невесте на другой конец города, однако на электронном табло светилось всего 21:28. К тому же в это время глаза невесты дона Педра стали круглее ведра.

— Ну что, он покупает фотоаппарат? — поинтересовалась Валентина Петровна, не отрываясь от экрана.

— Все о,кей! — радостно кивнул сын. — Мы сошлись на семистах долларах. Лично я доволен.

— Слава богу, — выдохнула Валентина Петровна. — Он деньги уже отдал?

— Отдаст по дороге. Он как раз живет в том районе, где Анжелика.

На этих словах Валентина Петровна, оторвалась от экрана и повернулась к сыну с недоуменно выгнутой бровью.

— Почему по дороге, а не сейчас?

— Потому что у него рубли. А я, все-таки, решил взять долларами. Так оно надежнее. По дороге мы заедем в обменный пункт, и в обменном пункте он со мной рассчитается.

Ответ вполне удовлетворил Валентину Петровну, и она снова впиалась в экран, где мерзавец дон Педро, кусая губы, лепетал какие-то оправдания.

— Счастливо, сынок, — произнесла Валентина Петровна. — Деньги запрячь подальше.

Когда они хлопнули входной дверью, у женщины возникло желание подойти к окну и посмотреть, как они садятся в машину. Белая «четверка» сына стояла тут же под окнами. Потом она до конца жизни будет казнить себя за то, что не встала и не посмотрела. Зато она четко услышала, как из открытой форточки донеслись два резких хлопка. Это хлоп-

нули дверцы «жигулей» Виктора. После этого завелся мотор, и они уехали.

Когда серия закончилась, Валентина Петровна все-таки подошла к окну. Но машины, разумеется, уже не увидела. Женщина ни с того ни с сего зябко поехала и пошла в спальню разбирать постель. Когда она легла, снова какая-то игла вонзилась в грудь. «Сердце стало совсем никудышным», — последнее, что подумала она и уснула.

Когда в прихожей раздался звонок, ей показалось, что она проспала не более двадцати минут. Валентина Петровна с тревогой выскочила из постели и взглянула на часы. Боже, было уже три часа ночи! Все ясно. Виктор опять поссорился с невестой. «Если она сейчас так выкобенивается, что же будет после свадьбы?» — проворчал кто-то в голове.

Женщина проследовала в прихожую и поглядела в глазок. Однако ничего не увидела, поскольку в коридоре перегорела лампочка.

— Кто там? — спросила Валентина Петровна, схватившись за собачку замка.

— Откройте, это милиция, — ответили из-за двери.

— Милиция? — удивилась Валентина Петровна. — А в чем дело?

— Виктор Фатунов ваш сын?

— Мой! — вздрогнула женщина, чувствуя, как внутри все сжимается от страха.

— Его только что убили.

5

— Нет, этого не может быть! Вы ошиблись. За что его убивать? — точно помешанная повторяла Валентина Петровна, когда милицейский «УАЗик» летел по ночным улицам. — Он никому ничего плохого не делал. Его все любили в школе, в институте, во дворе. И на работе любят. У него через две недели свадьба. Вы сказали, что убитый найден в семидесяти метрах от собственной машины? Ну, так это точно не он. Зачем ему так далеко отходить от своей машины. Нет, это не он. Я в этом уверена! На сто процентов уверена, что не он.

Сидящие по бокам милиционеры молчали и отводили глаза. Женщина с дрожащим подбородком всматривалась в них и продолжала причитать:

— Он поехал к своей невесте, Анжелике. За что его убивать. Он совершенно не агрессивен. Ни в какие драки никогда не ввязывался. Это такая порода. Он у меня очень хороший сын. Послушный. Умница. Школу закончил с отличием, институт — с красным дипломом. Увлекается фотографией. В четвертом классе занял первое место среди фотографов Ростова. Кстати, он и поехал с фотоаппаратом. Скажите, у убитого найден фотоаппарат?

— Фотоаппарат? По-моему, нет, — неуверенно ответил сидящий впереди сержант.

— Вот видите! — обрадовалась женщина. — Значит это не он. Я говорю вам, что не он. Он сейчас у Анжелики...

— Фотоаппарат дорогой? — спросил сержант, не поворачивая головы.

— Дорогой, — кивнула женщина. — Хотя и любительский. Называется «Пентакс». Витя купил себе «Никон», профессиональный. А этот решил продать... — женщина осеклась и испуганно посмотрела на сидящего рядом милиционера. — А что, могут убить за фотоаппарат? Вообще-то он не настолько дорогой. Витя купил его за 800 долларов. Столько стоит новый. А он снимал им не больше года.

Сидящей рядом милиционер отвернулся. Сержант с переднего сидения ответил:

— Идиотов много. Я уже ничему не удивляюсь.

Через десять минут милицейский «УАЗик» прибыл на место происшествия. На шоссе около пятиэтажного дома стояла белая «четверка» с распахнутыми дверцами. Вокруг нее копошились эксперты. Еще милицейский «УАЗик» не остановился, а женщина срывающимся голосом закричала:

— Да, это же машина Витеньки! Что же это делается? Боже, пожалей нас, грешных!

Через две минуты трясущуюся женщину подвели к телу, накрытому белой простыней. Когда простынь откинули, Валентина Петровна лишилась чувств. Потом ее долго приводили в себя при помощи нашатырного спирта и успокоительных уколов. После этого следователь прокуратуры протянул ей мобильный телефон.

— Узнаете?

— Да, это телефон моего сына, — простонала женщина.

— Точно? Посмотрите внимательнее!

— Я что, не знаю Витенькин телефон? Отдайте мне его?

— Извините, пока отдать не можем. Это вещественное доказательство. Мы изъяли его у задержанного.

— Где эта сволочь? — сверкнула глазами Валентина Петровна, поднимаясь с носилок. — Я хочу посмотреть ему в глаза.

— Успокойтесь, Валентина Петровна, — мягко произнес следователь, усаживая ее на место. — Его увезли. Так вы говорите, что у вашего сына был с собой японский фотоаппарат?

Следователь оставил рыдающую женщину на попечение врачей и вернулся к машине.

— Фотоаппарат не обнаружили?

— Ни фотоаппарата, ни пистолета нет, Николай Александрович, — ответил оперуполномоченный. — Мы обшарили все кусты. Ствол он мог скинуть только в кусты. Хотя возможно, бросил на тротуар, и потом его подобрали подростки.

— Какие подростки в такой час? Продолжайте искать.

— Свидетельница утверждает, что видела трех подростков во дворе на скамейке: двух мальчишек и девчонку. После того, как в машине раздались выстрелы, они исчезли.

— Приведите свидетельницу. Я с ней сам поговорю, — приказал начальник.

Через минуту к следователю подвели щуплую худощавую женщину лет пятидесяти. Она была в байковом халате, наглухо застегнутом на все пуговицы, и домашних шлепанцах на босу ногу. Женщина не выглядела растерянной, или испуганной. Напротив, в ее глазах сияло радостное возбуждение.

— Я уже засыпала, — начала повествовать свидетельница, не дожидаясь вопросов. — Вдруг сквозь сон слышу, что по шоссе едет легковая машина и останавливается в аккурат под моими окнами. Я как-то сразу насторожилась, потому что живу на втором этаже. Залезть в мою квартиру элементарно. «Мало ли что за люди?» — подумала сквозь сон. И еще подумала, что нужно встать и закрыть форточку. А сама не двигаюсь, прислушиваюсь. Слышу, в машине кто-то говорит. Слов разобрать нельзя, но смысл понять было можно: типа, не волнуйся, все нормально, сейчас приеду. По телефону, стало быть, говорил. С женщиной.

— Почему решили, что с женщиной? — поднял брови следователь.

— Ну потому, что ласково говорил. С мужчинами так не говорят. И потом он сказал «целую». Это я расслышала. Так вот, сразу же после того, как он сказал «целую» раздались выстрелы. Три выстрела подряд. Прямо в самой машине. Я вскочила и подбежала к окну. Ну, напугалась, естественно,

поэтому смотрела одним глазом из-за шторы. Так вот, увидела, как из машины выскочил парень и побежал прочь. Причем, в сторону бензоколонки побежал. Сначала он бежал нормально, затем его стало качать. «Пьяный!», — сначала подумала я. Но после того, как он оглянулся и упал, я сообщила, что он раненый. Он зажимал обеими руками сердце. Причем одна рука была сжата в кулак. Я потом поняла, что в руке у него был телефон.

— Он что-нибудь кричал?

— Нет! Не вымолвил ни звука. Все происходило молча. Он два раза падал и два раза поднимался, и при этом хоть бы пискнул. Добежав до бензоколонки, парень упал окончательно и затих. Через некоторое время к нему подошел какой-то человек, наклонился, что-то сказал и быстро пошел прочь. Раненый поднял голову. Затем уронил на асфальт и больше не поднимал.

— Откуда вышел человек? Из машины? — насторожился следователь.

— Не знаю. Он вынырнул откуда-то из темноты. Может из кустов, может еще откуда? Мне почему-то кажется, что он с самого начала шел за ним, прячась за кустами.

— Так значит, все-таки из машины?

— Я этого не говорила. И не видела. Возможно, что и вышел. Я же вам сказала, смотрела одним глазом из-за шторы, низко наклонившись к подоконнику. Так что машину мне не всегда было видно. Но по моему, из машины никто не выходил. Я бы услышала, как открылась дверца.

Следователь поблагодарил свидетельницу и подошел к эксперту. Тот протянул ему в полиэтиленовом пакете три стреляные гильзы от пистолета ПМ.

— В водителя стреляли с переднего сиденья, — произнес он. — В это время дверь со стороны пассажира была открыта, поэтому свидетельница не слышала шума открываемой двери. Не исключено, что он вышел вслед за жертвой, юркнул в кусты и шел за ним за кустами. Одна пуля попала в шею, другая в область сердца, третья в печень. Смерть наступила около двенадцати. Плюс, минус — десять минут. Кстати, убийца стрелял не из «Макарова». Видите? Гильзы обточены. Видимо, в стандартном виде они не лезли в его пистолет.

— Пистолет по-прежнему не найден?

— Увы, Николай Александрович.

Было элементарно повесить убийство парня на некоего Дербасова, которого через пятнадцать минут после стрельбы задержала патрульная служба. Кто-то из жильцов дома, расположенного в ста метрах от бензоколонки № 36, позвонил в милицию, и из дежурной части сразу передали сообщение патрульной машине.

— Будьте осторожны, преступник вооружен, — предупредил дежурный.

— Это он пусть будет осторожен, — скрипнул зубами командир патрульного экипажа, и в эту же минуту милицейский «жигуль» с визгом развернулся на пустой дороге и что было газу понесся в сторону бензоколонки.

Город уже видел второй сон. Этот район, неподалеку от аэропорта, с наступлением сумерек словно вымирал, поэтому любое шевеление в тени пирамидальных тополей по обе стороны шоссе у милиции вызывал прилив адреналина. И вот в десяти минутах ходьбы от бензоколонки во дворе за деревьями проскользнула чья-то тень.

— Ну-ка разверни машину, — приказал сержант, доставая из кобуры пистолет.

Фары скользнули по кронам тополей, и милиционеры четко разглядели бегущего во дворы человека. Машина рванула ему наперез. Человек юркнул в арку какой-то темной подворотни. Там-то он и был настигнут, схвачен и с закрученными руками повален на землю выскочившими из машины оперативниками.

— Ребята, вы чё, я живу вот здесь, через дом.

— Тогда зачем убегал?

— Я думал, бандиты за мной гоняться. Я не видел, что тачка ментовская. Отпустите, а! Я никому ничего плохого не делал.

Задержанного обыскали. Кроме водительского удостоверения из его кармана извлекли охотничий нож, плеер и мобильный телефон «Моторола». Личность задержанного немедленно установили. Мужчина оказался жителем Ростовской области Валерием Дербасовым тридцати лет от роду. Как выяснилось, он только что освободился из мест не столь отдаленных. Пять лет назад Дербасов был осужден за разбой.

Поэтому то, что он действительно снимал квартиру через два дома, не было взято во внимание. Приятеля заключили в наручники и посадили на заднее сиденье «жигулей». Через пару минут наряд был на том самом месте, откуда так рьяно рвал когти гражданин Дерebasов. На асфальте, в тридцати метрах от колонки лежал молодой человек. Сквозь белую футболку проступало три кровавых пятна. Выскочивший из машины старший группы поднес к его остекленевшим глазам фонарик и на выдохе произнес:

— Готов!

Сержант вернулся к машине и злорадно вцепился Дерebasову в рубашку.

— Твоя работа?

— Клянусь, что не моя, — вытаращил глаза освободившийся. — Расскажу все, как на духу! Да, я его видел. Не отрицаю! Он шел мне навстречу и качался. Я подумал, пьяный! Подошел поближе, мать честная! На груди живого места нет. Все в крови. Я хотел ему помочь, а он возьми и упади. Я подошел, а он уже мертвый.

— И ты сразу бежать, — сдвинул брови милиционер. — Почему не вызвал «скорую».

— Да сами понимаете, почему! Я только что освободился. Меня же первого заметут. Да к тому же здесь в радиусе километра нет ни одного автомата?

— У тебя же был «мобильник».

Дерebasов открыл рот, но не нашелся, что ответить. Его смущение не ушло от внимания патрульного.

— Ну, что молчишь? — подозрительно сощурился он.

— Да хрен его знает, как им пользоваться? Это не мой телефон, а кореша одного...

Оказалось, что телефон убитого. Но это была единственная улика против Дерebasова. Орудие убийства так и не обнаружили, хотя милиция обнюхала каждый сантиметр дороги, по которой следовал подозреваемый. Также непонятно, куда делся фотоаппарат с запасным увеличителем. На пути Дерebasова было два канализационных колодца. В принципе, он мог скинуть фотоаппарат с пистолетом в колодцы, однако следователь Замятин шестым нюхом чувствовал, что Дерebasов здесь ни при чем.

Когда мать Фатунова опознала телефон, Дерebasов чистосердечно признался, что вырвал его из рук умирающего. В ту минуту он был еще жив. Что касается «мокрого» дела, то Дерebasов клялся, что к этому отношения не имеет. Конеч-

но, впереди еще намечалось обследование канализационных люков, где могли быть обнаружены фотоаппарат с пистолетом, но это, скорее всего, из сферы фантастики. «Если Дербасов по пути действительно скинул улики, то почему не избавился от сотового телефона и охотничьего ножа? Телефон — это не менее существенная улика, а нож — холодное оружие? — соображал Николай Александрович. — Нет, Дербасов здесь ни при чем. Это как пить дать...»

— Да он убил, больше некому, — сбивали с мысли опера из криминальной милиции. — Запросите санкцию. Мы уверены, что при обыске найдем у него на квартире патроны от ПМ.

Это был явный намек на предложение облегчить работу прокуратуре. Однако Замятин отрицательно покачал головой.

— Учтите, если вы подкинете ему патроны от ПМ, то я вас заставлю разыскать и сам пистолет, и тиски, на которых он обтачивал гильзы. Кстати, судя по обточенным патронам, фигурант стрелял из итальянского пистолета, типа «Беретта».

Обыск на квартире Дербасов был произведен. Кроме заточки никаких патронов обнаружено не было. Не было обнаружено даже героина, поскольку в РОБОПе знали, что Замятин терпеть не может, когда при обыске подкидывают обличающие вещдоки.

После того, как канализационные люки были исследованы, и в них ничего найдено не было, оставалась дожидаться результатов экспертизы. Если стрелял Дербасов, то на его пальцах должны оставаться частички пороха. Частичек не обнаружили. Дербасов точно тут ни при чем. Но он мог быть соучастником. Осталась последняя надежда на мать убитого. Следователь знал, что Валентина Петровна хоть и не видела предполагаемого убийцу (а это, безусловно, покупатель фотоаппарата), однако четко слышала голос, который по ее уверению, узнала бы из тысячи. Для чистоты эксперимента на магнитофон записали еще два голоса. Валентина Петровна внимательно прослушала все голоса и заявила, что один из них очень похож. Но это был голос помощника прокурора.

— А этот голос вам не знаком? — уточнил Замятин, повторно прокрутив пленку с голосом Дербасова.

— Что вы? — замахала руками Валентина Петровна. — И близко нет. Это какой-то блатной говорит, а тот был голос интеллигентного человека. Я хорошо помню.

После эксперимента в отношении Деревасова возбудили уголовное дело только по факту хищения телефона, а расследование самого убийства зашло в тупик. Через месяц после инцидента Замятина вызвал прокурор и спросил прямо:

— Ну что с убийством Фатунова? Висяк?

— Похоже, что висяк, — вздохнул следователь.

7

А в это время в Москве, как раз в тот час, когда в кабинет Замятина вели в наручниках задержанного Деревасова, в общежитии «Станкина» на улице Студенческой просыпались вчерашние молодожены. Первым открыл глаза Сергей. Ему казалось, что он за всю ночь не сомкнул глаз. Однако это было не так. Он не только сомкнул, но еще ему приснилось не менее десятка каких-то невообразимых снов. Точнее сказать, это были рваные клочки одного и того же сна.

Надежда спала на боку лицом к нему, по-детски подложив под щеку свою полупрозрачную ладонь. Ее лицо, обрамленное нежными кудряшками, как всегда, было спокойным и обаятельным. Сергей отметил, что она улыбочива даже во сне, а вот ему, кстати, было не до улыбок. Юного мужа всю ночь терзали две вещи: первая — что Наденька до него уже с кем-то была (это вызывало не столько уныние, сколько недоумение) и вторая — что новобрачный процесс любви прошел как-то быстро и холодно. Все закончилось за пять минут, а через пятнадцать — Наденька уже сопела, предварительно отпустив шутку, что супружеский долг исполнен и теперь можно заснуть с чистой совестью. И она действительно заснула с чистой совестью, хотя новоиспеченный муж хотел продолжения. Осталось она удовлетворенной, или разочарованной, Сережа так и не понял. Ночью он трижды прикладывался к ее груди, но она молча сбрасывала руку, и при этом не думала просыпаться. Словом, первая брачная ночь с Надей, которую жених (откроем тайну) воцарился с третьего класса, больше разочаровала, нежели осчастливила. Единственное чувство, которое более-менее тешило Сережино самолюбие, это то, что теперь она его законная собственность.

Приблизительно в половине одиннадцатого утра Надежда открыла глаза и, увидев таращившегося на нее Сергея, весело рассмеялась. Она обвила его шею лебедиными руками и прильнула к нему, будто наэлектризованная рубашка.

— Ты такой серьезный, словно собираешься читать научный доклад, а не лежишь в постели с молодой женой. Расслабься, Серьга! Что ты как валенок, в самом деле? Извини, я вчера так устала, что не заметила, как отрубилась.

От сердца немного отлегло. Однако одна игла все еще продолжать торчать. Сергей тяжело вздохнул и спросил не своим голосом:

— У тебя до меня кто-то был?

Надежда залилась счастливым смехом.

— Ты поэтому такой угрюмый? Не забивай голову всякими глупостями. Успокойся. Я вся твоя, без остатка!

Юная жена в то утро была так нежна и ласкова, что муж согласился: действительно, все пустяки. «Все это немислимые старомодные глупости», — подумал он и решил больше не задавать щекотливых вопросов. Второй акт постельной сцены закончился еще быстрее, чем первый. Надежда к порыву юного мужа отнеслась, скорее, снисходительно, чем вожделенно. Она не была страстной, не стонала, не закатывала глаз, не кусала губ. Она только льнула и улыбалась.

— Тебя было хорошо? — спросил Сергей, тяжело дыша и не находя сил даже сползти с нее.

— Конечно, — ответила она. — Только не кончай так громко. Мы все-таки в общежитии. Здесь такая слышимость.

Такой рассудочности в подобные минуты Сергей не понимал. У него (чего скрывать?) была одна девушка на первом курсе из параллельного потока, которая, ни в пример Наденьки, позволяла ему все. Впрочем, не ему одному.

Это была жгучая фигуристая молдаванка, заводившаяся с полуоборота. Стоило только Сергею коснуться ее руки, и у него перехватывало дыхание. Дальше — как удар молнией: руки начали хаотично обшаривать ее тело, по пути цепляя и срывая все, что мешало доступ к пылающей наготы. В ответ Наталицу охватывала дрожь. Она начинала вожделенно стонать и без чувств заваливаться на первую попавшуюся койку. Все остальное происходило точно в бреду. Только после того, как Сергей приходил в себя, с изумлением замечал, что лежит полураздетый. Разоблачиться полностью он никогда не успевал. Рядом в изнеможении лежала Наталица. Бесстыже голая. И когда успевала раздеться?

Если она лежала спиной, в позе Данаи, изящно выгнув и без того сумасшедше круглое бедро, Сергей не выдерживал и начинал покрывать ее поцелуями. И все опять начиналось сначала. Это была какая-то ненормальная страсть, которой невозможно было противостоять.

Их встречи происходили исключительно по четвергам, и всегда в ее комнате. В этот день у них на курсе бывала производственная практика. Наденька отправлялась в центр студенческой практики на «Авиамоторную», а Сергей — на завод «Крептон». Однако на этот завод они с Наталицей всегда опаздывали, а иногда вообще не приходили. Четверг — был их днем. Все остальные дни принадлежали Наденьке и их платоническим чувствам, поскольку она официально считалась Сереежиной невестой. Отношения с Наталицей нельзя было назвать ни ласковыми, ни нежными, ни тем более — любовными. О какой любви могла идти речь, если с ней переспала вся мужская половина курса. Все об этом знали, и никто друг к другу не ревновал. Она, должно быть, потому и перевелась в другой университет, что в «Станкине» уже всех познала.

Когда Сергей узнал, что Наталица покидает «Станкин», то вздохнул с облегчением, поскольку дикая страсть к ней ставила их отношения с Наденькой под удар. Разумеется, у Сергея и мысли не было связывать с Наталицей жизнь. Такие, как Наталица, не предназначены для жизни. Такие предназначены исключительно для постыдных развлечений. Взять в жены? Да упаси боже!

Однако именно Наталица просветила нашего героя в области женских страстей. Надежда по сравнению с такими женщинами — айсберг в океане. Но, вероятно, такими и должны быть жены: спокойными, устойчивыми, рассудочными. Необузданная стихия и непредсказуемость — в семейной жизни ни к чему.

В то утро Сергей спросил себя: хотел бы он, чтобы его жена была такой же горячей, как Наталица? Пожалуй, не хотел. Нет-нет, без лукавства! Вот если бы для него одного — это пожалуйста! Однако так не бывает. Страсть стихийна. А это значит, она — либо для всех, либо ни для кого. Вот любовь индивидуальна.

Кажется, на такие философские темы в то утро Сергей думал впервые. «Вот же черт! А ведь еще не успел жениться».

В это время из коридора уже доносились смех, беготня и звон посуды на общей кухне. Общага, она и в Африке общага. Люди в первую брачную ночь стараются уединиться в какие-нибудь пустынные места: уезжают от людей, от цивилизации, на безлюдные побережья, в горы, на турбазы, или на худой конец — в деревни. Но, увы! Студенты не могут себе этого позволить. А общежитие не располагает к тому, чтобы долго нежиться в постели.

Надя поднялась, накинула на себя махровый халат и открыла створку шкафа, где было зеркало. Сережа посмотрел на часы. Было без пятнадцати одиннадцать.

— Ну что, встаем? — спросила Надя, взяв в руки расческу.

— Что-то не хочется, — недовольно пробурчал Сергей.

Надя обернулась и рассмеялась.

— Я тоже не прочь поваляться, да боюсь, не дадут. Уже одиннадцать. Даже удивительно, как до этого времени к нам еще никто не вломился.

— А уже не имеют право вламываться, — ответил с кровати Сергей. — Теперь мы муж и жена. Нас тревожить нельзя. Все это понимают. Поэтому не беспокоят.

Надя положила расческу на тумбочку, вернулась к мужу и присела на кровать. Ее смеющиеся глаза сделались лукавыми.

— Ты хоть осознаешь, что теперь — все! Твое детство закончилось. Мы теперь связаны на всю жизнь. Ты должен заботиться обо мне и о семье. Валять дурака тебе уже не солидно. Да я и не позволю. Потому что теперь мы — единое целое. Мне даже сегодня по этому поводу приснился сон. Будто легли мы с тобой в какую-то огромную постель, самую что ни на есть настоящую, супружескую, а не на две сдвинутые койки. И вдруг, не успели мы обняться, как на нас сверху упала сеть. И не простая, а железная. Я хотела скинуть ее, но не смогла. Ты хотел порвать ее, но тоже не смог. Этот сон я поняла, как символ того, что теперь мы связаны с тобой одной судьбой.

— Надька! — прошептал с вытаращенными глазами Сергей. — Ты не поверишь, но мне снилось то же самое.

Только после этого Сергей вспомнил, что ему снилось в эту ночь. Причем, вспомнил все, до единой детали. Сон ему дико не нравился, поэтому он так часто просыпался. Но когда снова проваливался в черную дыру, сон продолжался именно с того момента, с какого прервался.

А снились ему беломраморные дворцы, которые ужасали своими исполинскими размерами. Ему снились какие-то пышные рощи из черт знает каких растений, возможно из оливок, которых он никогда не видел. Снились пышные луга и розовое небо. Вообще, надо отметить, что там, где он пребывал, было довольно красиво, но Сережу угнетало чувство, что он чужой на этом празднике великолепия, что его тут не любят и не ждут. Он даже знал, за что не любят: за его драчливый характер и за то, что он подвержен стихийным страстям. В этом уголке, куда его непонятно каким ветром занесло, ценились мудрость и благоразумие. Сергей хорошо знал, что ни тем, ни другим он не обладает, однако вынужден обитать в таком диковинном обществе.

Во сне он имел совсем иную внешность, нежели наяву. Он был нескладен и некрасив. Носил черную бороду и смоляные волосы. Завитки длинных кудрей поминутно попадали в глаза, и их приходилось откидывать. Его не звали по имени, а звали только по фамилии, и то без окончания. Это считалось высшей степенью пренебрежения.

Сергей знал, что красавица Надя, которой все здесь восхищались, его также не любила, однако она оказывала ему знаки внимания и строила двусмысленные намеки, исключительно для того, чтобы вывести из терпения свою подругу, которая откровенно ненавидела Аресова. Наяву невозможно описать ту тоску, которая была постоянной спутницей Сережи в мире сна. То была тоска по Наденьке.

Однажды в ее ожидании он одиноко бродил по оливковой роще и вдруг, раздвинув густые заросли, увидел узкую тропинку, устремленную в гору. Между двумя деревьями была натянута алая ленточка и на ней болталась табличка с надписью «Стоп! Опасно для жизни».

Аресов, поглазев по сторонам и убедившись, что за ним не подглядывают, воровато устремился вверх по этой тропинке. Подъем был крутой. У Сережи дважды возникало желание вернуться, но любопытство гнало дальше. На самой вершине деревьев почти не было. Только у противоположного края горы стояли два громадных кипариса, между которыми висела алая ленточка с табличкой «Не подходить!» Се-

режа не мог не подойти. Не для того он сюда лез, чтобы подчиняться каким-то надписям на табличках.

Он приблизился, посмотрел вниз и вскрикнул от страха. Такую высоту можно было увидеть только с самолета. Склон с противоположной стороны горы, был не просто отвесным, но еще обрывался рваными зубьями внизу у облаков. Складывалось ощущение, что гора висит в воздухе над облаками, а там, внизу, в белесой дымке простиралась серая земля. Земля была так далека, что виделось, как она закруглялась к полюсам.

Именно на этом моменте Сергей проснулся в первый раз. Сердце отчаянно колотилось, поджилки тряслись. «Какое счастье, что это только сон», — подумал новобрачный и обнял жену, лежавшую к нему спиной. Наденька протяжно вздохнула, как будто произнеся «но ведь ночь, же! можно, наконец, подождать до утра?» и, не просыпаясь, сняла его руку со своей груди.

«Теперь фиг засну!» — с досадой подумал Сергей и вдруг почувствовал, что мчится сломя башку вниз по той же тропинке, по которой только что взбирался вверх. Внизу он, наконец, увидел ту, которую ждал и по которой так отчаянно тосковал. Но к досаде она была не одна, а со своей подругой, которая терпеть не могла Аресова. Девушки брели по роще, вставляя друг другу шпильки. Сергей, прячась за деревьями, последовал за ними, надеясь, что рано или поздно их шуточки приведут к ссоре.

— Так, я не поняла, ты выходишь замуж за моего брата, или даешь отворот? — допытывалась подружка.

— Разумеется! — лукаво отвечала Наденька.

— Выходишь по любви, или не хочешь обижать моих родителей? Не подумай, что они тебя принуждают.

— По любви, успокойся! Я все делаю по любви, — рассмеялась Надежда.

«Это еще за кого она собралась?» — насторожился Сергей. — Вот это ни фига себе!» Впрочем, он, кажется, знал, за кого. За одного хромого кузнеца, который появился здесь недавно. Кажется, кузнец из простолюдin. Во всяком случае, долгое время жил среди таковых.

У мраморной беседки, стоящей на краю оливковой рощи, подруги звонко чмокнулись и расстались. Это было из области невероятного. Первый раз в жизни они не разошлись врагами. Сердце Аресова забилося чаще. Он шел за На-

денькой, прячась за кроны деревьев, будто зверь, держащий в поле зрения добычу.

На огромной поляне Сергей выскочил из-за дерева и бесшумно подкрался сзади. Надя обернулась и воскликнула: «Ты?» Аресов не ответил. Он вцепился в ее платье (впрочем, это было не платье, а скорее античная тога) с намерением разорвать одежду в клочья. Бедняжка отбивалась, как могла: она кричала, царапалась, кусалась, звала на помощь Богов. Только где хрупкой девушке совладать с таким сильным и жадным животным. Когда он уложил ее на обе лопатки, то понял, почему невеста не досталась ему девочкой. Потому что он сам же ее и испортил.

На этой мысли Сергей проснулся во второй раз. Сердце отчаянно колотилось. «Какой я все-таки мерзавец», — вопил кто-то внутри. Только потом Сергей сообразил, что это был не более чем сон.

«Фу ты, слава Богу! — облегченно вздохнул он и во второй раз обнял супругу, полагая, что сейчас имеет на нее законные права. — Мало ли на свете таких идиотов, каким я был во сне?»

Однако и на это раз Наденька, не просыпаясь, отвергла его объятия. Сереже ничего не оставалось, как перевернуться на спину и философски закинуть руки за голову. Сон ему определенно не нравился. «Все, достаточно! — прошептал он неизвестно кому. — Не хочу больше смотреть эту белиберду».

И как будто, внимая его пожеланиям, ему приснилась Наденька, нежно держащая его руку и обволакивающая ласковым взором. «Вот это другое дело, — подумал во сне Сергей. — На такое смотреть еще куда ни шло».

Они сидели в какой-то беседке, обвитой густым плющом, и над головами щелкали соловьи.

— Хочу, — страстно прошептал Сергей, впиваясь жадными губами в ее шею. Однако его кучерявая борода уперлась в ее узкую ладошку.

— Стоп! Только не здесь.

— Нет, здесь! Здесь и теперь!

— Сумасшедший! Рядом муж. Он все слышит, — лукаво сощурилась Наденька и погрозила пальчиком.

Аресов прислушался. Действительно сквозь соловьиное щелканье раздавался звон молота, бьющего по наковальне.

— Тогда где и когда? — скрежетнул зубами Сережа.

— Послезавтра, в полночь. Мой муж будет в мастерской.

Аресов уткнулся лицом в ее грудь и плаксиво простонал:

— До послезавтра не дотерплю. Придумай что-нибудь! Ты же Богиня.

— Какие мы нетерпеливые, — покачала головой Наденька и запустила свои тонкие пальцы в его смоляные кудри.

— Здесь и теперь, — воскликнул Аресов, пылая от вожделия, и в очередной раз проснулся.

Сердце восторженно билось, и с головой творилось что-то невообразимое. Руки сами потянулись к спящей жене, но, и как в предыдущий раз, он получил решительный отпор. Можно было ее разбудить и настоять. Брачная ночь как-никак! Однако что-то ему подсказывало, что свои притязания следует отложить до утра.

Минут через десять Аресов остыл и успокоился. Не успел он сомкнуть глаз, как ему снова приснилось, что он идет по какому-то изуверскому залу, где вместо потолка звездное небо, а сам зал невероятных размеров с громадными колоннами и скульптурами по бокам. «Куда опять меня занесло?» — в очередной раз удивился Сережа и внезапно вспомнил, что находится в доме Наденьки, и что он направляется ни куда-нибудь, а в аккурат в ее роскошную спальню.

Аресов пошел тише, поскольку грохот от его грубых сандалий бил по мозгам. Хотя излишняя осторожность не имела стратегического значения. Сережа точно знал, что сегодня хромонного мужа Наденьки дома нет.

Когда он вошел в спальню, то сразу увидел на роскошной пурпуровой ложе предмет своего вожделия. Наденька почти обнаженная лежала на боку в позе Данаи и спала. Вернее, претворялась, что спала. Аресов хорошо изучил ее эротические штучки, заводящие мужчин, поскольку не в первый раз являлся сюда. Сейчас он на цыпочках приблизится к ней, поцелует в бархатное плечико, и она с притворным удивлением проснется:

— Это ты? Как мило. А я тебя совсем не ждала.

Такая ложь только разжигало похотливое нутро Аресова. Он на цыпочках приблизился к ложу и осторожно прилег рядом. Прежде, чем коснуться возлюбленной, он решил полюбоваться ее роскошной плотью. Однако полюбоваться не удалось. Внезапно с потолка упала сеть и защелкнулась по бокам. Надежда попыталась вскочить и сдернуть ее с себя, но не тут-то было. Аресов вцепился в нее руками и хотел разорвать. Но черт! Сеть была словно выкована из металла.

— Что это такое? — удивился он.

— Это муж придумал такую штуку, чтобы нас застукать, — прошептала бледными губами Наденька.

И сразу же после этих слов в спальню вбежал хромой, черноволосый великан. Глаза его лихорадочно блестели, подбородок дрожал, со лба стекал пот. При виде копошившихся под сетью любовников он злорадно расхохотался и во всю глотку завопил:

— Идите все сюда! Я их поймал!

9

Больше всего на свете восемнадцатилетняя Юля Горбовская боялась мертвецов. Когда ей, студентке второго курса Ростовского медицинского училища, предложили подработку — поухаживать за бабкой-инвалидкой, которая не нынче завтра умрет, Юлия воскликнула:

— Да вы что! А вдруг я приду, а она мертвая! Я же с ума сойду.

— А ты не доводи ее до коматозного состояния. Кстати, ты у нее можешь пожить. У бабки две комнаты.

Тут уже было о чем задуматься. Жить в цивилизной квартире, хоть и с инвалидкой за стеной, в любом случае лучше, чем в студенческом общежитии.

Юля сходила на улицу Московскую, где жила бабка и не увидела ничего ужасного. Старушка даже понравилась. На умирающую Клавдия Львовна никак не походила. Ну, сидит инвалидка в своей инвалидной коляске, ездит себе по комнате и курит.

То, что бабка без конца смолила «Беломор», оказалось очень весомым аргументом в пользу ее жизнелюбия. «Такие добровольно не умирают», — подумала Юля и дала согласие ухаживать за ней. Сварить суп и вынести за Клавдией Львовной парашу, ничуть не напрягало Юлю. Как-никак, девушка деревенская, простая. И не такое приходилось выгребать. Вот только с житьем в соседней комнате получился облом. Оказывается ту комнату бывшая нянька, тоже студентка, но только педагогического училища, втайне от родственников бабки, сдавала приезжим и командировочным. Баба Клава не возражала, поскольку из этих денег ей тоже кое-что перепало, все более на папиросы. Словом, ночевать в квартире иногда было можно, но постоянно жить нельзя.

Вечером, пятнадцатого сентября Клавдия Львовна предупредила Юлю, что бывшая сиделка, которую зовут Настей, приведет на постой очередного приезжего. Когда около восьми вечера Юля отправилась в общежитие, Настя с клиентом еще появилась.

На следующий день лекции закончились в четыре часа. Юля сначала заехала в магазин за продуктами, а потом отправилась на Московскую. Как говорится, в тот день ничто не предвещало беды, и никакие дурные предчувствия не терзали невинной души девушки. Это она помнит точно. Даже, когда Юля вошла в квартиру, и тогда ничто не насторожило ее. Было пятнадцать минут седьмого, как вспомнит она потом по просьбе следователя прокуратуры.

— Баба Клава, это я, — прокричала с порога Юля, переобуваясь в потрепанные тапочки. — Хлеба я не купила. Сегодня доедим вчерашний. Купила быстрорастворимый геркулес и киевские котлеты. Полуфабрикат.

Ответа не последовало. Такое бывало часто. Бабушка не очень хорошо слышит.

Юля прошла в кухню, разгрузила сумку и только после этого уловила какой-то странный немного удушливый запах. Сначала подумала, что в очередной раз протухло мусорное ведро, однако оно оказалось не только пустым, но даже помытым. Студентка направилась в гостиную и заметила, что дверь комнаты, в которой должен остановиться приезжий, слегка приоткрыта. Девушка постучалась, но никто не ответил. Она заглянула в комнату и взвизгнула. На полу вниз лицом лежал какой-то парень в джинсовой куртке. Его затылок покрывала бордовая короста запекшейся крови с крохотной дыркой посередине. Не нужно быть врачом, чтобы определить, что парнишка мертвый.

Юля в ужасе попятилась назад, непроизвольно заруливая спиной в гостиную. В глазах слегка помутилось, и к горлу подкатила тошнота.

— Баба Клава, что здесь произошло?

Девушке показалось, что сидящая в инвалидной коляске старушка приветливо кивает и виновато улыбается. Даже стало досадно, что она сидит в своем кресле на колесиках и не ведает, что творится за стеной. Когда сиделка подошла поближе, то завизжала так, что вздрогнули жильцы соседних этажей. На лице старушки не было никакой улыбки. Ее лицо скорее выражало недоумение, и даже некоторое негодование. Остекленевшие глаза были немного с прищуром и

смотрели осуждающе. Между глаз у Клавдии Львовны была такая же, как у парня, кровавая короста из запекшейся крови, и в середине черная дырка. В отличие от парнишки покойница издавала резкий трупный запах.

Через полчаса обе комнаты квартиры были заполнены людьми. Одни деловито сыпали черный порошок на ручки дверей и столы, другие что-то строчили в раскрытые папки. Двое понятых робко жались к обувному ящику в прихожей и ждали, когда их позовут для освидетельствования. Бледная Юля с трясущимся подбородком в десятый раз пересказывала, что в последний раз видела старушку живой вчера около восьми вечера.

— Нельзя ли вспомнить поточнее, — настаивал оперуполномоченный, сурово сверля зрачками бедную студентку медицинского.

— Нет, не знаю, — кусала губы свидетельница. — У меня не было часов. Могу сказать только одно, что как только я приехала в общагу, сразу начался сериал про дона Педро. А он начинается в девять.

— А сколько ходу до вашего общежития, — хитро сощурился опер.

— Ну, минут двадцать, тридцать, если на троллейбусе. А если на трамвае — минут сорок, не меньше.

На этих словах в квартиру вошли два работника областной прокуратуры. Один из них, наш знакомый сорокапятилетний следователь Николай Замятин, второй двадцатитрехлетний оперуполномоченный Владимир Степанов. Быстро осмотрев оба трупа, Замятин пробормотал себе под нос:

— Парня — в затылок, бабку — в лоб. Весьма оригинально.

К следуку подошел мужчина в белом халате и попросил сигарету. Неторопливо закурив, он произнес будничным голосом:

— Смерть у обоих наступила мгновенно. Приблизительно между половиной девятого и девятью. Так, что сиделка должна была столкнуться с убийцей носом к носу. Она в это время выходила из подъезда.

— Клянусь, что никого не видела, — затряслась Юля. — Теперь я главная подозреваемая, да?

— Вспоминайте лучше, девушка, — посоветовал опер из криминальной милиции. — Это в ваших интересах. Может

быть, в это время, когда вы выходили из подъезда, на улице курил какой-нибудь мужчина.

— Подожди! Почему именно мужчина? — выгнул брови Замятин.

— Потому, что эксперты обнаружили следы от мужских ботинок. Убитый обут в кроссовки. Значит это не его следы. Следовательно, женщина убийцей быть не могла. Что касается девушки, которая, якобы, должна была привести сюда постояльца, то ее не было. За это эксперт дает зуб.

Что бывшая сиделки Настя в квартире не появлялась, Замятин уже знал. И не только знал, но и успел проверить ее алиби. Она в это время сидела в кафе в компании друзей. Что касается ее клиента, который намеривался здесь переночевать, то он раздумал, и снял номер в гостинице Ростов.

— Чем открывали замок? — спросил Замятин у криминалистов.

— Ключом. Чем же еще? Во всяком случае, никаких царапин от отмычки мы не обнаружили.

— А сколько от этой квартиры ключей? — поинтересовался оперуполномоченный Степанов.

— Дочь убитой утверждает, что два. Один был у нее, другой у Юли. Покойная ключей не имела, поскольку не имела возможности выходить из дома. Но был еще третий ключ у Анастасии Петуховой, бывшей сиделке. Она его сделала втайне от дочери жертвы. Вот им-то и пользовались постояльцы.

— То есть, любой клиент, ночевавший здесь, мог сделать дубликат? — уточнил Замятин.

— Теоретически, любой, Николай Александрович, — согласился оперуполномоченный. — Я поговорил с Петуховой. Ни одной фамилии постояльца она не помнит, поскольку паспортов не спрашивала. Даже не может назвать точного числа мужчин, которые ночевали в этой квартире.

— Придется вспомнить, — нахмурился Замятин, профессиональным нюхом уловив, что это убийство пахнет «висяком».

К следователю подошел эксперт и протянул в целлофановом пакете две гильзы от ПМ.

— Посмотрите, Николай Александрович, гильзы обточенны! Похоже, что их застрелили из того же оружия, что и Фатунова. Помните, весной его грохнули в собственной «четверке»?

Сразу личность убитого установить не удалось. Как он попал в квартиру пенсионерки Голубевой, оставалось неясным. Настя, сдававшая приезжим комнату, твердо заявила, что такого среди ее клиентов не было. Основной ее контингент — это мужики, которым за сорок, в большей части командировочные и приезжие, словом, те, которые хотят сэкономить на ночевке в отеле. Предприимчивая студентка сдавала комнату вдвое дешевле, чем стоил самый дешевый одноместный номер в гостинице «Ростов». Двадцатилетних парней, по ее словам, квартира с инвалидкой за стеной не устраивала.

В кармане убитого не было найдено документов, кроме какой-то квитанции с печатью фирмы «Интел инсайд». С квитанцией Замятин поручил разобраться оперуполномоченному Степанову.

Убитому на вид было не более двадцати. Одет довольно прилично. На бомжа не похож. Кто и за что всадил ему пулю в затылок в чужой квартире, было загадкой. Также было непонятно, за что могли убить беззащитную пенсионерку? Ограбление отпадало. Денег у нее не было. Из убогой обстановки также взять нечего. У парня тоже денег было немного. Всего 500 рублей, и какая-то мелочь. Самое поразительное, что соседи в тот вечер не слышали выстрелов. Никого из посторонних в подъезде также не видели. Все говорили одно и то же: в девять начался сериал, и весь дом, затаив дыхание, прилип к телевизорам. Что происходило снаружи, уже никого не интересовало. Но если бы случилось что-нибудь из ряда вон выходящее, соседи бы, конечно, услышали. Однако ничего из ряда вон выходящего не происходило. Незвестный убийца пристрелил обоих настолько тихо, что никто ни ухом ни рылом. «Стало быть, профессионал, — подумал Замятин. — Однако где это видано, чтобы профессионалы убивали беззащитных инвалидов?» Хотя Голубева, по уверению соседей, была не такой уж и беззащитной. В подъезде все ее ненавидели. Больше всех кипели злобой соседи снизу.

— Она свою квартиру превратила в притон, — брызгала слюной соседка с нижнего этажа. — Уже пора присматривать место на кладбище, а она все туда же. У нее, вы не поверите, перебывало мужиков, ну просто дикое количество. И все

приводили девок. Такие веселья с визгом и плясками закатывали, что хоть из дома беги. Мы даже милицию вызывали.

— Вы сами видели постояльцев? — уточнил Замятин.

— А то! — выкатила глаза домохозяйка. — Все, как один, жирные и лысые, с красными рожами.

— Узнать можете?

— А чего не узнать? Узнаю, конечно!

Однако никто из жильцов, которые прежде сталкивались с постояльцами Голубевой, не заметил в подъезде посторонних. Также никто не помнил, чтобы у дома стояла чужая машина. Но машина все-таки была.

Ближе к вечеру в прокуратуру вернулся оперуполномоченный Степанов и с порога крикнул, что установил личность убитого.

— Это студент четвертого курса Ростовского политехнического университета Сергей Смирнов. На всякий случай я провел опознание. Его опознали родители и его друг Алексей Стаканов.

— Как ты вышел на родителей? — поинтересовался Замятин.

— Через квитанцию, которая лежала у него в кармане. «Интел инсайд» — оказывается фирма в Ростове довольно известная. Она занимается торговлей компьютеров. Месяц назад с фирмой заключили договор два студента Политехнического, Стаканов и Смирнов. Они подрядились брать на реализацию ноутбуки. По словам директора фирмы, ребята показались ему серьезными. К тому же, оба прекрасно образованны в области оргтехники. Прежде, чем предложить деловое партнерство, зарегистрировались по всем правилам в качестве индивидуальных предпринимателей. За месяц они сбыли в Ростове шесть ноутбуков. Прикинь, Саныч! А говорят, люди бедно живут. Четыре дня назад они взяли на реализацию седьмой ноутбук «Сони». Начальник сказал, что за него они еще не рассчитались.

— И уже вряд ли рассчитаются! — сверкнуло глазами Замятин.

— Почему? — удивился опер.

— Неужели не понял? Смирнова убили из-за компьютера? Так же, как и Фатунова — за фотоаппарат. Где этот Стаканов? Я хочу с ним поговорить.

— Здесь. Позвать?

Через пару минут в кабинет вошел высокий белобрысый юноша лет двадцати двух. Он выглядел подавленным. Уны-

ло войдя в кабинет, парнишка осторожно присел на край стула и виновато опустил глаза.

— Извините, у меня жуткий депрессняк. До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что Серегу убили. Как же так? Еще позавчера я разговаривал с ним по телефону...

Юноша осекся и зажмурил глаза. Сглотнув слюну и шмыгнув носом, он бросил виноватый взгляд на следователя.

— Давайте по порядку! — предложил Замятин, закуривая. — Итак, вы решили со Смирновым заняться бизнесом.

— А чё по порядку? — встрепенулся студент. — Ну, учились мы с ним вместе в Политехе. Подружились еще на абитуре. Мировой был парнишка. Месяц назад мы решили создать с ним свою фирму по продаже ноутбуков. Распределили так, что на мне будет организационная и техническая часть, а на Сереге — доставка ноутбуков клиентам, поскольку у него машина.

— Машина? — насторожился Замятин.

— Да, «жигуль!»! «Шестерка». Ему отец на восемнадцатилетие отвалил. Точнее, отец ему свою старую отдал, а себе купил новую «девятку». А Сереге по фигу! Старая — не старая, лишь бы ездила. Он чувак без претензий.

— Значит, он развозил ноутбуки на машине?

— А на чем же еще? Не под мышкой же таскать! Все-таки, вещь не дешевая.

— Выходит, последнему клиенту он тоже повез ноутбук на машине.

— Думаю, что да. Не на трамвае же? Сначала клиент созвонился со мной. Перед тем, как мы начали работать, я дал объявление в газету «Из рук в руки». Благодаря этому у нас с середины августа улетело шесть компьютеров. И вот тринадцатого сентября позвонил новый клиент. Он назвался Сашей. Клиент сказал, что хотел бы приобрести ноутбук не дороже двух тысяч баксов. Я ответил, что такой компьютер есть. Фирмы «Сони». Устраивает? Он сказал, что ему все равно, какой фирмы, лишь бы работал. Мы договорились встретиться у кафе на улице Московской. Собственно, встречу назначал он. Сказал, что живет там, неподалеку. В этот же день я взял со склада компьютер, однако встреча не состоялась. Он позвонил вечером и попросил перенести встречу на завтра. На следующий день утром я лег на обследование в больницу. Компьютер оставил дома, ключи передал Сереге и дал ему номер телефона клиента. Вече-

ром Сергей мне позвонил и сказал, что компьютер забрал, но встреча на Московской снова не состоялась. Клиент попросил перенести ее на следующий день.

— На пятнадцатое? — уточнил Замятин.

— Да! На полдевятого вечера. Больше Сергей мне не звонил. А сегодня в больницу приехала милиция и сказала, что моего друга застрелили.

Студент в очередной раз шмыгнул носом и умолк.

— Опишите голос клиента, — попросил Замятин.

— Ну, — закатил глаза Стаканов, — голос такой, понимаете, не колхозный. Интеллигентный, можно сказать, голос. К тому же, клиент, как мне показалось, был хорошо подкован технически. Во всяком случае, у меня не возникло чувства, что имею дело с дилетантом. Речь у него поставлена не фигово и дикция, как у диктора радио.

— Так-так, — стряхнул пепел следователь. — А что за кафе на улице Московской? Как называется?

— Затрудняюсь сказать. По-моему, оно там единственное.

Следователь отпустил свидетеля и набрал номер опера Степанова.

— Володя, поезжай на Московскую. Найди кафе. Говорят, что оно там единственное. Посмотри, нет ли по близости белой «шестерки»?

Через полчаса в кабинете раздался звонок. Звонил Степанов. Его голос был возбужденным.

— Ты знаешь, Саныч, стоит! В пяти метрах от кафе «Тихий Дон». Белая «шестерка» Смирнова. Я уже пробил. Хозяин кафе говорит, что она здесь стоит со вчерашнего вечера.

— Это кафе далеко от дома Голубевой?

— Нет, не далеко! Всего через два дома. Ходьбы — минуты две. Из машины, кстати, отлично просматривается подъезд Голубевой. Видимо, убийца знал сиделку старушки в лицо и спокойно мог видеть, когда она выйдет.

Замятин откинулся в кресле и закрыл глаза. Он так делал всегда, когда хотел довести до логического завершения сверкнувшую мысль.

«Итак, убийца хорошо знал Юлю. Но это не все. Он еще знал, что в тот вечер постоялец откажется от квартиры. Черт! Не здесь ли собака зарыта? Так-так-так!».

Следователь нервно закурил.

«Если клиент дважды назначал встречу у кафе на улице Московской, значит заранее спланировал привести Смирно-

ва на квартиру Голубевой, — продолжал соображать Замятин. — Однако в эти дни в квартире ночевала Юля. Не по этой ли причине убийца отменял встречи тринадцатого и четырнадцатого сентября? Причем оба раза, со слов Стаканова, звонил около семи. Приблизительно к этому времени, если пристально следить за подъездом, становилось ясно, остается студентка ночевать у Голубевой, или нет. Однако пятнадцатого сентября студентка задержалась до восьми, и убийца встречи не отменил. Следовательно, он точно знал, что у Голубевой ночует постоялец, а значит, Юля обязательно отправится в общежитие. Вот где разгадка! Убийце было известно, что, во-первых, сиделка не ночует, а во-вторых, что постоялец в последний момент откажется от квартиры. Мать честная, а может, постоялец и есть убийца?»

Замятин затушил сигарету, поднялся с места и подошел к окну. Версия интересная, но она имела существенные недостатки. То, что убийца бывал в квартире Голубевой, в этом сомнений не было. Не потащит же он потенциальную жертву в незнакомое место. Однако если это так, то был риск, что Настя могла вспомнить командировочного, ночевавшего в квартире у Голубевой. Но девушка утверждает, что сама вышла на клиента и видела его впервые. Это первое. Второе: известно, что убийца интеллигентного вида, с правильной речью и хорошей дикцией. Настин же клиент мужланистого вида, и немного бубнит. Следовательно, убийцей он быть не мог. Но мог быть соучастником. Единственно, что не стыкуются, что Настя первая заговорила с ним в вестибюле гостиницы «Ростов».

Замятин сорвал с аппарата трубку и набрал номер оперуполномоченного:

— Володя, пробей того типа, который хотел ночевать у пенсионерки. По словам Насти, он заночевал в гостинице «Ростов».

11

А что же наши московские молодожены? Они за этот период между двумя убийствами в Ростове успели съездить в Крым, полазить по карпатским горам и пару недель потуневать на одной из подмосковных турбаз. Медовое лето еще можно было продолжить, но к августу закончились деньги, которые гости накидали на свадьбе. Пришлось остатки

лето провести в Сергиевом Посаде у родителей: десять дней у родителей мужа, и десять дней у родителей жены.

За день до начала учебного года супруги Аресовы снова вселились в свою общежитскую комнату на улице Студенческой. После Крымских отелей и Карпатских теремов это тесная, с засаленными углами и продавленными кроватями комнатуха показалась жалкой и убогой.

— Все! Праздник жизни закончился, — кисло вздохнула Надя, когда супруги вошли в свою общежитскую комнату.

Она бросила тяжелую сумки на пол и без сил рухнула на сдвинутые кровати. — Опять впрягайся в эти скучные чертежи, механику, сопромат.

Молодой муж чутко уловил, что жену ввергло в уныние не столько предстоящая учеба, сколько убогий студенческий быт, от которого они отвыкли. «А когда-то эта комната была райским уголком, — грустно подумал Сережа. — И было наплевать, что полы обшарпаны, а обои замызганы. Главное, что комната отдельная и на пятом этаже, где в основном живут семейные».

Пятый этаж считался элитным. Он был в общежитии самым чистым и самым спокойным. Здесь не пили, не матерились, не устраивали разборок и драк, не вышибали пяткой двери, когда терялись ключи. Пятый этаж был святым. Здесь, можно сказать, жили университетские небожители. Когда молодоженам Аресовым дали ключи от комнаты пятого этажа, они от счастья едва не умерли. А сейчас, словно были изгнаны из рая и брошены в преисподнюю. «Не нужно было ездить в Крым, — подумал Сережа. — И в Карпаты не нужно было ездить».

— Не нужно было ездить в Крым, — повторила жена, и муж вздрогнул.

— Почему? — удивился он. — Тебе не понравилось?

— Очень понравилась! — счастливо улыбнулась Надя и блаженно хрустнула мосолочками. — Только мы потратили уйму денег. А эти деньги нам нужно было положить на книжку. Потом бы они пригодились. Ведь мы будем покупать квартиру.

— Квартиру? — рассмеялся Сергей, устраиваясь к жене под бочек. — Ну ты скажешь? Разве можно простым смертным купить в Москве квартиру?

Надя строго взглянула мужу в глаза и произнесла:

— Но ведь люди каким-то образом покупают.

— Им папы с мамами покупают, — отмахнулся Серега и с рычанием вцепился зубами в молнию юбки.

— Подожди, — оттолкнула Надя. — А Курникову тоже родители купили?

Серега так и замер с язычком от молнии в зубах. Это был удар не в бровь, а в глаз. Если к кому Серега и ревновал свою юную жену, то это к Лехе. Курников был не равнодушен к Лисовской с абитуры и неоднократно приглашал ее в ресторан. Пригласить в ресторан девушку ему было не в напряг. Он единственный из студентов имел собственные деньги и в весьма достойном количестве. Причем зарабатывал их сам. Родителей у него не было.

Курников был таким деловым с самого начала. Он единственный из всех во время студенческих попок сохранял трезвый рассудок. Каждое утро, с какого бы бодуна он не просыпался, Леха одевался в спортивный костюм и устраивал пятикилометровый пробег. Затем принимал холодный душ. Зима ли, лето — для него не имело значения. Душ он принимал ежедневно, независимо от времени года. Когда в общежитии отключали горячую воду, Леша Курников был единственным, который к этому изуверству относился с равнодушием. Один черт он мылся исключительно ледяной водой. Если бы еще он спал на гвоздях, то по аскетизму бы превзошел Рахметова. Рахметов, как известно, только спал на гвоздях, да читал книги злопыхательного толка, словом, вел паразитический образ жизни, а кто его кормил и поил, не известно. Курников же с первого курса шуровал в какой-то коммерции: что-то покупал, продавал. В перерывах между лекциями к нему приходили какие-то люди, иногда довольно солидного возраста, которые выглядели, как члены правительства. Он всем им давал указания, распоряжения. Частенько запросто вытаскивал из кармана пачку долларов и требовал, чтобы его компаньон немедленно купил какую-то собственность.

К концу первого курса Курников ушел из общежития. Он снял двухкомнатную квартиру на Новослободской, в двадцати минутах ходьбы от университета, и стал приезжать на занятия на девятой модели «жигулей». Леха первый из студентов их потока обзавелся собственной машиной. К концу третьего курса, когда Сергей с Надеждой решили расписаться, Курников купил собственную двухкомнатную квартиру на «Баррикадной».

— Ну ты скажешь тоже, — недовольно выдохнул Сергей, отрываясь от молнии жены, — Курников — это феномен.

— А что, у него десять рук, или мозги из нейлона? — нервно рассмеялась Надежда. — По-моему, он такой же человек, как и мы. Только мы ленимся, а он работает. Если мы любим зря терять время, то он не любит. Вот и вся разница. Еще мы не можем поступиться своими мелкими удовольствиями, а он ими пренебрегает. А кто пренебрегает мелкими удовольствиями, тот знает толк в больших удовольствиях, и они ему будут даны. Ты обрати внимание: он всегда занят. А то, что у него ума больше чем у тебя, я в это не верю.

Последнее было сказано настолько тактично, что муж благодарно уткнулся супруге в грудь. Если бы она сказала, что Курников настоящий мужчина, это выглядело бы, как упрек.

Надежда нежно погладила Сережины вихры и больше ничего не добавила. «Она умеет быть деликатной и тонко направить в нужном направлении, — с уважением подумал Сережа. — И действительно, разве не позор для главы семьи, что они на четвертом курсе живут в общежитии».

Обычно в общежитии жили только первокурсники. Иногда второкурсники. А третьекурсники — уже большей частью на квартирах. К этому времени уже все куда-то пристраивались, и все где-то подрабатывали, причем — некоторые настолько прилично, что позволяли себе не только снимать квартиры, но и ездить на иномарках. Серега за все время учебы не ударил пальцем о палец. Всю жизнь существовал только на стипендию. Позор! Это еще надо благодарить судьбу, что первая красавица университета вышла за него замуж. А могла ведь выйти за Курникова.

— Я уже об этом думал, — соврал Сережа. — Я еще в Крыму решил, что как только мы вернемся в Москву, то я сразу же начну искать работу.

— А я уже нашла! — засмеялась Надя. — Завтра пойду на собеседование в одну солидную компанию по торговле канцелярскими товарами.

12

— Как я поняла, он какой-то мент, — морщила круглый лоб двадцатилетняя студентка Педагогического училища. — Когда я вошла в холл гостиницы «Ростов», он сидел за сто-

лом и заполнял квитанцию. Я спросила: «Мужчина не желаете остановиться в квартире? Цена за ночь на порядок ниже, чем номер в гостинице. Он сразу заинтересовался. Спросил, что за квартира, где она находится?»

У Насти были светло-рыжие волнистые волосы, собранные в пучок на макушке, высокий покаты́й лоб, вздернутый веснушчатый нос, сочные губы и острый, выпяченный вперед подбородок. «Типичная немецкая кукла, — думал Замятин, вглядываясь в ее темно-синие глаза. — Судя по упрямому лбу, она многого добьется».

— Вы находите клиентов только в гостинице «Ростов»?

— Да! Поскольку это самая дешевая гостиница в городе, и в нее стремятся не очень денежные командировочные.

Темно-синие глаза допрашиваемой слегка просветлели. Видимо, тема была для нее приятной. «В прагматичности ей не откажешь», — усмехнулся про себя Замятин.

— Вы каждый день приходите в гостиницу?

— Что вы? — улыбнулась Настя. — Только когда нужны деньги. Только вы не подумайте, что уломать клиента на ночь с инвалидкой так просто. А тот мент быстро согласился.

— Но почему вы решили, что он мент?

— Потому что во время заполнения анкеты он достал не паспорт, а красное удостоверение. Я подглядела. Там было написано РОБОП. А может, не РОБОП. Может, что-то наподобие РОБОПа. Но мне показалось, что именно РОБОП. Хотя я не настаиваю.

— А имя с фамилией вы не подглядели? — вмешался в разговор Степанов, исключительно для того, чтобы не рассмеяться.

— Нет! — хлопнула ресницами студентка. — Имя с фамилией к сожалению в глаза не бросились.

— Очень жаль, — покачал головой Замятин. — Опишите товарища.

— Он такой здоровой, мужланистый мужичина. Вот такая пачка, — показала на себе Петухова, поднеся растопыренные пальцы к щекам. — Ну, роста среднего. Приблизительно метр семьдесят. Глаза голубые. Стрижка короткая, под ежичка. На вид лет двадцать семь, не больше. При разговоре немного бубнит. В общем, мы договорились с ним встретиться на улице Московской у подъезда дома. Договорились на шесть часов. На всякий случай дала ему номер своего мобильного. В шесть я подошла к подъезду, но тут он позвонил и сказал, что раздумал ночевать на квартире инвалидки,

поскольку сегодня ночью в гостиницу должно приехать его начальство. Ну, я раз такое дело, пошла на свидание к другу. Мы с ним договорились встретиться в кафе «Шоколад».

— Жаль, что не в кафе «Тихий Дон», — не сдержал сарказма Степанов. — А почему вы не позвонили Юле и не сказали, что ночевка клиента отменяется?

— А ей какая разница? — пожалала плечами Настя. — Мне это как-то в голову не пришло.

После того, как Настя ушла, Степанов шаловливо подмигнул начальнику:

— Деловая девица! — Затем, стукнув себя по лбу, добавил: — Саныч, а ведь за день до убийства Фатимова, к ним в квартиру тоже приходил сотрудник РОБОПа. Я тогда не взял во внимание, а сейчас, когда она описала клиента, я вспомнил. Описания совпадают.

— Ну-ка, поподробнее! — заинтересовался Замятин.

— Мать убитого рассказывала, что он приходил днем. В это время у нее были гости, две соседки сверху. В дверь позвонили. Валентина Петровна открыла. По ее словам, перед ней возник такой мордорот бандитского вида, что она напугалась. Однако мордорот достал удостоверение и сунул ей в нос. На словах сказал, что он из отдела по борьбе с организованной преступностью. Назвал звание и фамилию. Фамилию она не запомнила, а звание — капитан. Товарищ спрашивал, кто в подъезде держит квартирантов. Она, естественно, рассказала, все что знала. Затем он спросил: а вы случайно не держите? Валентина Петровна рассказала, что живет вдвоем с сыном, и что сын часто ночует у невесты. Одним словом, Саныч, если это был наводчик, то он получил полный расклад.

Замятин задумчиво почесал бровь.

— Поскольку фамилии нет, проверить, работает ли таковой в РОБОПе, не представляется возможным. А с другой стороны, Володя, в Ростове всего несколько РОБОПов. В чине капитана также единицы. Попробуй пробить! Найди этого капитана. Пусть расскажет, что за квартирантов он искал на улице Московской?

Два часа спустя криминалисты сообщили сенсационную новость. На заднем сиденье машины Смирнова найдена мужская ветровка. В кармане находился паспорт на имя Сергея Якутова, уроженца Ростова, 1965 года рождения. Там же стоял штамп с Ростовской пропиской. Владелец документа проживает на улице Ленина в доме № 12.

В тот же час был пробит домашний телефон Якутова. Однако позвонить по нему Замятин не рискнул, чтобы не спугнуть.

В десять вечера из областной прокуратуры выехали две милицейские машины, которые на огромной скорости понеслись в сторону улицы Ленина. В одной из них с серьезным лицом сидел Замятин.

Прибыв по адресу, следователь первым выскочил из машины, влетел в подъезд и нетерпеливо, по-мальчишечьи вбежал на четвертый этаж. Не раздумывая, он вдавил кнопку звонка в дверной косяк. Оперативники едва успели встать по бокам с пистолетами наголо. За дверью послышались шаркающие мужские шаги. Замятин уже приготовился что-то соврать на вопрос «кто там», но дверь неожиданно открылась без всякого вопроса. На пороге стоял пузатый мужичек в спортивном костюме с висячими, как у сома усами. Его вид был настолько простоватым, что Замятин сразу сообразил, что это не тот, кого они ищут.

— Добрый вечер! — как можно приветливей произнес следак. — Здесь проживает Сергей Якутов, 1965 года рождения.

— Здесь! — простодушно кивнул мужичек и только тут заметил, что по бокам вжаты в стены орлы с пистолетами в руках. Глаза его округлились, челюсть отпала, сомовьи усы стали еще более обвислыми.

— Спокойно, мы из милиции, — пояснил Замятин и для убедительности достал удостоверение. — Он сейчас дома?

— Да вот же я перед вами стою! — возмутился мужичек. — А в чем собственно дело?

Следователь поднял брови. Опера переглянулись. Фотография в паспорте не имела ничего общего с оригиналом. Замятил вытащил из кармана документ.

— Это ваш паспорт?

— Мой! — дурашливо засмеялся хозяин, раскрыв его на середине. — Где вы его нашли? Я его посеял три года назад. Сейчас у меня новый паспорт.

Якутов открыл страницу с фотографией и вздрогнул.

— Боже мой! Это что за урод? Паспорт мой, а фотография не моя. Прошу вписать в протокол.

Последнее он мог не говорить. Оперативники попрятали пистолеты в карманы, следователь тяжело вздохнул.

— Точно ваш паспорт? И номер с серией совпадают? Проверили?

— Обижаешь, начальник. Данные старого паспорта я и на том свете вспомню. Как-никак, он у меня с восемнадцати лет...

Когда Замятин в первом часу ночи вернулся в прокуратуру, то наткнулся на Степанова. Его вид не внушал оптимизма.

— В гостинице уверяет, что пятнадцатого сентября никакие представители правоохранительных органов не оставались, — отчеканил Володя. — Я пробил всех постояльцев, которые заселились в гостиницу в тот день. Того, кого описала Петухова, среди них не было.

— Это точно? — нахмурился Замятин.

— Даю зуб!

— А РОБОПы пробил.

— Так точно! Ни в одном из Ростовских РОБОПов капитала с такими внешними данными нет.

13

Похоже, убийство студента и пенсионерки тоже пахло «висяком». Возможно, в паспорте было фото убийцы, только что из этого? Физиономия самая что ни на есть непримечательная: чуть продолговатое, однако ближе к круглому лицо, коротко стриженные черные волосы, средних размеров глаза, средних размеров нос, средних размеров губы и ничем не примечательный подбородок. Это не фотография — это фоторобот. Под этот стандарт подойдет каждый десятый прохожий мужского пола. «Должно быть, правду пишут в эзотерических книгах, что человек, перед тем, как сойти на Землю, сам выбирает себе внешность, — усмехался про себя Замятин. — Видимо, этот, намериваясь стать преступником, специально сотворил себе такую заурядную физиономию».

В кабинет следователя вошел оперуполномоченный.

— Ну что, Саньч, объявляем фото в розыск?

— А стоит ли? Посмотри на эту морду. Ни одной характерной приметы.

Степанов взял паспорт и с кислой усмешкой покачал головой.

— Ты прав, патрон. Это пустая трата времени. Все надежда на информаторов. Рано или поздно ноутбук всплывет.

— Это в том случае, если убийца не гастролер. Сдается мне, что он не из Ростова. Слишком неосторожно действует.

Такое ощущение, что хочет побольше хапнуть и смыться. А может, уже смылся.

— Вряд ли. Не так уж много он и хапнул. Всего-то фотоаппарат и компьютер, общей стоимостью чуть более двух с половиной тысяч долларов. Прикинь, Саныч, три трупа за два с половиной куска! Человеческая жизнь для него — тьфу! Не правда ли редкий у блюдонок? Что будем делать, шеф? Пока зацепок никаких.

— Будем ждать. Должен же он когда-нибудь проколоться.

14

С каждым днем Сергей все больше убеждался, что жена у него не только умница и красавица, но и деловой человек, из тех, кто не бросает слов на ветер. Поначалу он подумал, что Наденька слегка приврала о своем собеседовании в солидной фирме. Небольшую долю фантазии в желаниях Сергей допускал, да и что таить — сам нередко принимал желаемое за действительность.

Ведь, в самом деле: когда супруга успела созвониться с директором фирмы и договориться о собеседовании? Теоретически, у нее не было времени. Со дня свадьбы они не расставались ни на минуту. Так вот, оказывается, созвонилась и нашла время. И спросите, когда? За день до росписи! Уму непостижимо. Надежда ездила в эту фирму четырнадцатого июня, а роспись было назначена на пятнадцатое. Могло такое Сергею прийти когда-нибудь в голову? Да ни за что на свете! Такое могло прийти в голову только Курникову. Но он ненормальный.

А Серега самый что ни на есть нормальный. Накануне свадьбы он ни о чем другом думать не мог, кроме как о том, что завтра он будет раздевать Наденьку, и она не будет возражать. От этой мысли жениха лихорадило. Он не знал, чем занять себя перед свадьбой, и не нашел ничего лучшего, как собрать друзей и пуститься в разгул.

Мальчишник будущий супруг организовал в счет завтрашних денег, которые им с Наденькой должны были накидать на свадьбе. Занял, естественно, у Курникова. (И, кстати, до сих пор еще не отдал). Неприятно. Но что делать? Курников великодушен. Он простит.

А вот Наденька вместо девичника, на который тоже имела полное право, поехала в фирму договариваться о работе.

Там ей сказали, что осенью открывается еще несколько точек и понадобятся менеджеры по сбыту канцелярской продукции. Если у нее серьезные намерения работать в серьезной фирме, то нужно набраться терпения. А пока можно заполнить анкету и пройти тест.

Умница Наденька сделала и то, и другое. И ничто не заставило забыть ее об этом. Как оказалось, она звонила в фирму трижды: из Крыма, из Подмосковной турбазы и из Сергиева Посада. И все три раза подтвердили, что планы у фирмы не меняются и о ней помнят. А вот три дня назад, двадцать восьмого августа, когда она позвонила от родителей, ей сказали, что филиал открылся, и что первого сентября ее ждут на собеседование. Больше всего Серегу поразило, что об этом она не обмолвилась ни словечком. Ни с кем. Если бы у него маячила перспектива работы в высокооплачиваемой фирме, то об этом бы знала вся Москва.

Итак, первого сентября Серега пошел в Университет, а Надежда отправилась на собеседование. В университете все, естественно, спрашивали, почему он без второй половинки? Сергей отвечал уклончиво, типа, делает укладку в парикмахерской и должна с минуту на минуту явиться.

— Она что, кудряшки распрямляет? — недоумевали однокурсники. — Зачем ей укладка?

Действительно, недоумевать было чему. Надежда никогда не делала укладок и почти никогда не пользовалась косметикой. Косметика могла только испортить ее природную красоту.

Разумеется, вранье было не самым изобретательным, но соврать попросила жена, поскольку о самом заветном, по ее разумению, нельзя говорить вслух. Удача не любит болтливых.

Наденька появилась на третьей паре. Когда она вошла в кабинет, все озарилось — так она сияла. Снисходительно приняв поцелуи и поздравления подружек, она под села к мужу и хитро подмигнула.

— Неужели взяли? — удивился он.

— Пока без оклада. Если подойду, будут платить 200 долларов. А сейчас — сколько заработаю.

— Обманут, — скривился Сергей.

— Посмотрим, — ответила она.

И с того дня у молодой семьи Аресовых началась совсем иная жизнь. Не оставалось ни минуты свободного времени. С утра супруги шли на лекции, а после лекций Наденька бе-

жала на работу. Сергей тоже убежал. Однако на поиски такой. Оказалось, найти подработку было не так просто, хотя объявлений, сулящих солидный заработок с полным и частичным днем, было до черта. Сначала он коллекционировал вырезки из газет, которые приглашали в качестве организаторов коммерческих проектов. В объявлениях требовали высшее образование и организаторские способности.

— У меня еще нет высшего образования, но через полтора года будет диплом управляющего производственным процессом! — горячо убеждал по телефону Аресов.

— Это как раз то, что нам надо! — радостно восклицали на том конце провода, упуская вопрос об организаторских способностях. — Приезжайте немедленно. Можете, хоть сегодня преступить к работе. Оплата еженедельная.

— Сколько? — покрывался холодным потом студент.

— Некоторые зарабатывают до двух тысяч долларов в неделю!

«Черт! — взвизгивало внутри у Аресова. — Надо же, как повезло! Сегодня устроюсь, а завтра с Надькой свалим из этой вонючей общаги. Деньги на оплату квартиры можно пока занять у Курникова. Через неделю рассчитаюсь...» — лихо радочно тикало в висках, и Сергей срывался по указанному адресу.

Однако то, что в первый раз предложили студенту, было далеко от организации коммерческих проектов, сулящих головокружительные высоты в карьере. Требовалось ходить по детским садам и шарашкиными конторами и предлагать пищевые добавки.

— В Москве много толстых женщин, и все они мечтают похудеть, — объяснила работодательница, которая сама была далеко не изящного вида. — Поэтому пищевые добавки будут отрывать с руками.

«Что же ты сама не похудела?» — мысленно воскликнул Аресов и деликатно намекнул, что он, в общем-то, инженер, а не специалист по розничной торговле и что он явился сюда в качестве организатора.

— Организовывай, пожалуйста! Все в твоих руках! — всплеснула руками работодательница, и ее понесло.

Более часа она расписывала, как можно в течение короткого времени созволюционировать из простого торговца в бриллиантового директора, которым в данный момент являлась она сама. В этом случае Аресову останется только поплевывать и получать внушительные проценты от продаж

его подчиненных. Однако сначала нужно сколотить капитал на продажах.

— Давайте мне ваши пищевые добавки! Я попробую! — сделал снисхождение Сережа, решив, что теоретически звучит убедительно.

— Наконец я вижу делового человека, — счастливо улынулась тетенька и потребовала триста долларов залога.

— Но у меня нет трехсот долларов, — растерялся будущий бриллиантовый директор. — Дайте мне в долг! Я верну через два дня. Клянусь!

Однако бриллиантовая тетенька в долг не дала ни под клятву, ни под паспорт. Сереге ничего не оставалось, как занять эти несчастные триста долларов у беспроцентного ростовщика Леши Курникова.

Однако с продажей пищевых добавок дело не пошло. В какую бы контору Сергей не заходил, везде уверяли, что у них все худенькие, а в которых конторах были не худенькие, оттуда грубо посылали.

Через две недели, после бесплодных блужданий по детсадам и каким-то НИИ, Аресов понял, что бриллиантовым директором ему не стать. Он попытался вернуть банки с пищевыми добавками бриллиантовой директрисе, чтобы получить обратно свои триста долларов, однако та только посмеялась над наивным юношей, заявив, что такие вещи возврату не подлежат.

Теперь обзванивая другие конторы, Сергей первым делом интересовался, не торговля ли это пищевыми добавками и не требуется ли по началу стартовый капитал? Из одной конторы ответили, чтобы срочно приезжал. У них есть вакансия одного сотрудника.

Однако фирма оказалась холодным книжным складом. Работа заключалась в том, чтобы ходить по конторам и предлагать книги. За книжную продукцию также брали залог, но его по возвращению книг на склад отдавали. Книги в основном продавали студенты. Они подсказали, что этот товар лучше всего идет в метро и электричках. Еще подсказали, что при продаже не возбраняется делать собственную «накрутку».

У ребят действительно кое-что покупали. Сережа тому свидетель. Его товарищам нет-нет, да перепали кое-какие деньжата, правда, не столько, сколько обещали в объявлении. Однако Сереге, в отличие от них, не обламывалось ни рубля. Видимо, он был каким-то особенным: за две недели

бездарного хождения по электричкам не удалось продать ни одной книги. Зато от измотанных пассажиров он услышал столько оскорбительных слов, что хватило бы на три жизни.

15

А тем временем жена на своей работе делала успехи, и в конце сентября получила первую зарплату: целых триста долларов. Мать честная! Около одиннадцати вечера она вошла в общежитскую комнату с двумя огромными пакетами в руках, румяная и сияющая, как Шамбала. Надя радостно воскликнула:

— Принимай, муж, продукты! Все, Серьга, время пустого холодильника закончилось.

Сергей в это время лежал на кровати и предавался мрачным мыслям о том, что у него все признаки неудачника. Жена, без которой он теперь не мыслил своего существования, была занята по горло. Зачастую она вставала, когда он еще спал. Готовила завтрак и убегала в университет чертить. Ей, как круглой отличнице, давали ключи от чертежного кабинета. Там же она писала рефераты, контрольные и курсовые. Больше на уроки, кроме этих полутора часов до начала занятий, у нее времени не было.

Разумеется, супруги встречались на лекциях, сидели за одной партой, но порой из-за нехватки времени не могли даже перекинуться парой слов. Точнее, Надежда не одобряла, когда муж во время занятий начинал ей что-то нашептывать на ушко, или уж тем более (упаси боже!) гладить под столом ногу. Наденька на все эти шаловливые штучки отвечала строгим взглядом и после лекций, не сказав ни слова, убегала в свою фирму. Возвращалась ближе к полуночи усталой, но веселой. Ее прихода Сергей ждал, как манны небесной. Спать не мог, есть не мог, даже не мог смотреть телевизор — только лежал на кровати и прислушивался, не стучат ли на лестнице ее каблучки. В эти минуты его слух достигал невероятных высот.

Приблизительно в половине двенадцатого у него начался мандраж. Это явный признак того, что жена вошла в общежитие. И точно, через пару минут с лестницы начинало доноситься торопливое цоканье, затем слышались ее легкие шаги в коридоре и вот кульминационный момент — скрежет ключа в замочной скважине. К этому моменту Сергей уже

был возбужден. Едва она переступала порог, он набрасывался на нее, словно волк на лань, и впивался в губы.

— Ну подожди, подожди же! — смеялась она, отталкивая нетерпеливого супруга. — Дай снять туфли. Да постой же! Ну, просто сумасшедший!

Как правило, она успевала скинуть только одну туфлю, и в ту же минуту оказывалось на кровати. Надежда для приличия немного сопротивлялась, но потом со вздохом отдавалась.

Нравилось ей это, или нет, Сережа не знал. В их постельных страстях с ее стороны чувствовалось сдержанное материнское снисхождение. Иногда молодому супругу казалась, что она очень опытная женщина и умеет делать то, чего ему не снилось. Постепенно, благодаря супруге, Сергей понял, что секс — это более тонкая субстанция, чем торопливый перепихон, какой бывал у них с Наталицей. И этой тонкостью, как казалось Сереже, Надежда владела в совершенстве.

От этой мысли на душе мрачнело. Сразу вспоминалось, что жена ему досталась не девочкой. Однако это ни в коем случае не притупляло любви, а наоборот — еще больше разжигало страсть.

Итак, в тот вечер при виде сияющей жены все мрачные мысли Сережи сдуло, как ветром. Он вскочил с кровати, подхватил сумки и, опустив их на пол, впился в ее сочные губы.

— Потом! — коротко отрезала она. — Сейчас надо разобрать пакеты. Там на дне перепелиные яйца!

Боже мой, чего она только не купила, кроме перепелиных яиц: телячью вырезку, несколько сортов колбасы, два сорта сыра, ветчину, оливки, ананасы, виноград, бананы и всякой всячины в сверкающих упаковках.

По этому случаю были приглашены соседи с нижних этажей. Захлопали пробки от шампанского, пошли веселые разговоры, смех, анекдоты, танцы-шманцы. Откуда не возьмись, появилась гитара. Как будто предчувствуя гулянку, в общагу заглянул Курников. Его появлению все обрадовались, потому что знали, что он проспонсирует дальнейшее веселье, если вино и продукты иссякнут. Потушили свет и закурили травку, слушая гитариста. Всем было хорошо, кроме Сережи. Его гноило мужское самолюбие. Он тихонько шепнул Курникову:

— Леха, не волнуйся, я помню про триста баксов. Отдам при первой возможности.

— Да брось ты, — отмахнулся Курников.

Когда ближе к рассвету гости разошлись, Сережа спросил у жены:

— Как же тебе заплатили? Ты сказала: первые два месяца без зарплаты.

— Не без зарплаты, а без оклада, — устало отмахнулась она. — Проценты от сделок все равно идут. В этом месяце я заключила две сделки, и вот результат, — показала Надя на объедки на столе.

— Странно, — пробормотал муж. — Ты говорила, что занимаешься тем же, чем и я. Ходишь по конторам и продаешь канцтовары.

— Я не хожу по конторам, — улыбнулась Надя, облачаясь в пеньюар. — Я сижу на телефоне. Нахожу солидных клиентов для продажи больших партий. Розничной торговлей я не занимаюсь.

С того дня Сергей начал искать работу исключительно в офисе. Таковая тоже имелась. Прежде, чем приехать на собеседование, наученный горьким опытом студент долго расспрашивал по телефону про специфику работы, ни розничную ли торговлю ему предлагают?

— Нет! — жестко отвечали на том конце. — Мы работаем с недвижимостью. У нас солидная фирма. У нас все сотрудники находятся в офисе.

«То, что надо! — сверкнуло в голове. — Недвижимость — это круто. Тут можно и деньги заработать и решить квартирный вопрос, поскольку московская недвижимость — самая недвижимая в мире».

Когда Аресов вошел в агентство по недвижимости, то приуныл: сотрудники конторы действительно сидели на телефонах, но как? Без слез не взглянешь. В комнатухе, три на четыре было втиснуто десять столов, и за ними в дикой тесноте сидели работники. Их вид не производил впечатления процветающих людей, зарабатывающих по три тысячи долларов. Но больше всего повергло в уныние то, что главой агентства был кавказец. Он протянул Сергею руку и кивнул на стул.

— У нас здэс акладов нэт. У нас палучают от здэлки.

В принципе, Надя тоже получала от сделки. А тут получить три процента от сделки — целое состояние. Теоретически, круто. Но Сережу смутило другое: как можно заключать многотысячные сделки из этой конуры?

Новенькому отвели часть стола и указали на телефонную трубку, которую держала в руке дама необъятных размеров.

Пояснили, что как только она закончит обзвон, можно будет звонить ему. «Тебе бы пищевыми добавками торговать, а не с недвижимостью работать», — подумал Сергей, с ненавистью вслушиваясь в ее щебетание. У нее на столе лежала газета «Из рук в руки», пальцы сжимали ручку. Она обзванивала все телефонные номера из рубрики «продам квартиру» и спрашивала одно и то же:

— Простите, вы продаете квартиру?

Непонятно, что ей отвечали, но через секунду она нажимала на рычаг и начинала звонить по следующему номеру. Когда все телефоны из этой рубрики закончилась, агентша начала обзванивать телефоны из раздела «куплю квартиру». Странное дело, но на вопрос «вы покупаете квартиру» отвечали еще лаконичней. «Если никто не продает и не покупает, тогда зачем дают объявления в газеты?» — удивился Сергей.

Потом, когда он сам начал обзванивать газетные объявления, понял, все квартиры покупали и продавали такие же агентства, как их. Однако в конторе упорно массировались слухи, что иногда в газетах попадают объявления непосредственно от клиентов. И это было правдой. Сергею они попадались. Но когда продавец узнавал, что звонят из агентства, то с раздражением восклицал:

— В объявлении же сказано: «Посредникам не беспокоиться!»

Ближе к вечеру приходил хозяин фирмы и включал компьютер. Весь отдел замирал, как собака при виде кости. Хозяин влезал в свою базу данных и диктовал номера телефонов продавцов. Все панически записывали, а потом начинались соревнования из серии, кто быстрее дозвонится. Сергею удавалось дозвониться целых четыре раза. И все четыре раза он слышал в трубку презрительный смех:

— Квартира уж полгода как продана. Удалите, наконец, данные из вашего компьютера!

За три недели, которые Аресов проработал в агентстве с надеждой махом «срубить» по-крупному, он не нашел ни одного клиента. И никто, из сотрудников того агентства, за это время не совершил ни единой сделки.

Целую неделю после этого Аресов пребывал в депрессии, валяясь на кровати и пропуская лекции. Надя приходила в работы и внушала, что с первого раза ни у кого не получается. Нужно набраться терпение и сразу не рассчитывать на большие деньги.

— Попроси Лешу Курникова. Может, он тебя возьмет в свою команду? Я слышала, он набирает рекламных агентов.

— Что? — вскипел Серега. — Как-нибудь справимся без Курникова.

Просить Леху, которому он задолжал за мальчишник и за пищевые добавки, значит, признать себя побежденным. Ну побежденным — громко сказано, а второсортным — это уж как пить. Так и жена перестанет уважать. А она, между прочим, в конце октября принесла еще триста пятьдесят долларов. На этом ее двухмесячный испытательный срок закончился. Надежду взяли в штат, завели трудовую книжку и положили стартовый оклад двести долларов. Плюс, естественно, проценты от сделки.

Ее принятие в штат солидного холдинга «Комус» праздновали в ресторане. Среди гостей был и Курников. Сереге пришлось снова подсаживаться к нему и шептать на ухо, что он помнит о долге.

— Да ладно, не переживай! — отмахнулся Леха и пригласил Надежду на танец.

Серега смотрел на них и кусал губы. Они вместе смотрелись красиво. И танцевали так изящно, что сорвали аплодисменты зала. «Да что я, хуже Лехи? — закипела внутри обида. — Или глупее жены, которая, несмотря на то, что учится, уже зарабатывает больше своих родителей?»

Немного поразмыслив, Сергей пришел к выводу, что все-таки глупее. Во всяком случае, ленивее. Жена уходит на учебу, а он еще спит. Она возвращается с работы, а он уже в постели. Нет, так больше нельзя! Не по мужски.

На следующий день Аресов не пошел на лекции. Он добежал до метро, купил кучу газет с объявлениями, вернулся в общагу и принялся их изучать. Теперь фирмы, обещающие быструю карьеру и умопомрачительные заработки, он пропускал. Его палец уперся в скромное объявление: «Требуется расклейщик объявлений. Заработок еженедельный». Сергей тут же слетел с кровати и помчался на вахту звонить.

— Сколько вы платите? — спросил он.

— Зависит от того, сколько вы расклеите объявлений.

— А сколько надо?

— Чем больше, тем лучше. Некоторые у нас получают до пятьсот долларов в неделю.

— Диктуйте адрес!

Помещение, куда через полчаса влетел Сергей, внушало доверие. Оно почему-то напоминало избирательный участок.

Огромный зал с колоннами, и под каждой колонной письменный стол. Вновь прибывшего встретила красивая женщина с биркой на груди и с широкой улыбкой на устах. Осведомившись, что гость пришел по объявлению, вежливо проводила к столу. Сидевшая за столом девушка обаятельно кивнула на стул.

— Мы представители Израильской компании по лечению древними минералами с берегов Красного моря, — сладко проворковала она. — Соли с берегов Красного моря способствуют омоложению организма. Особенно они хорошо действуют на кожу. Наша компания пользуется огромной популярностью во всем мире. В этом году мы решили выйти на Российский рынок.

Девушка сверкнула белоснежной улыбкой и протянула листок бумаги. Серега взял его в руки и поморщился:

— Это что?

— Предлагаем вам заполнить анкету.

— Зачем? — удивился Серега. — Я вообще-то по поводу расклейки объявлений.

— Да, я в курсе! — обаятельно кивнула девушка. — Расклейщики объявлений автоматически становятся нашими сотрудниками, поэтому мы заводим на них анкеты, чтобы в дальнейшем дать им карьерный рост.

Серега подумал, что наконец-то нашел то, что искал. Что значит солидная фирма! Даже расклейщиков объявлений считают за людей.

Будущий сотрудник тяжело вздохнул и, взяв ручку, склонился над анкетой. Как-то сразу сделалось уныло. Да тут уйдет полдня, пока заполнишь. Девушка, как будто подслушала его мысли.

— Я вижу, вам сейчас не хочется заполнять анкету, а хочется скорее приступить к работе. Анкету вы можете заполнить в следующий раз.

Работница протянула Сереге пачку объявлений и деловито проинструктировала:

— Лучше всего клеить рядом с учреждениями, где работают женщины: около текстильных фабрик, детских садов, на подъездах домов... Ну там, ориентируетесь.

— А клей?

— Клей у наших расклейщиков свой.

— Если я каждый день буду расклеивать по такой пачке, сколько получу за неделю?

— Это лучше спросить у директора, я не совсем в курсе, — захлопала глазами девушка. — Директор сейчас отсутствует. Но если хотите, пождите. Он скоро должен подъехать. Могу сказать только одно: еще никто не жаловался.

Ждать директора было глупо, поскольку с этого дня Сергей решил больше не терять ни минуты. По ходу купив тюбик клея, Серега рванул в Текстильщики. Там женщин много. И все хотят омолодиться!

Видит Бог, Сергей добросовестно обклеил весь район. Все до единого объявления. А в пачке было не менее пяти-сот листов. Конечно, его подмывало выкинуть третью часть в урну. Кто проверит? Однако Сережа устоял от соблазна, проявив редкую честность и проработав до двенадцати ночи.

На второй день вчерашняя девушка встретила его, как родного. Узнав, что он за один день расклеил все объявления, которые предназначались на неделю, она долго восхищенно качала головой. Затем дала такую же пачку.

— Завтра опять приду! — хвастливо пообещал Сережа. — Я же сказал, что работаю как зверь. Директор на месте?

Директора опять не оказалось на месте. Забегая вперед, скажу, что за две недели работы, включая выходные, директор так и не появился. Каждый день Сережа добросовестно клеил по пачке объявлений. Девушка, которую звали Алиной, хвалила и уверяла, что у них в фирме еще никто так добросовестно не работал. «Если некоторые получали по пятьсот долларов, а лучше меня никто не работал, то сколько же получу я?» — соображал Серега.

Через две недели Сергей потребовал зарплату. Как никак, платить обещали еженедельно, однако в прошлую пятницу не заплатили по причине болезни бухгалтера. В следующую пятницу лучший работник Израильской фирмы вознамеривался получить расчет, поскольку утром пообещал жене прийти домой с пачкой денег. «Тысячу долларов, не меньше! — подсчитал внутри счетчик. — Вот Надька обрадуется. И сегодня же верну Лехе его сраные триста баксов. А за мальчишник — потом».

К вечеру после утомительного ожидания появилась бухгалтерша. Она долго вглядывалась в паспорт, затем в ведомость. Наконец произнесла:

— А вас в ведомости нет.

Серега сделался пунцовым. Пришлось поднимать на ноги всю контору. Откуда ни возьмись явилась какая-то строгая тетенька с общей тетрадкой в руках.

— Где вы расклеивали? — подозрительно спросила она.

Сергея перечислил все районы. Тетенька полистала тетрадку и сказала, что из этих районов клиентов не поступало.

— Не понял. А причем здесь клиенты? — удивился Сергей. — Я расклейщик объявлений, а не продавец.

— А притом, — пояснила тетенька, — что ваша оплата зависит от того, сколько покупателей купят нашу продукцию, благодаря вашим объявлениям. Ни одного покупателя из ваших районов не обращалось. Значит, вы не клеили объявления, а выбрасывали их в мусор.

— Я клеил, клянусь! — покраснел от возмущения Сергей.

— Не верите, съездите посмотрите!

— Еще раз повторяю, молодой человек, — противным голосом произнесла тетенька, — ваша зарплата зависит не от количества приклеенных листков, а от количества обратившихся клиентов. По вашим объявлениям не обратился никто, следовательно, вам ничего не полагается.

С минуту бедняга осмысливал сказанное, а когда до него дошло, что он две недели проработал бесплатно, завопил, побелев от злости:

— Почему вы мне сразу не сказали? Сволочи, скоты, твари! Вы меня использовали.

На этих словах к Сергею подошли два шкафообразных охранника, взяли его за шкирку и вышвырнули на улицу.

И снова неделю к ряду бедняга лежал на кровати в общежитии и тоскливо смотрел в потолок. Он не ходил на лекции, не принимал пищи и набрасывался с кулаками на тех, кто пытался его утешить. К субботе от сердца отлегло, и Надя ему сказала:

— Больше никаких работ. Скоро сессия. Ты должен сдать. Работа не главное. Тебе главное закончить университет. А денег нам хватит.

Сергея успокоился, решив про себя втайне от Нади все-таки найти что-нибудь неприятное. И представьте, нашел. Проходя мимо какого-то офиса на Садовом кольце, он внезапно увидел на двери объявление: «Требуется дворник».

Подумал, зашел, переговорил. И ему в этот же день выдали лопату, скребок и указали на дверь подвала, где хранился ящик с солью. Зарплата крохотная. Однако втрое больше, чем стипендия. Зато работы от силы на два часа.

«К новому году я заработаю пусть мизерные, но собственные деньги», — кумекал Сергей, орудуя скребком и ло-

патов. Его душу грело, что он никому не сказал о своей работе. Так что Надюше будет сюрприз.

Однако в тот день, когда Сережа получил свою первую зарплату, сюрприз преподнесла Надюша, а не он.

Это произошло на Тверском бульваре за три дня до Нового года. Серега шел по нему в поисках подходящего новогоднего подарка жене и вдруг увидел, как у дорогого ресторана остановилась «девятка» Курникова. Из нее вышел Леха. Обойдя машину спереди, он открыл дверцу и подал руку какой-то женщине. Когда женщина вышла, Серегу точно пронзила молния. Это была его жена Надя. Она элегантно вдела свою тонкую руку в Лехину, и они вошли в ресторан.

16

А в этот же день в Ростове тридцатипятилетний безработный Виктор Лебедев вдрызг разругался со своей женой. С утра весь дом по улице Ростовской слышал, как супруги Лебедевы, не стесняясь в выражениях, крыли друг друга на чем свет стоит. Муж обзывал жену шлюхой, а жена мужа бабой. Поводом послужили разногласия по поводу новогоднего подарка сыну. Супруга хотела, чтобы отец купил восьмилетнему ребенку дорогую дубленку, а супруг — ноутбук.

— Я знаю, — кричала жена, — ноутбук ты покупаешь не ему, а себе. У него нет ни малейшей тяги к компьютеру.

— Нет, так будет! — брызгал слюной муж. — Причем здесь тяга? Сейчас без знания компьютера никуда. Чем раньше он его освоит, тем лучше.

— Ты сыну к нему подойти не дашь. Сам целыми днями будешь наяривать в эти дебилские игры. Тогда тем более не устроишься на работу.

Последний упрек Виктор уже вытерпеть не мог. А до этого, видит бог, сдерживался.

— Дура безмозглая! — прохрипел он, побелев от злости. — На какой работе я заработаю больше? Если ты скажешь, я в тот же день устроюсь.

— А я тебе не обязана говорить, — стервозным голосом парировала жена. — Настоящие мужчины сами себе находят работу...

Дело в том, что некоторая доля правды в словах супруги присутствовала. Виктор четвертый год занимался перекупкой аудио и видеоаппаратуры. Скупал магнитолы и «видаки»

по одной цене, а после косметической реставрации продавал по другой. Причем, покупателей находил по объявлению в газете. Продавать же обновленную аппаратуру предпочитал через комиссионные магазины, поскольку при продаже по объявлению боялся напороться на жуликов.

Пару раз он обжегся. В первом случае Виктор остался без видеомэагнитофона. Пришли три нехилых орла и просто его унесли. Во второй раз Виктор остался без музыкального центра. Покупатель дал аванс, забрал музыкальный центр «Панасоник» и был таков. Перед этим, как полагается, показал паспорт, дал все свои телефоны и с честными глазами заверил, что не позднее, чем к концу недели рассчитается. Однако к концу недели неожиданно заявил, что его долбаный «Панасоник» большего не стоит, и если у продавца другое мнение, то пусть обращается в суд. В суд обращаться было бессмысленно, поскольку никаких расписок и договоров купли-продажи не составляли.

Словом, в ту минуту, когда Виктор набрал полную грудь воздуха, чтобы выплеснуть на жену свою досаду, в том числе и свои подозрения об ее теплых отношениях с соседом сверху, раздался телефонный звонок.

— Да! — рявкнул Виктор в трубку, не отрывая сверкающих глаз от жены. — Говорите, я слушаю!

— Добрый день, — вежливо произнес звонивший. — Это вы давали объявление о намерениях купить ноутбук.

— Да, я давал! — изменился в голосе Виктор. — Вы продаете?

— К сожалению, обстоятельства вынуждают меня продать компьютер. Срочно нужны деньги.

— Понимаю, — сочувственно шмыгнул носом Виктор. — Что за компьютер и за сколько продаете?

Жена сплонула и к великой радости мужа демонстративно удалилась в спальню. «Теперь три дня не будет разговаривать», — подумал Виктор, мысленно поздравив себя, что отделался малой кровью.

— Машина хорошая, — ответили с того конца провода. — Фирма «Сони». Новая, на гарантии, с паспортом. Я купил за две с половиной. Но готов продать за две. Впрочем, могу еще немного уступить.

— Когда вы можете показать ноутбук? — затрясся от волнения Виктор.

— Хоть сегодня. Диктуйте адрес. Я подвезу.

Предварительно договорились, что незнакомец привезет компьютер в девять вечера. Если будут изменения, перезвонит.

Так в ожидании покупателя прошел день. Супруги не разговаривали, сидя по разным комнатам. Точнее сказать, почти не разговаривали. Около двенадцати в квартиру позвонили, и Светлана пошла открывать. Поговорив с кем-то в прихожей, она проследовала в свою комнату.

— Кто приходил? — спросил Виктор.

— Какой-то мент! — буркнула в ответ Светлана.

— Чего надо?

— Спрашивал, не живут ли у нас квартиранты?

В целом молчание продолжалось. Ожидание продавца было несколько тягостным. «Зря договорились на девять, нужно было на шесть, — думал Виктор, щелкая каналы телевизора. — Еще столько ждать. Во черт!»

С соседом-компьютерщиком Виктор договорился. Павел посмотрит ноутбук и, если что не так, подмигнет. Была вставлена пустая кассета в магнитофон. Переговоры с продавцом Виктор решил записать на пленку, чтобы впоследствии не было недоумений.

Около шести вечера пришла бабушка и, увидев, что супруги не разговаривают, забрала внука к себе. Ровно в девять в квартире раздался звонок. Виктор, уже издерганный от нетерпения, поставил магнитофу на запись и метнулся в прихожую. О ноутбуке он мечтал давно, но как всегда не хватало денег. А тут перед Новым годом появились свободные полторы тысячи долларов. Да-да, только полторы. «Постаюсь уломать его на полторы, — решил про себя Виктор. — В противном случае, перехватить триста-пятьсот баксов у того же Павла не вопрос».

Первое, что бросилось хозяину, когда он отрыл дверь незнакомцу, его стальные глаза. Они были настолько холодными, что сделалось жутко. Но жутко сделалось не более чем на секунду. В целом, незнакомец произвел благоприятное впечатление. Он немного напоминал художника: зачесанные назад длинные смольные волосы, высокий лоб, тонкий нос, тонкие губы и интеллигентная, аккуратно постриженная борода. Гость был одет в длинное черное пальто, отворот которого едва прикрывал белые рубашку с дорогим галстуком. На нем были брюки в стрелочку и остроносые безукоризненно начищенные ботинки. Несмотря на их блеск, Виктор почему-то подумалось, что сейчас такие не носят.

— Вы Виктор? — спросил гость.

— А вы Саша? — расплылся в улыбке хозяин, покосившись на черную сумку, висящую на его плече. — Очень приятно. Проходите!

Гость неторопливо переступил порог квартиры, снял пальто, однако на вешалку в прихожей не повесил, оставив его у себя в руках.

— Простите, у вас не будет плечиков?

— Да-да, конечно! Извините, что сразу не предложил, — засуетился Виктор, метнувшись к шкафу.

Гость вдел свое пальто в плечики, как величайшую святыню, после чего неторопливо повесил на вешалку в прихожей. Виктору не могло не броситься в глаза, что к своему пальто он относился более трепетно, чем к сумке, в которой должен быть ноутбук. «А может, он не принес компьютер? — похолодело внутри. — Пришел просто перетереть...»

Но опасения оказались напрасными. Мужчины прошли в комнату, и гость достал из сумки новенький ноутбук. При виде него у Виктора засосало под ложечкой. «Надо же, какой красивый! Просто игрушка...»

В руках компьютер оказался еще привлекательнее. Более того, едва Виктор к нему прикоснулся, тут же появилось чувство, что с ним уже расстаться невозможно.

— Вы сказали, что можете уступить, — произнес хозяин, не отрывая взгляда от этой прелести. — Если он исправен, я готов сразу дать полторы штуки наличкой. Не подумайте, что я жадный. У меня просто действительно больше нет.

Виктор терпеть не мог обращаться на «вы», но его гость будто располагал к этому, и хозяин «выкал» ему без всякого напряжения.

— Вы сначала посмотрите, подойдет ли он вам. А потом поговорим о цене.

— Да уже вижу, что подойдет! — простодушно воскликнул Лебедев и вспомнил про соседа.

Он вышел на лоджию и постучал по его раме палкой. Сосед жил этажом выше. Он не заставил себя долго ждать. Ничуть не очаровавшись японской красотой, Павел деловито включил ноутбук и принялся щелкать по клавиатуре. Гость, ни слова не говоря, безучастно сидел в кресле, однако зорко наблюдал за процессом. А между тем, с компьютером было что-то не в порядке. Павел сосредоточено набирал какие-то цифры и все более морщил лоб, бормоча себе под нос:

— Что за фигня? Ничего не понимаю.

Наконец ему удалось добиться того, чего он хотел. Компьютерщик едва заметно усмехнулся и сказал, что теперь все нормально. Мавр, как говорится, сделал свое дело и теперь может уходить. Он метнул в продавца нехороший взгляд, от которого тот завозился, и вышел в прихожую. За ним вышел Виктор.

— Ну что, Павлик, с компьютером все нормально? — спросил он. — Я видел, у тебя что-то не получалось?

— С компьютером-то нормально, — покачал головой Павел. — А вот с продавцом что-то не то. Не хотел тебе говорить, но скажу. У меня сложилось впечатление, что товарищ не хочет продавать ноутбук. Он ввел такой хитроумный код, что и специалист не разберется. Я едва раскодировал. Ты будь осторожен.

Виктор не услышал последних слов соседа. Ухо уловило только одно: компьютер в порядке. А вот гость услышал все. Как только Павел вернулся в комнату, он поднялся с кресла и произнес:

— Этот код ввел не я, а мой племянник. Если не хотите, не берите.

— Хочу! — сказал Виктор. — Ну что? Готов сразу заплатить полторы. Больше, ей богу, у меня нет. Очень сомневаюсь, что перед Новым годом вы найдете покупателя, который сразу вам выложит две тысячи. Полторы тысячи тоже хорошая цена.

Хозяин почувствовал, что продавец склонен согласиться, но в это время в комнату вошла жена. Она коротко поздоровалась, достала из шкафа плед и удалилась. Всего двадцать секунд пробыла она в комнате и начисто все испортила. Гость выключил ноутбук и, ни слова не сказав, принялся деловито запихивать его в сумку.

— Что? Считаете дешево? — оторопел Виктор.

— Давайте отложим до завтра, — ответил гость.

— Зачем? — удивился хозяин. — Компьютер при вас, деньги при мне. Вы хотите продать, я хочу купить. Не понимаю, зачем нужно откладывать?

— Но у вас какие-то сомнения по поводу неисправности машины?

— Да нет у меня никаких сомнений! — всплеснул руками Виктор. — Я не понимаю, вы продаете, или не продаете?

Гость долго мялся и плел что-то неопределенное, типа: продать не прочь, однако настроение пропало. Наконец, признался, что готов продать и за полторы тысячи, настоль-

ко ему нужны деньги. Виктор сразу кинулся к шкафу и достал приготовленную пачку долларов.

— Все! Берите деньги, оставляйте свой компьютер, и по рукам!

При виде денег глаза продавца блеснули, но он опять начал мямлить по поводу переменившегося настроения. Затем неожиданно заявил:

— А вдруг доллары фальшивые?

— Вы что? — оторопел покупатель. — В своем доме расплачиваться фальшивыми долларами?

Гость согласился, что это неразумно, однако предложил прогуляться до ближайшего обменного пункта. Виктор машинально взглянул на часы. Был одиннадцатый час. В это время у продавца раздался звонок на мобильном телефоне. Он нервно дернулся.

— Сейчас, — ответил он тихо. — Да-да, через пятнадцать минут я буду свободен.

Виктор все-таки решил дойти с ним до обменного пункта, чтобы проверить деньги. Вот зануда! Все нервы вымотал. В другой раз послал бы куда подальше, но он уже не представлял свою жизнь без этого ноутбука. Однако, как бы ни так. Гость запихал его обратно в сумку.

— Зачем ноутбук забираете? — возмутился покупатель. — Мы деньги проверим, и вы их сразу получите.

— А вдруг они все же фальшивые?

— Да что вы заладили, в самом деле: фальшивые, да фальшивые?

Когда Виктор обувался, снова вышла жена. Она продефилировала на кухню, коротко взглянув на гостя, но даже не спросила, куда они на ночь глядя?

Мужчины вышли на лестничную площадку, и наступила тишина. Эту записанную на магнитофон тишину будет потом очень внимательно слушать следователь. Он услышит, как на восьмой этаж подъедет лифт, как хозяин с гостем войдут в него, и ровно через шестнадцать секунд после того, как захлопнутся двери, раздастся шесть сухих хлопков.

17

Замятина выдернули из дома среди ночи. Около трех позвонили из дежурной части ГУВД и сообщили, что на улице Ростовской совершено покушение на одного из жильцов до-

ма № 36. Его только что расстреляли в лифте, однако он жив, но в очень плохом состоянии. На месте преступления найдено шесть обточенных гильз от пистолета Макарова.

— Срочно машину! — приказал Замятин. — И ничего там не трогайте.

Когда следователя прокуратуры привезли на улицу Ростовскую, уже начинало светать. В квартире были только бабушка и сын пострадавшего. Жена поехала сопровождать мужа в больницу. Сын был настолько напуган, что не мог произнести ни слова. Бабушка также ничего внятного не рассказала, кроме того, что накануне супруги поругались и она забрала внука к себе ночевать. Но вот в половине двенадцатого ночи позвонила дочь и огорошила, что в мужа только что выпустили обойму из пистолета. Стрелял, по ее словам, продавец ноутбука, причем целился в сердце. Затем он вырвал из рук зятя борсетку с деньгами и скрылся. Больше, по ее словам, дочь ничего рассказать не смогла, потому что в это время приехала «скорая помощь». Словом, Светлана попросила мать поскорей приехать, чтобы замыть кровь в подъезде, поскольку сама она не может: ей нужно срочно везти мужа в больницу. Бабушка быстро собрала внука, поймала такси, и вот теперь она здесь. Однако кровь замыть ей не позволили криминалисты.

Замятин молча выслушал свидетельницу и направился осматривать лифт, где на полу валялись шесть обточенных гильз от ПМ. Никаких сомнений не было: это дело рук того же, кто убил Фатунова и студента с инвалидкой. Почерк тот же. Да и та же мелочная причина — из-за суммы поддержанного компьютера. «Кстати, — осенила сыщика, — а не тот ли это компьютер, из-за которого убили студента?» На этой мысли к Замятину подвели соседа с верхнего этажа, доведя до сведения, что он видел убийцу.

— Вы действительно его видели? — поднял брови Замятин, осматривая с ног до головы растерянного парня лет двадцати восьми.

— Видел, — шмыгнул носом сосед. — Он мне сразу не понравился. Такой противный, с зализанными волосам и холодным взглядом...

— Фоторобот составим позже, — прервал Замятин. — А сейчас введите в курс, что за ноутбук он приносил?

— Марка «Сони», — сглотнул слюну свидетель. — На вид машина новая. На год выпуска не обратил внимания, но, судя по параметрам, — этого года. И вот что любопытно: был

введен такой код, что неспециалист сказал бы, что компьютер неисправен. Теперь я понимаю, зачем ему это было нужно. Он и не думал его продавать...

— Хорошо его запомнили? Узнать можете? — спросил следователь, думая о своем.

— Смогу, — твердо ответил сосед.

Через полчаса Замятин был в больнице. Больше сомнений не было: это именно тот компьютер, за который поплатился студент, и именно тот убийца, которого он разыскивал. Если преступника не остановило то, что его видели, значит он потерял всякое чувство реальности. Это случается из-за безнаказанности. Злоумышленник впадает в иллюзию, что он неуязвим. «И этим нужно пользоваться», — соображал следователь.

Плачущую супругу пострадавшего Замятин нашел в приемном покое. Лебедева только что увезли на операцию. Хирург успел шепнуть, что в несчастном сидит шесть пуль. Те, что в плече, в шее и в ладони, которой он прикрывался, не опасны, а вот пущенная в сердце — может стать роковой.

— Что? У него пуля в сердце? — удивился следователь.

— Если бы была в сердце, его бы уже не было в живых, — ответил хирург, показав снимок. — Посмотрите, прошла в пяти миллиметрах. Сделаем все, что в наших силах.

Замятин осторожно подошел к Светлане и, представившись, поинтересовался, видела ли она продавца компьютера?

— Два раза! — прохрипела Светлана. — Первый раз, когда заходила к ним в комнату, второй раз — в прихожей. Я видела его мельком, но мы встретились взглядом. У него злые холодные глаза. Я узнаю их из тысячи. Боже мой! Неужели Витя умрет? — простонала Лебедева. — Ведь я так и не попросила у него прощения.

Женщина разрыдалась, и Замятин с неприязнью подумал, что по большому счету у нее было время попросить у мужа прощение. Но видимо она из тех женщин, которые долго держат обиду.

Это было истинной правдой. Светлана намеривалась не разговаривать с ним три дня, а Новый год встретить с незамужней сестрой и ее другом. После того, как муж с продавцом ноутбука вышли из квартиры, она бросилась к телефону и набрала номер сестры, чтобы сообщить, что на Новый год она приедет к ней. Однако у сестры было занято. Через минуту Светлана снова позвонила сестре, но ответом были ко-

роткие гудки. В третий раз, когда гудки стали длинными, в дверь внезапно позвонили. Поскольку у мужа имелись ключи, то это могла быть только мама, решившая по какой-то причине возвратиться внука. От этого накатила новая волна раздражения, поскольку ключей у хозяйки не было, а без ключа дверь изнутри не открывалась. Пришлось водворить трубку на место и проследовать в прихожую.

— Кто там? — спросила Светлана недовольным голосом.

— Это я, — услышала она слабый голос мужа. — Открой! В меня только что стрелял этот тип, который хотел продать ноутбук. Он вырвал борсетку с деньгами и убежал.

Несмотря на то, что внутренности Светланы передернулись, она не сразу поверила мужу. Первой мыслью было, что он прикалывается. Прикалывается, потому что чувствует себя виноватым.

— Что? У тебя отняли борсетку со всеми деньгами? — переспросила она недоверчиво. — Ты шутишь?

— Открой скорее! У меня пуля в сердце, — жалобно простонал муж.

— Но у меня нет ключей! Ключи у тебя! — недоверчиво ответила Светлана.

В это время он услышала, как хлопнула соседская дверь. Вслед за этим раздался испуганный голос тети Клавы.

— Ой сколько крови! А я вчера помыла площадку.

Только после этого до Светланы дошло. Она сразу вспомнила о странных хлопках в подъезде, когда набирала номер сестры. Женщина клушкой заметалась по квартире, начала беспорядочно выдвигать ящики из тумбочек в надежде найти ключи, хотя прекрасно знала, что ключей нет. Она схватила швабру и выскочила с ней на лоджию.

— Павел! Павел! — завопила она, стукнув шваброй по стеклу его лоджии. — Скорей спустись! Помоги Вите открыть дверь!

В это время в прихожей заскрежетал замок. Светлана поняла, что лежащий на пороге муж нашел в себе силы подняться и теперь пытается попасть ключом в замочную скважину. Женщина снова метнулась к двери.

— Тетя Клава, да помогите же ему отпереть дверь! — закричала она с отчаяньем, но в ответ та пригрозила, что если кровь не замочит, она пожалуется участковому. После этого сильно хлопнула ее дверь.

Наконец Виктору удалось отпереть замок. Светлана открыла дверь и отшатнулась: муж был мертвенно бледен,

глаза полузакрыты, простреленной ладонью он прикрывал сердце, из-под которой струилась кровь.

— Ой! Что же это такое? — пролепетала Светлана, чувствуя, что сейчас грохнется в обморок.

— Вызови «скорую», — сквозь зубы произнес муж и не твердо шагнул в квартиру.

Жена обняла его и помогла довести до дивана. После чего принялась метаться и причитать, понимая, что из-за дрожи в руках она не сможет даже снять трубки, не то, что набрать номер.

— «Скорую», «скорую» вызови! — продолжал хрипеть муж. — У меня же пуля в сердце. Чего ты мечешься?

Выручил спустившийся сверху Павел. При виде окровавленного соседа, он остолбенел, но через секунду взял в себя в руки и деловито вызвал «неотложку». Затем позвонил в милиции. Через некоторое время в квартиру вошла тетя Клава и снова потребовала, чтобы соседка замыла кровь, которая тянется от самого лифта. Ничего не понимая, Светлана метнулась в ванную и, точно помешанная, начала набирать в ведро воду. Но тут снова вмешался Павел. Он грубо вытолкнул соседку на лестничную площадку, а Светлану вытащил из ванной и подвел к мужу.

— Не дай ему вырубиться, — шепнул он в ухо. — А я пойду встречу «скорую».

Несмотря на бледность, Виктор ни на секунду не сомкнул глаз и не потерял рассудка. Он спокойно инструктировал, что следовало делать жене. Достать ваты и наложить на простреленные места, чтобы остановить кровь. Ран, включая простреленную ладонь, было семь.

— Сколько же раз он выстрелил? — спросила белыми губами жена.

— Шесть! — спокойно ответил Виктор. — Я пытался прикрыться ладонью, но пуля прошла сквозь нее и попала в шею. Это пустяки. Больше всего меня беспокоит пуля в сердце...

Операция длилась более трех часов. Хирург извлек из тела пострадавшего пять пуль. Шестая — была сквозной. Ее потом криминалисты извлекли из дверцы лифта. После этого Виктор пришел в себя и поинтересовался, удалось им извлечь пулю из сердца?

— Разумеется, — ответил хирург. — Только она была не в сердце, а рядом.

— А нельзя ли на нее взглянуть? — спросил Лебедев.

Хирург подцепил пинцетом самую кровавую из пуль и поднес к глазам больного. Лебедев счастливо улыбнулся и закрыл глаза.

— Такая фиговина, а может остановить сердце, а, стало быть, и жизнь, — прошептал он еле слышно. — Но колесо судьбы не остановишь...

Это были его последние слова. Через минуту, он впал в беспамятство и умер.

18

Сердце Лебедева остановилось именно в ту минуту, когда одна из жительниц Подмосковного Сергиева Посада выскочила из постели с сильно бьющимся сердцем. Женщину с молочным лицом разбудил, как ей показалось, ужасный грохот. На самом деле, из рук ее сына, сидящего в инвалидном кресле, выпал молоток. Он был явно не в духе. Брови сдвинуты, поперек лба глубокая морщина. Это было недобрый знаком.

— Что случилось, сынок? — встревожено спросила женщина, нашаривая под ногами тапочки.

— Ничего, — ответил инвалид и с протяжным стоном отвернулся к окну.

— Я же вижу, что-то случилось. У тебя не получается статуэтка? — женщина приблизилась к нему и ласково погладила по голове. — Говорила я тебе, не надо работать по ночам. Ничего хорошего из этого не получится. Как я вчера хотела уложить тебя спать.

Женщина подняла с полу молоток и протянула сыну. Однако он его не взял. Демонстративно надул губы и отвернулся к окну. Тогда она осторожно вынула из рук сына изваянное из фольги человечка и принялась внимательно разглядывать.

— А что тебе не нравится? Очень симпатичный юноша. Умный, развитый, целеустремленный. На мой взгляд, он знает, чего хочет в жизни...

— Что ты несешь, мама! — плаксиво простонал инвалид. — Этого не знаю даже я.

— А ты и не обязан знать, — пожалла плечами женщина. — Твое дело создать образ. А как твое создание себя поведет — это уже его забота. Художник не обязан отвечать за поступки своих творений.

— Ты думаешь, что эта кукла способна на поступки? — криво усмехнулся инвалид.

Женщина внимательно вгляделась в изваяние из фольги, после чего задумчиво перевела взгляд на сына.

— Кто знает? — ответила она, потупив глаза. — Поступки людей также непредсказуемы, как неисповедимы пути их Творца. Надеюсь, это не очередной серийный убийца?

Инвалид вырвал из рук матери фигуру и с упреком покачал головой.

— Мама, ты же его узнала: это тот самый парень, который снимал их свадьбу. А когда ты подошла к молодым с цветами, у него заело камеру.

Женщина закусила губу, поднялась и направилась в ванную. Она умывалась, одевалась, причесывалась. Затем готовила завтрак, и все это время инвалид безмолвно сидел в своей коляске и сосредоточено смотрел на изваяние. После чего, сокрушенно вздохнув, подкатил к полке и поставил фигуру между статуэтками жениха и невесты. Вошедшая с подносом мать покосилась на полку, однако ничего не сказала. Только после того, как сын съел бутерброд и выпил бокал чая, женщина произнесла, кивнув на жениха с невестой:

— Все-таки решил испортить им жизнь.

— Этот не испортит, — криво усмехнулся инвалид. — Он слишком интеллигентен и благороден. Однако кровь попортит. Это я гарантирую. Кстати, — дернулся инвалид, указав пальцем на соседнюю полку. — Убери в шкаф убийцу, которого ты назвала художником. Тоже мне нашла художника!

Женщина просияла. Она подлетела к полке и воровато схватила две стоящие рядом фигурки. Несмотря на то, что мать специально встала спиной, сын увидел.

— Нет-нет! — замахал он руками. — Его друга оставь. Ему еще предстоит сыграть свою роковую роль.

— Такую же, как этому уроду? — возмутилась женщина. — Может, хватит смертей?

— Да брось ты, мать! Если жизнь для смертных — пребывание в иллюзиях, то смерть — избавление от них. Так что, все нормально! Расслабься! Я даже этому чувачку дам когда-нибудь сыграть главную роль.

— Когда-нибудь — это когда? — нахмурилась мать.

— Не скоро. Лет так через семь-восемь.

— Страсти Господни! — перекрестилась женщина.

— Да какие страсти, мать! — расхохотался инвалид. — Всего лишь иллюзия страсти.

Часть вторая ИЛЛЮЗИЯ СТРАСТИ

1

В начале сентября 2003 года на одной из пригородных остановок Ленинградском шоссе притормозила белая «девятка». В тот день было холодно и дождливо. Вокруг ничего не радовало глаз: свинцовое небо, бетонные дома, грязная дорога, по которой летели замызганные машины, все больше иностранного производства.

Опускались сумерки. В радиусе километра не просматривалось ни единого живого существа, если не считать одинокой женщины, ждущей пригородного автобуса на грязной остановке, со сломанной лавочкой. Несмотря на то, что женщина была молода и красива, она не привлекала особого внимания: усталое лицо, унылый взгляд, окатанная грязью одежда. В ее руках были две огромные авоськи с продуктами. На безымянном пальце блестело кольцо. Это была никто иная, как наша героиня Надежда Аресова. Теперь, в этой двадцативосьмилетней, измученной женщине не просто было узнать ту кудрявую, обаятельную студентку-очаровашку, некогда пленившую своими чарами всю мужскую половину университета «Станкин».

Однако водителя белой «девятки» она чем-то привлекла, если он так резко и неожиданно затормозил. Женщина вздрогнула, неодобрительно взглянула на машину, но с места не сдвинулась. Шоферу пришлось сделать задний ход, что бы поравняться с ней. Из окна высунулась круглая физиономия упитанного мужчины лет тридцати, которая добродушно расплылась в улыбке и произнесла:

— Садитесь! Нам, кажется, по пути.

— Спасибо, я на автобусе, — механически ответила женщина и посмотрела на дорогу, откуда должен был показаться автобус.

Мужчина расхохотался.

— Если до Зеленограда, то вам еще ждать полчаса. За это время мы уже доедем. Садитесь, не бойтесь! Денег не возьму.

Прежде, чем сесть в машину, Надежда с минуту раздумывала. Она повертела головой (вокруг по-прежнему не было ни души, а дождь между тем усиливался), после чего тяжело вздохнула и опустила на заднее сиденье. Не успела она захлопнуть дверь, как водитель сразу дал по газам, будто опасаясь, что попутчица раздумает и не поедет.

Мужчина поглядывал на пассажирку в зеркальце и все больше убеждался в том, что его спутница не просто случайная красавица, а гений той самой чистой красоты, о которой писал Пушкин. Мало того, что она натуральная блондинка, так у нее еще и естественные кудри: глаза бирюзовые, чувственные губы... Черт! Да для такой не существует слов, чтобы описать.

— Такая красивая женщина и без охраны, — пошло пошутил водитель.

Надежда криво усмехнулась и поднесла к лицу платочек, чтобы мужчина не увидел ее кривого рта. «Боже мой, — подумала она. — Неужели я еще нравлюсь мужчинам. Эх, кошка дранная!»

Она тайком присматривалась к водителю. Он был не хилой комплекции, из тех, чьи физиономии называют шайбами. Простоват, грубоват, шутит банально, не изыскан в выражениях. Женщина почувствовала, что он из всех сил хочет ей понравиться — пытается быть приветливым и вежливым, но быть приветливым и вежливым — не его сущность. В повседневной жизни он груб и вульгарен. С таким нужно быть настороже.

— Мне кажется, вы чем-то озабочены, — продолжал разговор водитель.

— Вам это действительно кажется, — улыбнулась Надежда. — Просто очень устала после работы.

— А кем вы работаете, если не секрет? — осклабился хозяин «девятки».

— Топ-менеджером в холдинге «Комус», — ответила Надежда.

— Топ-менеджером? — уважительно повторил водитель и еще внимательней всмотрелся в женщину. — Это круто. И что, много зарабатываете?

— Грех жаловаться, — вздохнула Надежда и отвернулась, чтобы водитель не увидел, как погрузстнели ее глаза.

— И вы ездите на автобусе? Или, пардон, ваш «Мерседес» в ремонте.

— Нет! «Мерседеса» я не имею, — просто ответила Надежда. — На работу езжу на электричке. Просто сегодня решила на автобусе. Мы с мужем копим на квартиру, так что нам пока не до «мерседесов».

Воцарилось молчание. Женщине стало ясно, что попутчик не просто дежурно клеит, как все водители, а у него серьезные виды. Надежда специально приплела мужа, чтобы отследить реакцию. Все признаки того, что она запала ему в душу. А это значит, можно не опасаться, что он завезет куда-нибудь, откуда не возвращаются.

После этих мыслей напряжение спало. Разговор пошел более непринужденно. Водитель все больше задавал вопросы, попутчица охотно отвечала. Через двадцать минут хозяин «девятки» уже знал, что она замужем, что ее муж работает барменом, что у них пятилетний сын Алешка и что они снимают комнату в Зеленограде.

— Но я слышал, что бармены много зарабатывают, — поднял брови водитель.

— А разве я сказала, что мало? — удивилась попутчица. — Мой муж зарабатывает почти столько же, сколько я. Хотя нет. Конечно поменьше. Но не намного.

— Почему же вы снимаете комнату, а не квартиру?

— Ну, я же вам объяснила: мы копим на квартиру. Купим квартиру и тогда развяжем пояс. Нам уже осталось немного. Да что вы все о том, кто сколько зарабатывает? Между прочим, зарабатывать деньги — это самое простое. Разве в деньгах счастье?

И тут водитель понял причину грустных глаз попутчицы. Дело оказывается в муже. У нее с мужем не идут дела. Может быть, даже они на грани развода. Это открытие заметно подняло настроение мужчине.

— Могу поспорить, что ты не любишь мужа, — брякнул он с мужланской простотой.

Глаза женщины наполнились слезами.

— Если бы не любила, было бы проще, — прошептала она еле слышно, скорее, для себя. Но водитель услышал.

— Так у него что, баба? — спросил он, удивленно оглядываясь назад. — Ну и дурак! От такой красивой жены заводить бабу? Я бы не решился.

Надежда снова напряглась и как-то по-детски съежилась. Она ответила, что было бы лучше, если бы он следил за до-

рогой, а не вынюхивал их семейные тайны. «Вот тебе и грубый мужлан, — подумала она. — Раскусил в два счета. Видать, здорово мужик втюрился. А еще говорят, нет любви с первого взгляда».

Остатки пути проехали, разговаривая о каких-то сериалах по телевизору, поскольку любые вопросы на семейные темы Надежда пресекала на корню. Только, когда «девятка» остановилась у ее дома, она с удивлением подумала, что растрепала о себе все, а он — ничего. Надежда щелкнула ручкой дверцы и собралась выйти, но водитель, резко обернувшись, схватил ее за руку.

— Наденька, — произнес он, остро впившись в глаза, выходите за меня замуж!

Попутчица весело рассмеялась, приняв это за шутку. Однако он не шутил. Надежда это поняла чуть позже, когда перестала смеяться.

— Но я замужем, — ответила она серьезно.

— Муж вас не любит. А я буду любить, — произнес водитель и страстно потянул к себе.

— Но я даже не знаю, кто вы, и как вас зовут? — попыталась вырваться Надежда.

— Меня зовут Александром. Я опер «убойного» отдела МУРа.

2

Надя вошла в квартиру в радостном настроении. Все-таки не каждый день влюбляются с первого взгляда, а тем более мужественные мужчины из МУРа. «Боже мой, — ликовала душа, — неужели я еще способна влюблять в себя мужчин? А ведь думала, что давно превратилась во выючную лошадь...»

Разумеется, с этим типом никаких отношений быть не могло — ни серьезных, ни мимолетных. Но все равно приятно. Надежда даже перед тем, как выйти из машины, продиктовала номер своего сотового. Про домашний телефон хватило ума умолчать. Хотя номер мобильного также давать не следовало, но что делать, если мужик втюрился и кажется серьезно, раз сходу делает предложение. Во всяком случае, тут не пахло стандартным кобелированием.

Чтобы не встретиться с хозяйкой, Надежда мышкой прошмыгнула в комнату, бросила пакеты на пол и, увидев не

заправленную кровать, без сил опустилась в кресло. Хорошее настроение тут же улетучилось, и в душу снова вползла эта вечная бабская тоска.

Она почувствовала, что сегодняшний вечер будет таким же, как всегда. Сначала Наденька позвонит маме, у которой уже больше месяца живет Алешка, поговорит с сыном, немало всплакнет, пообещает забрать его на выходные, но тут бабушка вырвет трубку и заявит, что Алешке у нее лучше, а она пусть налаживает отношения с мужем.

После этого расстроенная женщина отправится готовить ужин. Затем включит телевизор и станет ждать супруга. Ужин остынет, а его все не будет. В половине одиннадцатого она позвонит ему на работу, и ей ответят, что Сергей давно ушел домой. Надя позвонит на мобильный, но по нему никто не ответит. После этого она с таким же результатом позвонит еще пять раз, а на шестой — противный женский голос скажет: «Абонент не отвечает, или временно недоступен. Попробуйте позвонить попозже».

Прождав до часа ночи, бедняжка ляжет спать одна. Но какой тут сон? Она будет прислушиваться к каждому шороху. Где-то часам к трем Надежда услышит, как откроется дверь прихожей и как муж, нервно скинув обувь, станет на цыпочках пробираться в комнату, тупо натываясь на предметы, потому что опять будет выпившим. Когда он войдет в комнату, жена сразу почувствует запах чужой женщины...

Надежда схватилась за виски и отчаянно затрясла головой. «Мама, когда все это кончится», — прошептала она плаксиво и разрыдалась. Затем опомнилась. Смахнула платком слезы и слегка припудрилась, потому что в такую минуту черти обычно приносят хозяйку Марью Андреевну. А та с занудством начнет наставлять, как следует воспитывать мужей. Слушать ее тяжело и тоскливо, а главное, шестидесятилетнюю девушку, никогда не знавшую мужчины, однако ведавшую о чужих мужьях все, не выпроводишь до двенадцати.

«Что случилось с Сережей? Почему он стал таким: лживым, безвольным, распущенным?» — каждый вечер вопрошала себя Надя и не могла найти ответа.

Каждую ночь, возвращаясь черт знает откуда, Сергей искренне клялся, что это в последний раз. Однако на следующий день все повторялось заново. И этому не было конца. Будь проклят тот день, когда Сергей устроился в ресторан

«Робинзон» барменом. Точнее, когда его туда устроил Курников...

Сокрушенно вздохнув, Надя подошла к зеркалу. В стекле отразилась несчастная женщина с усталыми глазами. «Будут ли эти глаза еще когда-нибудь сиять, как восемь лет назад?» — подумала она. Но почему восемь? Еще три года назад они время от времени озарялись счастливым блеском. Еще три года назад, когда Алешке было два года, у них с мужем была полная гармония. Хотя в это время у него уже была левая тетка. Она у Сережи появилась на третьем году их семейной жизни. Зачем? Чего ему не хватало?

В комнату постучала хозяйка.

— Ты плачешь, Надюша?

— Нет, что вы, Марья Андреевна! Вам показалось! Я не плачу! — ответила Надя радостным голосом и принялась торопливо разгружать авоськи, чтобы показать, что ей сейчас не до праздных разговоров.

— А мне показалось, что ты плачешь, — повторила хозяйка, заглядывая в комнату.

Марья Андреевна с любопытством зыркнула по скомканной постели, затем перевела взгляд на извлекаемые из пакетов продукты. «Главное, чтобы не вошла в комнату, иначе потом не выставишь», — подумала Надя и, схватив со стола упаковку фарша, с широкой улыбкой направилась к ней навстречу.

— С чего вы взяли, что я плачу? — пожала плечами квартирантка, мягко оттесняя ее в коридор и демонстративно заворачивая на кухню. — Полагаете, мне больше нечего делать? Сейчас надо поскорее пожарить котлеты. Сережа явится голодный, как волк. Даром, что в ресторане работает. Ну не по вкусу ему ресторанный пища. Вы не поверите, Марья Андреевна, мне только что сделал предложение какой-то опер из «убойного» отдела, — почти искренне рассмеялась Надежда, видя, что хозяйка следует за ней. — Можете себе такое представить?

Охи и ахи квартирной хозяйки на кухне несколько отвлекли от невеселых мыслей. Затем, когда Марья Андреевна отчалила к себе смотреть очередной сериал, снова сделалось грустно.

«Так почему же он стал таким?» — продолжал вопрошать кто-то изнутри.

Ведь Сережа был совсем другим: сильным, честным, ответственным, целеустремленным. У него были все признаки

настоящего мужчины. Кому как не ей было это знать, которая росла с ним по соседству. Что с ним стряслось?»

А стряслось с ним худшее: ему не дали проявить себя. Ему не везло с работой, поэтому пришлось прибегнуть к помощи Леши Курникова, к которому он ревновал. От безвыходности Сережа принял его помощь, и в нем что-то надломилось. Он перестал в себя верить и теперь за эту работу бармена держится, как за соломинку. А ведь Сергей в ресторан устраивался временно, пока не закончит институт. В результате: и институт бросил, и в «Робинзоне» увяз навечно.

Ну, ничего! Скоро они купят квартиру в Москве и навсегда уедут из этого гребаного Зеленограда. И тогда Сережа найдет себе другую, более достойную работу.

Внезапно Надежда вспомнила, что прибегнуть к помощи Курникова ей пришло в голову первой. Это случилось через полгода после их свадьбы накануне Нового года. Видя, что Сережа совсем потерял надежду найти работу, юная супруга позвонила Лехе, поскольку на лекциях в это время он почти не появлялся. Курников с готовностью отозвался и вечером назначил встречу. Они встретились у метро «Новослободская». Надежда села к нему в машину и они куда-то поехали. Только минут через двадцать она с удивленьем спросила:

— А куда мы, собственно, едем?

— В одно место! — таинственно улыбнулся Леха. — Тебе понравится.

— Но я хотела бы обсудить вопрос о трудоустройстве Сережи.

— Там и обсудим.

Они остановились на Тверской у какого-то шикарного ресторана. Надежда сразу почувствовала напряжение, несмотря на то, что деньги у нее имелись. Иметься-то имелись, но они были предназначены совсем на иные цели: на подарки мужу, родителям и свекрови. А также на скромное празднование Нового года в общепитии. Для ресторана эти деньги не предназначались.

Леха непринужденно вышел из машины и, открыв дверь, галантно подал руку. Только сейчас Надежда заметила, как шикарно одет ее однокурсник: элегантный французский костюм блайзер, белая шелковая рубашка и дорожный галстук с бриллиантом. Ступив на тротуар, она взглянула на его обувь, поскольку подыскивала мужу недорогие, но практичные ботинки взамен его разбитых кроссовок. На Курникове

были люксовские итальянские туфли, какие мужу и не снились.

Леха по-светски непринужденно (и где он только научился таким манерам) взял Надежду под локоток и повел к дверям ресторана, мимо светящихся елок, которые стояли по сторонам. Изнутри вынырнул красивый швейцар и почтительно открыл перед ними стеклянные двери.

— Куда ты меня тащишь? — прикинулась дурочкой Надежда. — Я совсем не собиралась сегодня в ресторан. Я думала, мы посидим в какой-нибудь забегаловке.

— Расслабься, — коротко бросил Леха. — На Тверской нет забегаловок.

— Но здесь дорого, — прошептала Надя, растерянно осматривая шикарные апартаменты.

— Пусть тебя это не волнует.

Надежда была неплохо одета, но тут нешуточно оробела, почувствовав себя не в своей тарелке. Однако ни одним движением не выдала, что комплексует. Также как обычно она осталась улыбочивой и обаятельной. «Курников хочет повыпендриваться? Пусть повыпендривается! — подумала она. — Главное, чтобы пристроил мужа».

Когда они сели за столик с кружевной скатертью и официант подал меню, у Надежды потемнело в глазах. Ее несчастные триста долларов, покоившиеся на дне сумочки, бесследно растворялись всего в паре салатов. Женщина твердо решила, что заплатит за себя сама. Пусть никто не получит подарков на Новый год, пусть они будут праздновать с единственной бутылкой пива и пачкой «Ролтона», зато у мужа будет высокооплачиваемую работу. Это стоит таких жертв. Хотя по большому счету, какие это жертвы?

Как ни упиралась Надежда, как не заявляла, что сыта по горло, да к тому же на диете, Курников заказал на всю катушку. Но рассудок его спутницы от этого не помутился. Надежда также была спокойна и обаятельна, и не забывала о главном: о том, что Сережу нужно устроить в хорошее место. Леша сказал, что устроит без проблем. Ему нужен человек, который смог бы наладить производство комбината школьного питания. Работа непростая, сволочная, однако денежная.

— Сергей сможет! — встрепенулась Надежда.

— И я думаю, что сможет! — согласился Курников. — Единственное, что меня смущает, — его гордыня. Он ведь может и отказаться.

— Может, — вздохнула Надя. — Он мечтает о собственном деле. И мечтает всего добиться своим умом...

— Вот пусть и проявит свой ум! — отрезал Леха. — Впоследствии это будет его дело. А мне он будет отчихлять проценты, как учредителю.

«Все же Курников — большая умница и благородный человек», — думала в тот вечер Наденька. Хотя по поводу благородства ее одолевали сомнения. Если после ресторана он предложит поехать к нему, как тут поступить? Впрочем, если она сама за себя заплатит, то не предложит.

Однако Курников не принял внесения лепты дамы в принесенный официантом счет. Он кинул в кожаную папку несколько сотен долларов и отказался от сдачи. Затем действительно предложил поехать к нему.

— А если не поеду, ты не примешь Сережу на работу? — сузила глаза Надежда.

— За кого ты меня принимаешь? — ответил с мефистофельской улыбкой Курников и потупил взор.

3

Котлеты были пожарены. С сыном по телефону поговорила. Алешка сказал, что скучает. Мама ответила, что тоже. Надежда старалась сохранить спокойствие, мысленно сосредоточившись на сынишке. Затем перевела мысли на нового знакомого, который сделал ей предложение.

В половине одиннадцатого начался этот проклятый зуд ожидания. Телевизор больше не занимал, мысли о незнакомце, представившимся Александром, уже не забавляли. Женщина не выдержала и, сорвав телефонную трубку, набрала номер ресторана.

— Аресов уже ушел домой, — ответил охранник.

«Каждый день одно и то же», — закусил губу Надя и набрала номер сотового мужа. К ее удивлению, Сергей отозвался сразу.

— Да уже подхожу к дому! — ответил он. — Через пять минут буду.

И действительно через пять минут в прихожей раздался звонок. Сегодня Сергей смотрел прямо, а не отводил вино вато глаз, как обычно. Видимо, вчерашний ночной скандал возымел успех. Вчера он поклялся, что пьянок и ночных загулов с друзьями больше не будет. «С друзьями, — резануло

супругу. — Знаем мы таких друзей, которые душатся женскими духами».

Но сегодня все было по-другому. Супруги мирно поужинали, посмотрели телевизор и легли в постель. Муж сразу отвернулся. В сердце Наденьки снова вползла эта проклятущая змеюка тоски. В первые годы жизни супруга вздыхала облегченно, когда уставший муж засыпал, не прикасаясь к ней. Такое случалось редко, однако случалось, особенно, когда муж работал в две смены. Но, как правило, Сережа был неуютим и хотел жену всегда и везде, где только ее попка находила точку опоры. Поначалу это пугало, но потом она привыкла. Могла ли Надя предположить, что доживет до таких дней, когда муж ее не будет желать, как женщину. Могла ли знать, что для женщины нет большей обиды, когда муж поворачивается к ней спиной.

— Устал сегодня? — сочувственно спросила Надя, положив руку на его плечо.

— Да нет, как всегда! Чего мне уставать, — отозвался супруг.

«Смотри-ка, даже соврать не соизволил, настолько я ему, видимо, опротивела», — с досадой подумала супруга, а вслух произнесла:

— Тебя что-то угнетает?

Муж не ответил. А значит, его действительно что-то угнетало.

— Расскажи, не томи душу, — продолжала торпедировать Надя. — Она сегодня дала от ворот? Поэтому ты так рано?

— Да оставь ты ее в покое! — дернулся муж. — Она не сделала тебе ничего плохого. Сама-то лучше что ли? Строишь из себя паиньку. Ты думаешь, я лопух? Ни о чем не догадываюсь?

Надежда поднялась на локте и сделала попытку стянуть с мужа одеяло.

— Ты о чем? Поясни!

— Все о том же, в честь кого ты назвала своего сына, — с горечью произнес Сережа и зарылся под одеяло с головой.

— Почему только моего? — похолодела Надежда. — А ты разве не принимал участия?

— Не знаю! Знаю только одно, что спиногрыза ты назвала в честь него.

— Как у тебя язык повернулся, назвать Алешеньку спиногрызом? — возмутилась Надежда. — Сына я назвала в честь своего дедушки. А Курникова я сто лет не видела.

— Зато я вас видел в ресторане на Тверской!

Надежда вздрогнула. «Боже, откуда он знает? — удивилась она. — А может, блефует?»

— Поясни, я не понимаю!

Сергей рывком скинул с себя одеяло, включил торшер и впился жене в глаза. В его взгляде было отчаянье.

— Хочешь сказать, что вы не ходили с Курниковым в ресторан? Тогда, после нашей женитьбы, перед Новым годом?

— Да кто тебе сказал? — изумилась жена.

— Да никто мне не говорил! — передразнил Серега. — Я сам видел, вот этим глазами, как вы вышли из машины, а затем вошли в ресторан. Потом я видел в окно, как вы вкушали деликатесы и пили «бордо», как любезничали друг с другом, и как ты по-собачьи заглядывала ему в глаза. А ведь не прошло и полгода со дня нашей свадьбы! Все три часа, которые вы провели в ресторане, я ходил под окнами как бомж, и ждал, когда вы закончите свое светское рондеу. Я хотел зайти в ресторан, чтобы только взглянуть тебе в глаза, но меня в грязной джинсовой куртке и стоптанных кроссовках презрительно вытолкали. Потом я видел, как вы вышли на улицу сытые и румяные, сели в машину и поехали? Скажешь, этого не было?

Надежда смотрела в красные глаза мужа и готова была расплакаться. В эту минуту словно пелена спала с ее глаз. В эту минуту ей многое стало ясно. Отпираться было бесполезно. Сознаться — стыдно. Она нахмурила лоб и сделала вид, что вспоминает. Сейчас от ее ответа зависело все. Она задумчиво закусила губу, и вдруг в ее глазах блеснуло прозрение. Надежда звонко рассмеялась.

— Ах, вот ты о чем! — воскликнула она обрадовано. — Да, вспомнила! Действительно Лешка один раз затащил меня в ресторан. Мы договорились встретиться, чтобы поговорить о твоём трудоустройстве. Вот почему он меня пригласил в ресторан. Деньги у него, сам знаешь, немереные. Мы посидели, поговорили. Он пообещал, что устроит тебя на серьёзную работу. Ты же помнишь, после этого он тебе звонил. Но ты наотрез отказался. Сказал, обойдусь своими силами. Ты что же, приревновал?

— После ресторана ты поехала к нему? — заскрежетал зубами Сергей.

— Нет. Он отвез меня в общежитие, — соврала Надежда и сделала усилие, чтобы не отвести глаза.

— Не ври! — устало выдохнул муж. — Вы вышли из ресторана в половине десятого. А в общагу ты приехала в час ночи.

Так оно и было. Надежда хорошо помнила, как в ту ночь вернулась домой. Она ожидала, что, когда откроет дверь, муж немедленно набросится на нее и по обыкновению изнасилует на месте. Этого ей хотелось меньше всего, потому что она, во-первых, была пьяной, во-вторых, — несколько несвежей. Короче говоря, слегка помятой чужим мужиком. Поэтому были опасения, что супруг унюхает мужской одеколон. Однако еще в коридоре она увидела, что из-под двери не выбивается свет. «Что же, Сережи нет дома? — похолодела она. — Неужели отправился на поиски?»

Надежда отперла дверь, включила настольную лампу и увидела, что муж лежит на кровати вниз лицом. В ту минуту ей показалось, что он спит. На самом деле — он не спал. Она хотела разбудить его, но раздумала. «Это даже лучше, что спит, — подумала гулена. — Не нужно будет объяснять, почему она пьяная».

Наденька быстро разделась, юркнула в постель и заснула. Когда она по привычке проснулась в шесть, Сережа еще спал. Жена быстро оделась и, не умывшись, понеслась в институт, тем самым, избавив себе от неуместных вопросов супруга.

«Так вот, когда он сломался как мужчина», — с ужасом дошло до жены, и ее глаза наполнились слезами. Она с плачем бросилась к Сереже на шею.

— Боже мой, боже мой! — запричитала она, покрывая его лицо поцелуями. — И ты семь лет носил это в себе? И ни о чем меня не спрашивал? Так вот почему ты отказался возглавить комбинат школьного питания? Зайчик мой, да я тебе бы все рассказала, как на духу, если бы ты спросил. Но ты же молчал, как рыба. Как ты страдал! Какой же я была дурой! Прости!

— Ты не ответила, — отпихнул жену Сергей. — Куда вы поехали после ресторана? К нему? Только не ври! Я чувствую, когда ты врешь.

Надежда честно посмотрела мужу в глаза и кивнула.

— Да, к нему! Но клянусь, у нас с ним ничего не было. Не веришь? Вот смотри! — Надежда положила в ладонь болтающийся на шее крестик и торжественно произнесла: — Клянусь тебе, что после ресторана у нас с Курниковым ничего не было, хотя я и поехала к нему домой. Но поехала ради

тебя. Боялась, что если откажусь с ним поехать, он тебя не примет на работу. Вот тебе крест: в тот вечер я осталась тебе верна. Хочешь, поклянись Алешкой?

— Не надо! — устало отмахнулся муж и повалился на постель. — Давай спать. Уже поздно.

В его голосе уже не слышалось обиды. Значит, поверил. Клятва Алешкой действует на него безотказно.

«Что я наделала? — продолжала упрекать себя Надя. — Нужно было сразу сказать ему правду». А вместо этого наврала, что отмечали Новый год на работе. А он, оказывается, все знал и ничего не сказал. Вот почему он стал таким. Сама же, оказывается, и виновата!

Жена жарко обняла мужа.

— Да, я виновата! Признаю! Но это было единственный раз. Прости меня, милый, тем более что тогда у нас с Курниковым ничего не было. Ты веришь?

4

Непонятно, верил Сережа, или нет, но это было сущей правдой. До постели у них с Лехой не дошло. Она устояла. Хотя ехать к нему домой после ресторана было совершенно излишне. Ну предложил поехать. И она сразу согласилась. Правда перед этим спросила:

— А если не поеду, ты не примешь Сергея на работу?

Это был глупый вопрос. Курников слишком благороден, чтобы пользоваться своим положением.

— За кого ты меня принимаешь? — ответил он с мефистофельской улыбкой и вдруг без спроса приложился губами к ее руке. Затем взглянул в глаза, в которых у Надежды (чего скрывать) немного помутилось, и повел ее к машине. Они, ни слова не говоря, мчались в сторону Баррикадной, и Надежда не выражала никакого протеста. А могла бы вытаращить глаза и театрально удивиться:

— А собственно, куда мы едем?

Но Курников такой человек, перед которым рисоваться не стоило. Он слишком умен и проницателен.

Таким образом в полном молчании они доехали до его дома, вышли из машины и только тогда, когда Леха повел спутницу в сторону подъезда, она остановилась и вопросительно посмотрела в глаза.

— Послушаем «Битлз»! Ты же мечтала послушать «жуков» на хорошей аппаратуре? — произнес он без всякого напряжения.

Это тоже не было театром. Надежда действительно неоднократно высказывала пожелание послушать «битлов» с безупречным качеством, поскольку общежитие к этому не располагало.

Двухкомнатная квартира Курникова была на редкость уютной и чистой, хотя никаких следов пребывания женщины не усматривалось. Леха с порога включил «Битлз» сделал интимный свет и отправился на кухню. Через минуту он появился с двумя бокалами «бордо» и клубникой в хрустальной вазочке.

В тот вечер Надежда была несколько обалдевшей от халвы. «Когда попьешь «бордо» и поешь клубники среди зимы, то неминуемо свихнешься», — подумала она и поймала себя на мысли, что лжет сама себе. Не халыва ее прельщала, а любопытство. Так что, это было неправдой, что она поехала к Курникову ради мужа. Нет, не ради мужа, а из бабского любопытства. И очень хорошо, что она не поклялась Алешкой. Хотя по поводу любопытства — это тоже не совсем правда. А правда в том, что Надя в тот вечер не хотела расставаться с Лешкой. С ним было спокойно, с ними было как у Бога за пазухой. Он сильный, надежный и знающий свое место в жизни. И чего скрывать, его место в этой жизни было далеко не на задворках, как у них с Сережей.

Они пили вино, ели клубнику, танцевали. И Надежда, точно Золушка, с ужасом поглядывала на часы. Стрелки ползли к двенадцати, а уходить не хотелось, хотя каждые пять минут Надежда про себя повторяла: «еще немного и отчаливаю в общагу».

Внезапно Курников поцеловал ее в губы. И снова молча, без спроса. Нужно было сделать круглые глаза, возмутиться, вскочить с дивана — но это было бы театрам. Втайне Надежда желала, чтобы Курников ее поцеловал. К чему лукавить? Леха ее видел насквозь. «Только бы не зашло слишком далеко», — сладко подумала Надежда и подставила губы для второго поцелуя.

Вино, музыка и интимный свет делали свое дело. Чужая жена сквозь головокружение чувствовала, что ее кофточка давно на полу, верхние пуговицы блузки расстегнуты и в это пространство поминутно проникают Лехины губы. Это можно было прекратить одним словом, но язык у Надежды онемел.

Реальность походила на сон, пробуждение из которого вызывает досаду. Как ее кофточка, снимающаяся через голову, оказалась сброшенной на пол а, державшийся на одной лямке бюстгальтер расстегнутым, Надежда не помнила, хотя, как ей казалось, контролировала каждое движение Лешки. Он же в это время стоял на коленях и, вжимая ладони в бедра с задранной юбкой, водил шершавым подбородком по ее голую животу.

«Все! — бил тревогу рассудок. — Надо прекращать. Дальше уже может быть необратимый процесс». Впрочем, Надежда уже не верила, что данный процесс имеет обратную силу, настолько Леха все делал тонко и деликатно. Хоть бы один грубый жест, хоть бы одно нетерпеливое движение — нет, не дождешься. В ту минуту, когда он попытался зубами стащить с нее трусики, Надежда собрала всю свою волю в кулак и прошептала:

— Все! Мне нужно бежать! Сейчас закроют метро.

— Я отвезу тебя на машине, — возразил Леха, не выпуская трусики из зубов.

— Нет! Меня ждет муж. Ты же знаешь.

Перед глазами все плыло и двоилось. Леха поднял голову. Его глаза были осоловелыми и до того милыми, что Надежда едва не бросилась их целовать. Она сильно зажмурилась и затрясла головой.

— Боже, что я творю?

Она расцепила Лехины руки, подобрала с пола бюстгальтер с кофточкой и подошла к зеркалу. В зеркале отразилась полунагая, кудрявая прелестница с пунцовым лицом блудницы. Надежда осмотрела себя с ног до головы и не испытала стыда, хотя на нее во всю тарачился чужой мужчина. И как тарачился? С восхищением. А почему бы не потарачиться с восхищением? Она так прекрасна: осиная талий, круглые бедра, груди как надувные мячики. Еще Надежда подумала, что ее прекрасное тело как-то больше гармонирует с интерьером этой квартиры, нежели с потасканными стенами общежития, где нет даже зеркала, чтобы увидеть себя во всей красе.

Женщина в очередной раз взглянула на часы и начала быстро одеваться. Было уже половина первого. Ни о каком метро не могло быть и речи. За все время одевания Леха не произнес ни слова и не сделал ни единого движения.

— Ну что, ты меня правда отвезешь? — бросила через плечо прелестница, направляясь в прихожую.

— Разумеется, — ответил Леха и поднялся с колен.

Он напялил пуховик прямо на рубашку, не удосужившись застегнуть ни единой пуговицы, влез в сапоги, не застегнув молнии, и, тяжело вздохнув, выпустил гостью.

Пара молча спустилась на лифте, молча вышла из подъезда и также молча села в машину. Причем, Надежда все это время смотрела себе на сапоги, а Курников на нее. Также без единого слова они доехали до улицы Спортивной, только подъезжать к дверям общежития под номером тридцать три дробь восемь Надежда не разрешила. Она быстро выскочила из машины и понеслась к дому. Однако у дверей обернулась и, увидев, что машина по-прежнему стоит на месте, озорно сделала ручкой:

— Спасибо за приятный вечер!

5

Мучила ли Надежду совесть? Да! Она не спала всю ночь. Но не из-за мук совести. Как раз совесть ее была чиста, поскольку до измены не дошло. Так что можно смело сказать, что мужу она не соврала. В смысле физиологии у них с Курниковым в тот вечер ничего не было. Точнее сказать, почти ничего. Но все-таки очень хорошо, что она не поклялась Алешкой. До практической измены не дошла, но теоретически она была к ней готова.

Ночью Надежда вспоминала объятия Курникова и панически боялась, что проснется муж и своими похотливыми желаниями нарушит ее сладкую истому. Но именно в ту блудливую ночь его сон был на редкость крепким. Он даже ни разу не пошевелился, не то, что проснуться. Если бы Надежда знала, что ее муж также не спал и слышал все ее мечтательные вздохи.

В шесть, едва пискнул будильник, Наденька, ловко его прихлопнула и пулей выскочила из постели. После вчерашнего вечера с Курниковым, все в этой комнате ей казалось жалким и убогим, поэтому она так поспешно покинула общежитие, чтобы в одиночестве в пустом кабинете университета продлить очарование.

Чем сосредоточеннее студентка погружалась в черчение в пустой аудитории университета, тем больше удивлялась достоинствам Курникова. И почему она не замечала его раньше, хотя всей кожей чувствовала, что нравится ему как

женщина. Может, тогда бы ее жизнь покати́лась по другому, менее накатанному сценарию.

Ровно в восемь утра (в это время мы знаем, инвалид в Сергиевом Посаде бросил на пол молоток, закончив новую фигуру) Надежда выхватила из сумочки мобильник и набрала номер Курникова. Что она хотела ему сказать, сама не знала. Она хотела только услышать его голос, но услышать его голос не удалось. Трубку не брали. Надежда изо всех сил зажмурилась и сильно затрясла головой, чтобы вправить свихнувшиеся мозги. Но это не удалось. Тогда она поняла, что впервые в жизни влюбилась, как нимфа.

В это же время, как мы знаем, в Ростове умер Виктор Лебедев — четвертая жертва неуловимого убийцы. Впрочем, теперь не такого уж неуловимого. Его фоторобот со слов жены пострадавшего и соседа-компьютерщика был составлен, и в данный момент следователь Замятин внимательно слушал аудиозапись, которую предусмотрительно сделала потенциальная жертва. На пленку записалось практически все: как убийца вошел в прихожую, как потребовал вешалку для своего пальто, как явился компьютерщик Павел с верхнего этажа, как шел торг, и как они оба, продавец и покупатель, направились в прихожую. Было четко слышно, как хлопнула входная дверь, и, прислушавшись, можно было услышать, как подъехал лифт и расхлябанно распахнул свои засаленные двери. Вслед за этим, через несколько секунд, раздались шесть сухих хлопков. После чего, приблизительно через две минуты, в квартире прозвенел звонок и, прошлепавшая в прихожую, жена спросила недовольным голосом:

— Кто там?

Дальнейшая сцена записалась на редкость четко. Следователя поразил спокойный голос человека с пятью пулями в теле, который инструктировал напуганную и бестолково мечущую по квартире супругу. Слушать это было тяжело. Но следователь прослушал пленку дважды. Самой большой ценностью в этой записи был голос убийцы: хорошо поставленный, с четкой дикцией, с едва уловимым северным акцентом. Но и это не все. Звонок на мобильный Лебедеву заставил следователя подняться и задумчиво пройти из угла в угол. По окончании записи Замятин позвонил оперуполномоченному Степанову, который в этот день был в отгуле.

— Володя, извини, что выдергиваю! Выходной отгуляешь потом. А сейчас немедленно езжай на телефонную станцию и возьми распечатку вчерашних телефонных разговоров

Виктора Лебедева. Ты должен кровь из носа добыть информацию о том, с какого телефона звонил убийца Лебедеву. Сдается мне, что с того же мобильного, что и студенту.

— Он что, идиот? — гоготнул Степанов. — Даже если с того же сотового, то наверняка сменил сим-карту.

— Заодно, кстати, и узнаешь, можно ли запеленговать мобильный телефон с разными сим-картами.

Ехать домой спать не имело смысла. Вся ростовская милиция была поднята на ноги. Убийцу могли взять с минуту на минуту. Поэтому Замятин, подложив под голову папки с делами, пристроился на казенном диванчике, стоявшем в углу кабинета. Однако о том, чтобы заснуть, не могло быть и речи. Следователь был слишком возбужден.

Часа через полтора, когда, после свирепой возни на кожаном диване следователю пригрезилось что-то вроде сна, кабинет огласил звонок. Звонил Степанов. Его голос был взволнованным.

— Саныч, ты как в воду смотрел! Лебедеву действительно звонили с сотового. Номер я взял! Могу продиктовать.

— Не надо. Продолжай!

— Так вот, Саныч, в двадцать два сорок пять, когда убийца был у Лебедева, на этот же номер позвонили с таксофона. С какого, определить не удалось. А теперь, самое главное: данный номер, не совпадает с номером, с которого звонили студенту.

— Это и понятно! Только идиот может после убийства пользоваться той же сим-картой. Идентичность телефона определить можно?

— Можно! — отозвался опер. — У каждого телефона, как мне объяснили, есть свой серийный номер, независимый от сим-карты. И его можно запеленговать. Сейчас они роятся в архивах. Минут через пятнадцать перезвоню.

Как можно заснуть после такого сообщения? Замятин скрестил на груди руки и принялся ходить из угла в угол. Интуиция подсказывала, что сегодня убийца будет пойман. Следователь не вытерпел и позвонил начальнику угрозыска:

— Ну что? Какого-нибудь похожего задержали?

— Если бы задержали, Николай Александрович, вам бы сообщили первому.

— Ну-ну!

Через десять минут позвонил Степанов. Его голос был еще более взволнован.

— Саныч, просто фантастика! И студенту, и Лебедеву звонили с одного и того же мобильного телефона. Но с разными сим-картами.

— Что и требовалось доказать! — сдержанно прокомментировал Замятин. — Он слишком жаден, чтобы менять телефоны. В общем так, сиди на станции. Сейчас я пришлю специалистов. Будем пеленговать. Только бы он не выбросил телефон.

В семь часов вечера на запеленгованный номер поступил звонок. Разговор услышать не удалось, зато удалось вычислить новый номер запеленгованного телефона. Как потом выяснилось, сим-карта с этим номером была приобретена в киоске у железнодорожного вокзала. Кем? Киоскер не вспомнил. Однако теперь был известен номер, который немедленно поставили на прослушку.

Этот номер молчал три дня. На четвертый — на него поступил звонок. Звонила какая-то женщина.

— Пока ничего не продалось? — произнесла она без всякого приветствия. — Ты еще дома? Сейчас подойду, объясню.

— Хозяйке заплатила? — спросил мужской голос.

— Откуда? Денег же нет.

— Ты хочешь, чтобы нас выгнали?

— Сейчас приду, поговорим.

Замятин трижды прослушал запись. Затем сравнил голос мужчины с голосом на пленке Лебедева. Совпадал на девяносто процентов. Степанов также подтвердил, что голос совпадает, хотя по телефону определить сложно. Подлинность могут определить только эксперты.

— На экспертизу, разумеется, потом отдадим, — пробурчал Замятин. — Но ты усек главное? Эта пара, судя по всему, сожительствует вместе и живет на квартире, раз они платят квартирной хозяйке. Кроме того, занимаются реализацией каких-то вещей. Возможно, тех самых. Давай-ка, Володя, прошвырнись по коммиссионкам.

Однако дальнейшие события разворачивались настолько стремительно, что Степанов успел проверить только три центральных коммиссионных магазина. Следующий звонок с мобильного позволил запеленговать не только район, но и переулок, откуда он исходил. В этом Молочном переулке стояло несколько старых трехэтажных домов. На обход квартир не требовалось много времени, тем более что обходить следовало только те квартиры, в которых не было го-

родских телефонов. Если бы телефон имелся, то подозреваемый не звонил бы из дома с мобильного.

Однако с обходом повременили, чтобы не спугнуть преступника. Жильцов, снимающих квартиры, решили выявить через участкового. Приглашенный участковый долго вглядывался в фоторобот, но так и не определил, живет таковой на его участке в Молочном переулке, или нет.

— Как бы вроде видел такую пачку! А с другой стороны — у меня на участке что ни морда, то шайба... Дайте мне три дня и если имеется похожий, то я вам его приведу.

— Приводить не надо. Только установи! И поаккуратнее! — предупредил Замятин. — Главное, не спугнуть.

Через два дня участковый явился в прокуратуру и заявил, что похожий мужик проживает в двадцать четвертой квартире дома номер шесть. Но проживает не один, а с сожительницей. Их имен и фамилий узнать не удалось, поскольку они оба живут без регистрации. Квартиру сдает некая Татьяна Артюхова, не работающая. Она живет на иждивении у сожителя. Что любопытно, о своих квартиросъемщиках не знает ничего. Во всяком случае, их паспортов не видела. Знает только, что мужика зовут Василием, и что он приехал из Коми. А женщина местная. Они сошлись через месяц, после того, как он вселился в ее квартиру. Чем они занимаются, ей неизвестно. Также про эту пару ничего не удалось узнать и от соседей. Что за люди живут в двадцать четвертой квартире — для них загадка. Женщина здороваается сквозь зубы, мужик вообще никого не замечает. Чем живут, также непонятно. Потому что оба не работают.

— Я уверен, это он! — заволновался Степанов.

— Как ни странно, но я тоже, — ухмыльнулся Замятин. — Вот только оснований для ареста нет. Наблюдение, конечно, установим, да боюсь, как бы не ушел. Почувствует, что следят, и пустится в бега. Ведь осторожный гад.

— А что если задержать по причине отсутствия регистрации?

— И что? Вдруг ничего не добьемся?

— Зато за это время обыщем квартиру. Подкинем патронов, пакетик с героином. Саныч, ведь увидет!

— А вдруг не он? Вечно тебя, Степанов, тянет на противозаконные действия. А вот спровоцировать его на бегство — это мысль! Вот что, Володя! Мы ставим там засаду. Ты представляешься сотрудником угрозыска, обходишь соседей и всем показываешь фоторобот, в том числе и ему. Делаешь

вид, что не замечаешь с ним сходство и уходишь. Если это убийца, то он в тот же час пустится в бега. Тут мы его и сцапаем.

— На каком основании?

— На основании отсутствия регистрации.

6

Наутро, когда Надя по привычке проснулась в шесть и собралась бесшумно выскользнуть из постели, внезапно заметила, что ее муж не спит. Он лежал на спине с заломленными под голову руками. Его грудь ровно вздымалась, однако закрытые глаза слегка подрагивали. А это первый признак того, что человек претворяется спящим. Сердце супруги сжалось. «Всю ночь переживал», — подумала она и осторожно коснулась его щеки. Сергей вздрогнул и открыл глаза.

— Прости меня за тот ресторан, — прошептала Надежда с комом в горле. — Это было единственный раз. Я искренне раскаиваюсь, что не рассказала тебе сразу. Давай простим друг друга и все начнем сначала.

У Наденьки уже во всю лились слезы, а Сергей продолжал лежать с каменным лицом. Она кинулась к мужу на шею и, захлебываясь слезами, горячо прошептала:

— Ты все знал, а пошел к Курникову на поклон, чтобы он устроил на работу. Боже, сколько ты вынес унижений! Бедненький!

На кудри плачущей женщины снисходительно легла рука супруга.

— Это правда, что у вас ничего с ним не было тогда, после ресторана?

Жена отпрянула от мужа и преданно впилась в глаза:

— Клянусь! Вот крест тебе! — произнесла она с дрожащим подбородком, а следом подумала: «Только бы не припости сюда Алешку».

Но муж не потребовал клятвы. Глаза его потеплели. Он прижал жену к груди и начал ласкать. Через пятнадцать минут, когда Сергей расслабленный и довольный отдыхал после постельных трудов, а жена бешено металась по квартире в поисках колготок, небесный свод над семейной парой повернулся. На душе у обоих снова было светло и легко.

— Не дай бог опоздаю на электричку! — бормотала жена, торопливо влезая в трусики. — У меня с утра солидный кли-

ент. Если сделка состоится — это пятьсот баксов премиальных. Последнее время мне везет. Так глядишь, к Новому году поедем выбирать квартиру.

— К Новому году? — удивился муж. — Ты же говорила, к следующей осени, не раньше! Сколько уже у нас на счету?

— Тридцать пять штук! Еще нужно минимум пять, плюс пару штук агенту.

— За эти деньги мы можем купить здесь, в Зеленограде. Сдалась нам эта Москва! Нет, правда, Надьк, надоело жить с вечно затянутым поясом.

Лицо жены сделалось хмурым.

— Нет! — тряхнула она головой. — Здесь мы не останемся ни под каким предлогом. И учти, как только купим квартиру в Москве, ты сразу уйдешь со своей работы.

Наденька сверкнула глазами, а Сережа потупил взор. Спорить было бесполезно. Он опять откинулся на подушку и закинул руки за голову. Лицо его сделалось унылым, глаза погрузнели. Посмотрев на часы, Надежда торопливо чмокнула мужа в губы и выскочила из комнаты. Сергей слышал, как она в прихожей влезла в туфли, сорвала с вешалки плащ и, не одевая его, приглушенно хлопнула дверью.

Сразу сделалось тихо и грустно. Сергей немного полежал, прислушиваясь, не выползла ли в коридор хозяйка? Она имеет привычку выходить из комнаты и снова из ванной в кухню после того, как Надежда исчезает. И какого черта ей надо?

Однако на этот раз она осталась у себя в комнате. Серега бесшумно вылез из-под одеяла, на цыпочках приблизился к телефону и набрал запретный номер. По нему отозвался мужчина. Сергей испуганно бросил трубку и словно нашкодивший ребенок снова метнулся в кровать. «Идиот! — обругал он сам себя. — Сказано же было звонить после девяти...»

А в это время Наденька выбегала из подъезда. До электрички оставалось десять минут. По опыту женщина знала, что если она понесется галопом, то все равно не успеет. Если рвануть на автобусную остановку, то можно попробовать успеть на рейсовый автобус. Но это тоже вряд ли. Самым разумным было — поймать такси. Дорого, но что делать? Сегодняшний клиент стоял этого.

И тут неподалеку от детской площадке она увидела вчерашнюю белую «девятку». Если бы она так не спешила, то вероятно бы выразила удивление, но на выражение чувств

не было времени, к тому же в голове блеснула вполне практическая мысль: а вдруг он опять подвезет бесплатно?

Стекло опустилось, и из окна высунулась круглая физиономия Саши. Она лоснилась и сияла. Проскользнуть мимо уже не представлялось возможным.

— Здравствуйте, Наденька! — радостно произнес водитель.

— Ой, Саша, это вы? — разыграла удивление Надежда.
— Каким судьбами в нашем дворе?

— Жду вас, — фальшиво засмеялся водитель.

— Меня? — еще больше удивилась Надя и подумала, что обращение на «вы» из уст этого типа звучит более чем неестественно. — А откуда вы знаете, в котором часу я выхожу из дома?

— Кого-кого, но вас я могу ждать день и ночь, — произнес он с идиотской инфантильностью и вдруг протянул ей огромный букет белых хризантем. — Это вам, Наденька!

— Мне? — растерялась женщина и покосилась на окно, из которого мог смотреть муж. — Но у меня день рождения в феврале.

— На день рождения я подарю вам корзину роз.

Надежда снова зыркнула на окна третьего этажа и убедившись, что ночные шторы их спальни по-прежнему задвинуты, несмело взяла букет и сентиментально поднесла к носу. Затем, словно очнувшись.

— Саша, извините, я опаздываю на электричку.

— Какая электричка? О чем вы? Садитесь, я довезу вас до самых дверей вашего офиса.

Ждать повторного приглашения было глупо, хоть это и могло иметь последствия. Ни ровен час к окну подойдет Сережа, или того хуже — Марья Андреевна, которая сразу же ворвется к нему и с ехидством старой девы спросит: «А с кем, Сережа, ваша жена так мило беседует во дворе?»

Недолго думая, Надежда прыгнула в машину, и водитель тут же ударил по газам. Через пять минут они вылетели на трассу.

«Цветы — это хорошо, — размышляла пассажирка. — Что он бесплатно везет — тоже неплохо. Но как от него избавиться потом? Мой номер мобильного он знает. Где живу — знает. Через час будет знать, где я работаю. А вот это совершенно ни к чему, тем более что отношения с мужем наладились».

— Ну что? — спросил водитель. — Подумали над моим предложением.

— Каким? — прикинулась дурочкой пассажирка.

— Выйти за меня замуж.

Надежда залилась беззаботным смехом, в душе досадуя, что мужик привязался капитально. Послать сразу — не рационально. Они еще не доехали до Москвы. Всех рациональнее хихикать, кокетничать и переводить разговор на другие темы. Однако на другие темы переводить не получалось. Новый знакомый был весьма конкретным.

— К сожалению, я уже замужем, — приторно вздохнула Надя и томно понюхала хризантемы, которые ничем не пахли.

— Но вас муж не любит, — нахмурился водитель.

— Любит! — счастливо улыбнулась спутница.

— То есть, как? — удивился Александр. — Еще вчера не любил, а сегодня любит? Так не бывает.

— Откуда вам знать, как бывает? — спросила Надежда, едва сдерживая раздражение. — Вы что, истина в последней инстанции?

После этих слов некоторое время ехали молча. Водитель был сосредоточен, как будто что-то обдумывал. Молчаливая езда вполне устраивала пассажирку, тем более что Москва приближалась. В конце концов, водитель нарушил молчание.

— А вы любите мужа?

— Очень! — блаженно зажмурилась Надежда и подумала: «Вот привязался, козел!»

— А кроме мужа, кого-нибудь еще любили?

Улыбка моментально слетела с лица попутчицы. «Да какое твое собачье дело! — воскликнула она мысленно. — Что ты лезешь в чужую душу...»

7

Тогда, перед Новым годом, она думала, что умирает от любви к Курникову. В тот день после разгульной ночи он не в пример себе явился на лекции, сухо с ней поздоровался и сел в самом дальнем углу, не дрогнув ни единым мускулом на лице. В тот день Надежда была самой внимательной студенткой курса. Она не сводила с преподавателей глаз, ловя каждое их слово и скрупулезно конспектируя все, о чем говорилось. Но сумасшедший интерес к учебе был маскировкой,

отвлеченным маневром. Она чувствовала, как в дальнем углу тосковал Курников, который пусть изредка, но все-таки бросал на нее укоризненные взгляды. Это можно было только ощущать. От его взгляда по телу бежали мурашки, хотя она, конечно, не видела его глаз, да и не могла видеть, поскольку не смела повернуть голову. В тот день Сережа не явился на занятия. Но супругу это ничуть не расстроило. Наоборот, она даже возрадовалась, что его нет. В тот день муж как-то вообще ушел на задний план.

После лекций Наденька закинула тетради в рюкзак и собралась выбежать из университета, но ее задержал профорг, предложив стать снегурочкой на Университетском балу. Пришлось несколько минут отнекиваться и врать, что рада бы, да здоровье не позволяет.

— Да, действительно, глаза у тебя красные, — согласился профорг. — Это грипп. Ты себя побереги.

И не догадался профорг, что глаза у студентки красные вовсе не от гриппа, а от бессонной вакханалии. Словом, получилось так, что когда Надежда выскочила из ворот университета, то сразу наткнулась на машину Курникова, которую он только что завел. Обойти ее, не перекинувшись парой слов, было невозможно, повернуть назад — свинством высшей степени. Это была судьба.

— Опаздываешь в фирму? — высунулся из окна однокурсник. — Садись, подкину!

Лешкино предложение было настолько естественным, что Надежда не стала отказываться, хотя пахло дешевым театром. Только к чему ужимки, если Курников вправду хотел подвести?

Надежда с готовностью села на переднее сиденье, и они тронулись. Ехали молча, с серьезными лицами. Неизвестно, о чем думал водитель, но пассажирка думала о том, что когда они доедут до конторы, то ей придется собираться с силами, чтобы отлепиться от Курникова.

В какой-то момент им обоим сделалось душно. Это случилось, когда Надя взглянула на Лехину руку, переключившую скорость. Вчера это рука гладила ее тело. От этой мысли дыхание участилось. Сердце забилось так громко, что она напугалась, как бы Курников не услышал. А он, между тем, опустил стекло и провел ладонью по лбу. Мама родная! С ним творилось то же самое.

Когда они подъехали к центральному офису «Комус», Курников вклинился между двумя «фордами» и заглушил

мотор. Он повернул голову на попутчицу и порывисто вздохнул. Его взгляд был серьезным. Надежда смотрела на него и никак не могла найти в себе силы выйти из машины. Если бы он сказал какую-нибудь дежурную фразу, типа: «Ну вот мы и на месте», все было бы прекрасно. Она в ответ бы так же притворно хихикнула, типа: «Огромное спасибо, ты меня очень выручил». И тогда бы они расстались друзьями. Однако он молчал, потому что не имел привычки прикрываться дежурными фразами. «Если он сейчас меня не поцелует, я умру», — с отчаяньем подумала пассажирка.

Курников коснулся пальцами ее щеки, и она непроизвольно поцеловала его пальцы. Дальше произошло то, что так оба желали. Леша приблизил свои губы к ее губам, и Надежда куда-то уплыла. Спинки их кресел как-то естественно откинулись, одежда сделалась невыносимо тесной. У обоих вызывало нервозность, если какая-то пуговица не расстегивалась. Чья? Его ли, ее? Уже не имело значения. Надежда начала приходить в себя только после того, как почувствовала, что ее голая спина замерзает. Глаз открывать не хотелось, и не хотелось шевелиться, — настолько было хорошо. В груди покой и тепло, и даже остатки жара, поскольку ее упругие перси лежали на накаченной груди Курникова. Она сообразила, что расслабленно лежит на нем, а ноги продолжают крепко сжимать его бедра. Они оба голые, а снаружи ходят чужие люди.

Надежда подняла голову. Это не было сном. Они действительно голые, а снаружи действительно ходят люди, и некоторые сквозь стекло бросают на них не очень скромные взгляды.

— Ты что, замерзла? — очнулся Курников. — Сейчас я включу обогреватель.

— Подожди, давай еще полежим!

Странно, но Надежде совсем не было стыдно, что на них смотрят прохожие. Также она не боялась, что ее кто-нибудь узнает. Счастье не ведает стыда. Что касается мужа, то его в данный момент не существовало вовсе.

О нем она вспомнила только в одиннадцать вечера, когда собралась поехать в общежитие, — скорее, по привычке, нежели из чувства долга. Если бы в это время к офису подъехал Леха, она бы, не раздумывая, поехала к нему. Но он не заехал, потому что ему было некогда. Высадив пассажирку у «Комуса», он сразу умчался по делам. И Надежда знала, что

именно по делам, а не по игорным клубам хвастать партнерам о своей донжуанской победе.

Что в тот вечер она говорила мужу в общежитие, уже не вспомнить? Настолько это был невзрачный эпизод. Кажется, он пытался к ней пристать, но она строго его отшила, заявив, что от усталости ее сердце едва бьется. А была ли у них с мужем в период их угара с Курниковым постель вообще? Кажется, не было. А может, что-нибудь и было, но такое тусклое и невзрачное, что стыдно вспоминать. Муж как-то незаметно растворился, и где он был тогда? Одному богу известно!

После сумасшествия в машине Надежда каждый день встречалась с Курниковым. Это походило на удар молнии. Вот он, Леха, вот его губы, вот (уже более смутно) его мускулистая грудь, а дальше — угар. Зато свои пробуждения Надежда помнила очень четко, и каждый раз сомневалась, с ней ли это происходило? То они с Лешей очнутся на полу какого-то университетского кабинета среди разбросанной одежды, то на столе в лаборатории среди пробирок, то на каком-то ящике пыльного чердака, то на скамье холодной беседки. Любовь у него в квартире на скомканных простынях запомнилась куда меньше.

Однако все эти страсти закончились также внезапно, как начались. Надежда даже помнит дату, когда все это завершилось — пятнадцатого февраля. Это ее день рождения, а также день рождение мужа.

Сергей в то утро проснулся раньше ее и куда-то исчез. Затем внезапно внес в комнату музыкальный центр «Филипс».

— Это тебе! — произнес он с виноватой улыбкой. — Ты же мечтала послушать «Битлз» на хорошей аппаратуре. На этом компакт-диске все их альбомы. Бери! Теперь это твое.

— Боже? Ты купил? — вытаращила глаза Надежда. — На какие шиша?

Сережа махнул рукой, и его улыбка стала еще более виноватой.

— Ты думаешь, это дорого стоит? Всего две зарплаты дворника.

Надю словно прошла молния. Ее муж, пока она крутила ля-муры, втихомолку мел тротуары, чтобы купить ее мечту. Но самое ужасное, что она совершенно забыла про его день рождения и не приготовила никакого подарка.

Грешница ткнулась носом в мужнину грудь и горько рыдалась. Сергей так и не понял из-за чего.

В этот же день она позвонила Леше и сказала, что больше не будет с ним встречаться, поскольку это подло по отношению к Сереже. Курников ничего не ответил. Он молча опустил трубку, и больше никаких поползновений к своей однокурснице не делал. Возможно, если бы он был настойчив, их страсть имело бы продолжение. Но Курников оказался на редкость благородным.

Менее чем через месяц ненормальная любовь к нему прошла.

8

А, тем временем, пока наша замужняя героиня крутила роман с холостым однокурсником, в Ростове полным ходом шло расследование по серийным убийствам. Подозреваемым оказался тридцатитрехлетний житель Сыктывкара Геннадий Заточин. Однако пару слов о том, как его взяли. Он был задержан точно по той схеме, которую разработал следователь прокуратуры Николай Замятин.

Итак, вечером пятого января 1997 года оперуполномоченный под видом нового участкового позвонил в двадцать четвертую квартиру дома номер шесть по Молочному переулку. Открыла женщина лет тридцати, обрюзглого вида, с сонными пороссячьими глазками. Степанов деловито показал ей удостоверение и потребовал дать полную информацию о том, кто проживает в этой квартире?

— Мы с мужем, — равнодушно ответила женщина. — Но его сейчас нет дома.

— Вы здесь прописаны? — подозрительно сощурился опер.

— Кто же нас здесь пропишет? — нехотя ответила женщина, едва сдерживая зевок. — Квартиру снимаем.

— Можно взглянуть на ваши паспорта?

Женщина показала свой паспорт. Она оказалась жительницей Ростова. По поводу паспорта мужа, которого в процессе разговора дважды назвала сожителем, сказала, что понятия не имеет, где он его прячет. Однако заверила, что у него с пропиской все нормально.

Вот в эту минуту Степанову и померещилось, что на кухне звякнули посудой. «Ах, все-таки дома? — злорадно мелькну-

ло в голове. — Это наводило на определенные мысли. Ведь если совесть чиста, зачем скрывать, что дома?»

Степанов и глазом не повел. Наоборот расплылся в улыбке и извинился за беспокойство. Затем, словно о чем-то вспомнив, достал из кармана фоторобот и показал женщине.

— Посмотрите внимательно, случайно нигде не видели этого человека?

— Нет! — покачала головой женщина. — Никогда не видела.

В ее облике было столько равнодушия, что брала досада. Она даже не полюбопытствовала, за что разыскивается этот человек и сразу же, как только опер сделал под козырек, захлопнула дверь. «Просто динозавр, а не баба», — с досадой подумал Степанов, спускаясь по лестнице. Еще он подумал, что они ошиблись и зря поставили здесь засаду.

Однако по выходе из подъезда опер заметил, что окна на третьем этаже квартиры, в которой он только что был, потухли. «Ага, секут из окна! — воспрянул духом Степанов. — Значит, насторожились. Отлично!»

Опер сделал вид, что направляется в соседний подъезд, однако, не дойдя, озабоченно посмотрел на часы и остановился в раздумье. Почесав затылок, он махнул рукой и, развернувшись, быстрым шагом почесал прочь. Это был театр для тех, кто наблюдал за ним из дома. Завернув за угол, Степанов в одну минуту обежал переулок со стороны улицы и вновь вошел в него с противоположного конца, где в тени киоска под деревьями стояла темно-синяя «шестерка» с тонированными стеклами.

— Володя, мы не поняли твоего маневра. Поясни! — заржали в машине мужики.

— Сейчас поймете! — ответил опер, усаживаясь на заднее сиденье и вальяжно закуривая сигарету. — Посмотрите, свет опять включили.

Однако не успели коллеги приколоться по поводу включенного света, как ожившая рация сообщила, что стоящий на «прослушке» абонент только что позвонил кому-то на сотовый номер. Дословно он сказал следующее:

— По-моему, пора сваливать. Еду к тебе! Объясню на месте.

Кому он звонил: мужчине или женщине — не установлено. С другого конца ответа не последовало. Зато удалось засечь номер абонента, которому позвонил наблюдаемый.

Опергруппа насторожилась. И не напрасно. Через десять минут, из второго подъезда дома номер шесть вышел невысокий плотный человек в черном пальто. На его плече висела большая спортивная сумка. Он быстрым шагом направился к автобусной остановке. Стоящий за киоском «жигуль» с тонированными стеклами, не спеша, тронулся за ним.

Прохожий в черном пальто явно занервничал и ускорил шаг. На углу машина резко обогнала единственного прохожего и перекрыла дорогу. Из «шестерки» выскочило четверо молодых в гражданской одежде, которые, предъявив удостоверение, потребовали у прохожего паспорт.

— А в чем дело? — удивился он.

— Ничего страшного, — успокоил Степанов. — Плановая проверка.

Мужчина нехотя залез в карман и достал требуемый документ.

— Геннадий Заточин, — произнес вслух Степанов, сверив оригинал с фотографией. — 1964 года рождения. Прописочка, так-так, Сыктывкарская. Ага! Давно в Ростове?

— Ну, допустим, месяц, — неуверенно ответил мужчина.

— А почему не зарегистрированы? Разве вы не знаете, что по прибытии на место следует зарегистрироваться в течение трех дней. Пройдемте в машину!

— А что я сделал? — возмутился прохожий.

— Нарушили закон! Придется вам проехать с нами в участок.

Прохожего взяли под локотки и развернули к машине. Степанов пошел сзади. И как он только разглядел в темноте, что из-под полы задержанного соскользнуло что-то в сугроб.

— Стойте! — завопил Степанов. — Он скинул ствол!

Незарегистрированному немедленно заломили руки. Опер разгреб руками снег и счастливо улыбнулся. Это действительно был пистолет. Степанов осторожно взял его за ствол (итальянский, кажется, «беретта») и поднес к лицу задержанного.

— Ваше?

— Впервые вижу! — прохрипел задержанный.

Мужчину обыскали с включенной камерой. На его поясе вместо ремня висел патронташ с патронами от ПМ. Степанов вынул один и потребовал осветить фонариком. Гильза была обточена.

— Тоже не ваше? — ухмыльнулся он.

— Нет! — прохрипел задержанный в объектив камеры. — Я хочу сделать заявление! Они мне только что прицепили этот пояс.

Более наглого подозреваемого Замятин не видел за всю жизнь. Заточин отрицал все. Пистолет подкинули, патроны подкинули. На съемной квартире задержанного обнаружили тиски и напильник с металлической пылью, которые немедленно отправили на экспертизу. Но и тиски, по заявлению Заточина, ему тоже подкинули. Кроме тисков в квартире нашли ворох объявлений из газеты «Из рук в руки», а также нарисованные его рукой схемы подходов к домам.

— Почерк на объявлениях также не ваш? — скептически выгнул брови следователь.

— Не мой! — угрюмо ответил подозреваемый. — Объявления мне подкинули мусора. Я требую проведения экспертизы.

— Да проведем, проведем мы экспертизу, — вышел из себя Замятин. — А по поводу того, что вам все подкинули, не слишком ли много чести?

— Я требую прокурора! Меня при задержании били.

Во время опознания, как только в комнату ввели Светлану Лебедеву, она сразу уставилась на Заточина и от волнения затряслась:

— Это он, он! Я его узнала.

— Подстава! — завопил Заточин.

Сосед-компьютерщик тоже без раздумья указал на него. Словом, улики было предостаточно, однако наглец продолжал упорно отрицать вину и утверждать, что обвинение против него сфабриковали.

Сожительница Заточина призналась, что разносила по комиссионным магазинам электронику и фотоаппараты, которые приносил Геннадий неизвестно откуда. Откуда приносил, он не говорил, а ей поинтересоваться было невдомек. Из комиссионных магазинов были изъяты ноутбук «Сони» и несколько видеомagneтофонов. Их сдала на комиссию по своему паспорту сожительница Заточина. Однако ее соучастие доказать не удалось, и она проходила по делу как свидетель.

Следствие по этому делу было завершено в рекордно короткий срок. Пятнадцатого февраля (в этот день Надежда прервала отношения с Курниковым) его передали в суд. Все экспертизы были произведены, улики подтверждены. Следственному отделу прокуратуры больше нечего было доба-

вить. Вину Заточина практически доказали, так что пожизненный срок ему был обеспечен.

Но Замятин никак не мог отделаться от мысли, что у Заточина был соучастник. Его сожительница исключалась. Соучастник явно был мужчиной. Вполне вероятно, что за пятнадцать минут до задержания Заточин звонил на мобильник именно ему. Удалось определить не только номер, но и установить, на кого этот номер был оформлен. А оформлен он был на Сергея Якутова, того самого мужика, чей паспорт обнаружили в машине студента.

— Сдается мне, что его сообщник — тот самый командировочный мент, который хотел переночевать у Голубевой, — поделился со Степановым мыслями Замятин. — Помнишь, Володя, как его описала Настя: здоровый, щеки трясутся, роста приблизительно метр семьдесят, глаза голубые, стрижка короткая, под ежичка. На вид лет двадцать семь. При разговоре немного бубнит.

— Но ведь Настя не признала его по фотографии на паспорте Якутова, — поднял брови Степанов.

— Она не то, что не признала: она сказала: «может быть, он, а может, не он. Точно утверждать не могу». А что если, Володя, показать эту морду родственникам пострадавших? Ведь за несколько часов до прихода убийцы к ним ко всем приходил милиционер, якобы с целью выявления жильцов без регистрации. Но мне думается — с целью выяснения обстановки.

9

Соучастника Заточина установить не удалось, хотя он был. И был совершенно точно. Во время судебного заседания с присяжными обоим свидетелям, Лебедевой и Павлову, грозили по телефону. Грозил грубый мужской голос. Советовал отказаться от свидетельских показаний, в противном случае обещал расправой. Вдову Лебедева это не напугало, и вот компьютерщик хоть и не отказался от показаний, однако на судебное заседание не явился.

Подсудимый на суде вел себя нагло. По-прежнему все отрицал и в упор не узнавал вдову убитого Лебедева. Заточин не вызывал симпатии не только у присяжных, но и у собственного адвоката. Это чувствовалось по тому, как вяло и неохотно защищал он подсудимого. Кульминационным мо-

ментом на суде стало прослушивание пленки, на которой была запись переговоров Лебедева с продавцом ноутбука. Выстрелы и голос жертвы с пятью пулями в теле, произвели на присяжных впечатление. От них, несмотря на молчание, повеяло праведным негодованием к подсудимому.

Судебный процесс закончился также в рекордно короткий срок, как и следствие. Двадцать второго марта присяжные вынесли вердикт «виновен», и в этот же день судья огласил наказание. Геннадия Заточина приговорили к пожизненному сроку в колонии особого режима.

Однако, несмотря на то, что серийный убийца был изобличен и наказан, Степанов по приказу Замятина продолжал искать соучастника. Ни один из свидетелей, видевших милиционера, не мог сказать точно тот ли это человек, чье фото вклеено в паспорт Якутова? Все отвечали так же, как Настя Петухова: вроде похож, но на сто процентов гарантировать нельзя. И тут Замятина осенило.

— У некоторых преступников есть такой бзик — представляться сотрудниками милиции. Подними-ка, Володя, архивы! Может, что-нибудь найдешь. Не найдешь — черт с ним! Закончим. Зато совесть будет чиста.

Три дня Степанов честно шелестел страницами в центральном архиве городского управления внутренних дел, не веря, что сможет отыскать что-то путное. Однако на четвертый день утром он открыл очередную папку и не поверил собственным глазам. На него смотрела та же самая физиономия, что была вклеена в паспорт Якутова.

— Есть! — хлопнул себя по лбу опер и погрузился в материал.

Чем больше он вчитывался, тем больше поражался проницательности шефа. «Александр Дубинин, 1970 года рождения, уроженец Ростова. В 1989 году осужден по двум статьям: попытка изнасилования и подделка документов». Оказывается, он подделал корочки сотрудника милиции. Вот мерзавец! Но если бы только корочки. Его задержали в милицейской форме при попытке изнасилования несовершеннолетней. М-да, фрукт.

В этот же день все данные о Дубинине оказались на столе у следователя. Оказывается он вышел по амнистии в 1992 году. Сразу поступил на работу в частный автосервис «Рено» мойщиком машин, где работает по сегодняшний день, но уже менеджером.

Прокурор долго не подписывал санкцию на его задержание, аргументирую, что никакими уликами следствие не располагает. Однако кое-чем Замятин располагал: он незаметно показал Дубинина Насте, и та подтвердила, что это тот самый командировочный РОБОПовец.

В этот же день менеджера автосалона «Рено» задержали и доставили в прокуратуру. При обыске у него действительно обнаружили удостоверение сотрудника РОБОПа. Но Замятин рано радовался. Больше ничего, кроме подделки удостоверения, ему инкриминировать не удалось. От знакомства с Заточинным он отрешивался, по поводу своей фотографии в паспорте Якунина пожимал плечами, свидетели сомневались, что это именно он ходил под видом участкового, хотя и был похож. В завершение, Настя неожиданно отказалась от своих показаний.

— Как же так? — возмущался Замятин. — Он тебя запугал? Говори, не бойся!

— Да никто меня не запугивал, — пожимала плечами Настя, глядя в пол, — просто, когда мы смотрели на него в бинокль, мне показалось что это он, а сейчас вижу, что просто похожий.

— Но твои показания в протоколе совпадают: рост, цвет глаз, при разговоре немного бубнит.

— Мне кажется, тот при разговоре бубнил больше...

Ничего не оставалось, как через двое суток отпустить Дубинина по подписке. Можно было оформить ему арест, но уже не имело смысла. К тому же Замятин надеялся, что он пустится в бега, и тем самым себя выдаст. Но Дубинин не пустился в бега. Он педантично отмечался в милиции и по первому зову являлся в прокуратуру для дачи показаний.

Когда суд присудил Дубинину полтора года химии, не взяв во внимание повторное преступление по этой же статье, Замятин от досады отправился в ресторан и напился.

— Когда-нибудь в этом мире будет справедливость? — воскликнул он перед тем, как хлопнуть первую рюмку.

Он бы очень удивился, если бы услышал, что в это время за тысячи километров от Ростова в Подмосковном городишке Сергиев Посад сидящий в коляске инвалид задумчиво произнес, будто услышав его возглас:

— Всеу мое время. В том числе и справедливости.

Инвалид взял в руки фигуру и задумчиво закусил губу. Мать с готовностью протянула руки.

— Давай его тоже уберем в шкаф. Не нравится он мне.

— Почему не нравится? — спросил инвалид, не отрывая от фигуры взгляда.

— Какой-то он обычный, неяркий, ограниченный. Так, ни рыба, ни мясо.

— Ты права, мама, — тяжело вздохнул сын, — именно таким я его и задумывал. Но ирония заключается в том, что творцы испытывают особое наслаждение, когда вверяют в руки серости ключевые повороты судьбы.

— Ну какие ключевые повороты, Гена, если он и простых вещей увидеть не может, — покачала головой мать.

— Верно, не может, — удивился инвалид. — А сделаю-ка я ему товарища. Для поддержки, так сказать, штанов. Только нет, не сейчас. Потом! А сейчас переставь вон того благородного чувачка на другую полку.

Инвалид указал пальцем на фигуру, стоящую между женой и невестой. Мать просияла. Она метнулась к полке, схватила чеканку из фольги и незаметно для сына приблизилась невесту к жениху. Сын заметил это, но ничего не сказал.

— Куда его поставить? — спросила мать.

— Куда хочешь, — ответил он.

10

За квартал до офиса «Комус» Надежда попросила остановить машину. Она не хотела, чтобы новый знакомый видел здание, в котором она работает. Последние километры пути были наиболее тягостными. Водитель внезапно начал жаловаться на свое одиночество.

— С бабами не везет, — вздыхал он тяжело. — Не понимают меня бабы и не любят. Меня вообще никто не любил: ни мать, ни отец. Отец у меня здорово закладывал. Как напивался, начинал нас с матерью гонять. Однажды он схватил топор и пошел на меня. Мне было десять. Мать закричала: «Беги, зарубит!» Я убежал. Если бы не убежал, то меня бы сейчас не было. Я неделю ночевал в поле. Боялся вернуться домой. За что он меня так ненавидел, не знаю.

Внутри у пассажирки дрогнуло. Она украдкой скосила глаза на водителя. Он был угрюм. «На жалость бьет, козел!» — подумала Надя, и к горлу подкатил ком.

— И жена меня ненавидела, — продолжал водитель. — Просто кипятком ссала, когда я приходил с работы. Почему?

Я не пьющий, не курящий. Зарплату отдавал всю, до рубля. Если так человека ненавидишь, зачем выходишь замуж? Причем, со всеми моими друзьями-пьянчужками она была любезна. Я же в ее глазах — был хуже любой собаки. И моему сыну она привила такую же ненависть ко мне.

— Сколько лет вашему сыну? — поинтересовалась Надежда.

— Уже восемь, — скривился водитель. — Мы не живем больше трех лет. У меня был единственный друг, с которым можно было поговорить по душам. У него похожая история. Так вот, его уже нет.

— Умер? — спросила Надежда.

— Погиб при исполнении служебного долга.

После унылого молчания, Надежда попросила остановиться. До офиса пилить еще две остановки, ну да ничего — время располагает. Она благодарно улыбнулась, взяла в руки цветы и вышла.

— Я могу надеяться на вашу дружбу? — неприятно оскалился водитель.

— Извините, Саша, но я замужем, — вежливо, но жестко ответила Надежда. — Так что прощайте! Я думаю, вы еще встретите ту, которая будет вас понимать.

Надежда развернулась и поцокола по тротуару.

— А можно я вам позвоню? — крикнул вслед водитель.

— Не стоит, — бросила через плечо женщина.

«Вот послал бог кадра, — рассмеялась про себя женщина. — Причем тогда, когда с мужем все наладилось. Дай Бог, чтобы у нас с Сережей снова было как прежде».

А ведь счастье было! С того самого дня, когда Сергей подарил Надежде музыкальный центр, между молодыми супругами снова наладились отношения. Сергей в своей жене души не чаял, она отвечала ему взаимностью. Единственно, что омрачало его жизнь, это ревность к Курникову.

О том, что Сергей видел свою жену с Лехой в ресторане на Тверской, он никому не рассказывал. Во-первых, потому, что было стыдно, во-вторых, он считал, что жена заслужила вечер в ресторане. И не ее вина, что муж не может предоставить ей такого праздника. Обида, конечно, была. Однако обида на судьбу, а не на жену. А то, что Надя за ужин в ресторане могла переспать с Курниковым, в это Сергей не верил. По великой любви — возможно. Но за какой-то ужин — никогда. Надя — женщина высокого полета.

В большую любовь жены к Курникову Сергей тоже не верил, поэтому на этот счет был спокоен, но все равно ревновал. На всякий пожарный. Однако к концу февраля и эта ревность исчезла. К этому времени Леха совсем перестал посещать университет. Его можно было увидеть только на экзаменах и зачетах. Затем он снова надолго исчезал.

Молодые супруги Аресовы продолжали жить в общежитие, но уже не из бедности, а из экономии. Надежда делала на работе успехи. Теперь ей платили пятьсот долларов. Серега продолжал работать дворником. В марте он взял два участка и, тем самым, зарабатывал более двухсот долларов. На первых порах было неплохо. Они подкопили денег на лето, и два месяца провели в Крыму.

К пятому курсу молодые супруги сняли квартиру в Медведково. Сережа больше не мог мести тротуары. Он задался целью стать настоящим мужчиной, как Курников. Ну, может быть, не как Курников, однако, — зарабатывать больше жены. Это желание затмило даже гордость. Вот почему он позвонил Лехе со своим опоздавшим согласием.

Для однокурсника Серегин звонок явился неожиданно. Он долго молчал в трубку, затем очень неохотно пояснил:

— Старик, раньше нужно было думать. На комбинат школьного питания у меня уже есть человек...

— Вот блин! Значит, никакой работы для меня нет? — с досадой спросил Сергей.

После тяжелой паузы Курников ответил:

— Мой знакомый в Зеленограде открыл ресторан. Он ищет бармена на зарплату не более пятисот баксов. Хочешь, поговорю?

— Поговори! — обрадовался Сергей, соображая, что это не совсем по его специальности. Однако пока учишься — перебиться можно.

Курников не любил бросать слов на ветер. В этот же день он переговорил со знакомым и через час сообщил, что директор его ждет на собеседование. Так Сергей и стал барменом. Работа не пыльная, не сложная и не сказать, чтобы постыдная. Нормальная работа для студента. Даже прикормная.

Когда Надежда узнала, что ее муж бармен, то долго хохотала. В этот Зеленоградский ресторан «Робинзон» ездил весь курс, чтобы поглазеть, как Аресов смотрит за стойкой. Все единодушно соглашались, что Сергей будто для этого и

родился: стройный, обаятельный, симпатичный. Единственное неудобство: долго добираться до университета. Хотя не намного дольше, чем из Медведково.

Молодая семья подумала и решила снять квартиру в Зеленограде, поближе к Сережиной работе. К этому времени Наденька уже была в положении, и ей было без разницы, где сидеть в декрете. Стратегия была выбрана правильна. Через год, в 1998 году в семье Аресовых родился сын Алешка. В том же году юная мама с отличием защитилась, а вот Сергею пришлось бросить университет, точнее — уйти в академический отпуск. Временно, до того момента, как Надежда снова станет работоспособной. Однако временное часто становится постоянным. В начале июня 2000 года, когда Надежда снова вышла на работу, определив двухлетнего Алешку в садик, семья Аресовых в очередной раз подверглась серьезным испытаниям.

11

Это произошло в июне 2000 года. К Сережиной барменской стойке с пустым подносом подвалил тридцатилетний официант Стас. Он хитро подмигнул и, по шпионски пригнув голову, произнес полушепотом:

— Слушай, Серега! Здесь неподалеку сдают однокомнатную квартиру за сто баксов. Давай снимем напополам!

— Зачем? — удивился Сергей. — У нас пока с женой вопрос не стоит.

Стас закатился гомерическим хохотом.

— Я предлагаю тебе снять со мной, а не с женой, — продолжал ржать Стас. — Пятьдесят баксов ты, пятьдесят я. По четным квартира моя, по нечетным твоя. Допер?

— А зачем она мне? — насторожился Серега.

— Как зачем? Баб водить. Ты где встречаешься с любовницей?

— У меня нет любовницы, — чистосердечно признался Сергей.

Стас внимательно взгляделся в лицо коллеги и пошел прочь, задумчиво бормоча:

— Надо же, как запущено.

Он преспокойно удалился, а у Сереги засосало под ложечкой. Сразу вспомнилась Наталица, ее горячие губы и упругие груди, сумасшедшие стоны и вечный туман в голове...

Блин! Пятьдесят долларов — это не так уж и много. Заначить их из семейного бюджета не представит большого труда. Вся беда в том, что Наталицы давно нет, и разыскать ее уже не реально.

Весь оставшийся вечер Серега был задумчив. Он перебирал в памяти всех, кого можно привести в ту квартиру, за которую он уже мысленно отдал пятьдесят долларов. Из бывшего курса, разумеется, — никого. Девчонок на всем потоке было не больше десятка, и все они считали их брак с Надеждой идеальным. Не стоит разрушать их иллюзии.

«Может быть, познакомиться с кем-то из посетителей?» — мелькнула ценная мысль. Однако одиноких девчонок в «Робинзон» заходило мало. В основном, с парнями, а чаще — с клиентами. Из них красивой — ни одной. А будущая любовница должна быть непременно красивее жены, иначе, какой смысл? «Хотя нет, — соображал Сергей. — Наталица была намного некрасивее, но в ней было что-то такое, от чего чистая красота Наденьки просто меркла...»

На этих размышлениях к стойке подошла администраторша Сюзанна. Серега не раз замечал, что у этой сорокалетней женщины при виде него глаза блестят каким-то особенным блеском, можно сказать, почти таким же, как у Наталицы. Хотя, конечно, нет. У Наталицы глаза лихорадочные, а у Сюзанны спокойные и обволакивающие. Она была очень даже ничего: роскошные зеленые глаза, чувственные губы бантиком, легкомысленно вздернутый носик...

Да какие к черту глаза, какие к черту губы, какой носик? У нее была такая высокая грудь, что если пристально на нее смотреть, начинало учащаться дыхание и мутиться в голове. А когда она надевала декольте, Серега вообще отворачивался, потому что знал, что любой случайный взгляд в радиусе трех метров от нее, неизбежно попадал на ее сверкающие прелести. Больше всего Серега любил, когда Сюзанна приходил в черном бархатном платье, обтягивающем ее обалденную фигуру. Тогда она походила на пантеру: такая же тонкая и изящная с круглой, точно перевернутая лампочка, попкой.

Да, Сюзанна была лакомым кусочком. Серега об этом думал, но как-то схематично, зная точно, что ему, молодому щенку, претендовать на нее — кишка тонка. К тому же, несмотря на соблазнительный вид, Сюзанна была женщиной строгих правил. К ней многие подкатывали, в том числе и

такой опытный бабник, как Стас, но никто не добился благо-склонности.

В тот вечер, огорошенный предложением Стаса, Сергей взглянул на Сюзанну другими глазами. Поскольку она встала к стойке спиной, бармен впервые за три года работы позволил себе осмотреть ее с ног до головы, и во все глаза, а не украдкой.

Ее темные, густые локоны, вырвавшиеся из-под заколки, красиво ниспадали на белые плечи. В проеме платья сверкала черная ляжка бюстгальтера, которая очень волнующе врезалась в пухлое плечо. Рядом с ляжкой красовалась весьма милая ямочка. Сюзанна, болтая о чем-то с официанткой, повернулась в пол-оборота, и тут Сергей на всю катушку мог насладиться лицезрением ее завораживающей груди. От этого зрелища перехватило дух и зашевелилось в штанах. Сюзанна внезапно повернула голову и перехватила взгляд сотрудника. Глаза Сережи забегали, как у пойманного за руку вора. Он почувствовал, что его лицо залила пунцовая краска стыда.

Взгляд Сюзанны был продолжительным и строгим. Даже если бы Сережа не смотрел на ее грудь, а имел чистые помыслы к начальнице, все равно бы ее взгляда он не выдержал. Она отошла, так и не произнеся ни слова. Парень грустно посмотрел ей вслед и подумал, что у него ничего не получится. В это время мимо проходил Стас. Серега его окликнул.

— Я согласен! — произнес он с тяжелым вздохом. — Готов отдать деньги хоть сейчас. Когда дашь ключи?

— Вот это деловой подход! — оживился Стас. — А то, любовницы нет. Кому ты свистишь? — Бегающие глаза Стаса остановились на Сюзанне и нечисто залоснились. — Сюзанка после развода стала еще краше. С ней бы я... не раздумывая...

— Она развелась? — не поверил ушам Сергей.

— Еще месяц назад.

Это, видимо, была судьба. «Теперь она не замужняя женщина. Теперь она женщина свободная», — лихорадочно сообщал Сергей. Однако он, как был щенком, так им и остался. Хотя двадцать пять лет — уже не юношеский возраст.

После этого вечера Сергей будто заболел. Он обнимал жену, а ему грезилась Сюзанна. Он смотрел телевизор, но в каждой красивой актрисе видел администраторшу. А ночью она ему приснилась в виде античной богини: грациозная, не-

доступная с высокой шишкой на голове и пурпуровой тоге. Она стояла на скале перед простирающимся морем. В одной руке у нее был меч, в другой — золотой шлем с перьями. А на лице холодная улыбка.

— Нет, дорогая подружка! Так дело не пойдет, — говорила Сюзанна. — Ты подкупила Париса. Но вездесудить нельзя.

Странно, но сновидящаяся в ту ночь белиберда, оставила очень сильное впечатление. Когда Сергей проснулся, в ушах еще с минуту слышался шелест волн. Волны слышались так натурально, что бедняга заткнул уши. А Надя с Алешкой в это время умывались в ванной. Когда они вошли в комнату, Сергей спросил:

— Надьк, а кто такой Парис?

— Парис? — удивилась жена. — Какие странные вопросы ты задаешь с утра. Это из древнегреческой мифологии. Парис простой пастух, по-моему, какой-то отверженный сын Троянского царя. К нему обратились три богини, чтобы он рассудил, кто из них краше. Той, которая краше, он должен был отдать золотое яблоко. Афродита подговорила Париса, чтобы он отдал яблоко ей. За это пообещала ему Елену Прекрасную, которая была замужем за Спартанским царем.

— Вот стерва! — усмехнулся Сергей и повернулся на другой бок. — Оказывается, и среди Богов существует коррупция.

— Выходит, что так, — засмеялась Надежда, облачая Алешку в рубашку. — Только, на мой взгляд, Афина — большая стерва. Это она науськала Спартанского царя Менелая пойти войной на Троию. А достанься яблоко ей, человечество избежало бы кровопролитной войны. Вот к каким трагичным последствиям приводит мелочная зависть. Вывод: будь терпимей к слабостям ближнего.

Надежда торопливо чмокнула мужа, Алешка помахал ручкой, и они пошли.

— Не забудь в шесть забрать сына из детсада, — напомнила жена перед тем, как хлопнуть дверью. — Учти! Забрать некому. Бабушка уехала в Сергиев Посад.

12

Но вот уж воистину не знаешь, как повернет судьба? В тот день нашему герою так и не пришлось забрать сына из дет-

сада. Воспитательница, прождав до восьми, не вынесла ожидания и сама повела мальчика к родителям, поскольку их дом находился через дорогу. Дверь открыла Мария Андреевна. При виде Алешки она всплеснула руками.

— Ой, бабушка не забрала, Боже ты мой!

— А сегодня должен забрать папа, а не бабушка, — пояснила воспитательница. — Ведь у него сегодня выходной, не так ли? Папа, вероятно, забыл?

— Так его с утра срочно вызвали на работу, — вспомнила хозяйка. — И мне он ничего сказал. Наверное, думал, что до пяти вернется. Ну ладно, чего гадать? Оставьте Алешку мне, сейчас уже Надя должна прийти.

Это была правда. Сергея утром действительно вызвали на работу. Он еще нежился в постели, когда раздался телефонный звонок. Наш герой лениво выполз из кровати, нехотя поднял трубку и не поверил ушам: звонила Сюзанна.

— Сережа, понимаю, что у тебя выходной, но твой напарник заболел. Мы сегодня запланировали поехать с ним в Москву за напитками для бара, так что придется поехать тебе. Извини! Выходной отгуляешь на следующей неделе.

— Сейчас приду! — сглотнул слюну Сергей.

Он водворил на место трубку и начал бешено одеваться. В коридоре столкнулся с хозяйкой. На ходу бросил, что срочно вызывают на работу. Про Алешку, разумеется, забыл. Было не до Алешки.

Десятью минутами позже он уже был в ресторане. Во дворе стояли две машины: «девятка» и «газель». «Газель», судя по всему, предназначалась для него. Однако он ошибся. При виде бармена Сюзанна крикнула водителю грузовика:

— Поедешь за нами.

Она села на переднее сиденье «девятки» и жестом указала Сергею на заднее сиденье. Сюзанна была в черной облегающей футболке с широким вырезом и в светлой шелковой юбке, настолько тонкой, что сквозь нее просвечивали трусики. Трусики — одно название: впереди кружевной треугольник, сзади тонкая ляжка. Дышать стало трудно.

Всю дорогу Серега не сводил глаз с черной лямки бюстгалтера, выглядывающей из-под футболки Сюзанны. Сквозь нее страдалец определил, что у бюстгалтера пластмассовая застежка, которая расстегивается одним щелчком. Более того, ее можно отщелкнуть, даже не залезая под футболку. С крючками сложнее. Их уже небрежным движением

пальцев не расцепишь. Но ирония заключалась в том, что никаких предпосылок к демонстрации мастерства в расстегивании лифов не было.

Покачивающийся на заднем сиденье Сережа замечал, что Сюзанна тоже украдкой поглядывает на него в зеркальце. Пассажира это смущало, и краска непрошено заливала скулы. Сергей принимался обмахиваться папкой с документами, делая вид, что страдает от жары.

Через час они прибыли на склад. На складе было хорошо: сумрачно и прохладно. Заведующая сказала, что ей нужно отлучиться по делам. Она спросила, не будут ли они возражать, если она их на полчаса запрет. Зюзана ответила, что не будут.

Покупатели остались одни. Зюзана с папкой ходила от полки к полке, тыча пальцем в напитки и поясняя, сколько нужно взять. Серега ходил за ней, с готовностью снимал бутылки и клал в картонный ящик. Во время этой процедуры Зюзана стояла спиной, а Сережа находился в непосредственной близости. Он вдыхал ее запах, и у него все больше перехватывало дыхание. Его голос сделался настолько хриплым и чужим, что он решил больше не отвечать ей. Сюзанна же, делала вид, что не замечает, что творится за спиной с ее работником. У одной полке она замерла, уставясь на бутылки.

— Так! Кубинский ром. Брать или не брать?

Сергей подошел сзади и встал настолько близко, что случайно коснулся рукой ее бедра. Столь мягких и волнующих бедер его рука еще не ощущала. Дыхание перехватило, сердце остановилось. Вот ее выбившиеся из-под заколки локоны, вот ее шея, белые плечи с черной лямкой бюстгалтера, вот ее грудь. Все рядом. Бери и владей! Серега больше не мог совладать с собой. Сам не понимая как, он обнял ее сзади, уложив в ладони ее божественные перси. И надо отметить, они уложились в ладони как родные. Сознание куда-то поплыло.

Сюзанна удивленно повернула голову и произнесла строгим голосом:

— Это что значит?

— Прости! У меня заклинило, — растерянно пробормотал Сергей, опуская руки.

Начальница едва усмехнулась и снова уставилась на бутылки, задумчиво покусывая колпачок ручки.

— Нет, все-таки кубинский ром мало пьют, хотя вещь неплохая.

Стоять сзади такой женщины с изуверским набатом в груди было невыносимо. Серега снова обнял ее. На этот раз, крепче прежнего и начал бешено осыпать ее шею поцелуями.

— Сережа, держи себя в руках, — раздался ее спокойный голос.

Но это уже было невозможно. Он развернул ее и жадно впился в губы. В голове так шумело, что домогатель не вполне помнил, как умудрился задрать ее футболку и расстегнуть бюстгальтер. Однако вволю помять ее роскошные груди не удалось. Снаружи заскрежетал ключ. Сюзанна молча оттолкнула сосунку и неспешно заправила футболку под юбку. Когда дверь распахнулась, футболка была на месте, и волосы приглажены. Ничто не выдавало того, что на женщину только что посягали. Только если внимательно приглядеться, можно было увидеть, что под футболкой как-то странно топорщится лиф. Это и понятно. Он был расстегнут.

— Ну, в общем-то, мы выбрали, — сказала Сюзанна заведующей склада. — Пойду схожу за грузчиками.

Когда она вернулась с обоими водителями, Серега разглядел сквозь футболку, что с лифчиком все нормально. Только после этого он вздохнул с облегчением.

За все время обратного пути, Сюзанна не обмолвилось с ним ни словом. Она болтала с водителем, смеялась, но не бросила ни единого взгляда в зеркальце. Серега был печален и угрюм. Он чувствовал себя виноватым, но почему-то знал, что еще не окончательно отшит.

Когда они возвратились в ресторан и Сергей встал за стойку, откуда ни возьмись вынырнул сияющий Стас и, вытащив из кармана ключ, хитро подмигнул:

— Гони, Серый, пятьдесят баксов!

13

Когда Наденька с букетом белых хризантем вбежала в офис, на часах было ровно девять. Более получаса пришлось бедной женщине кружить вокруг, да около, чтобы замести следы. Кавалер оказался на редкость липучим. На полпути он догнал ее на машине и настоял, чтобы она запи-

сала его номер мобильного в память телефона, поскольку бумажки и визитки имеют свойства теряться.

Пришлось достать телефон и записать его номер на имя «Саша-мент». Затем кавалеру взбрело в голову проверить связь, и они еще минут пять звонили с телефона на телефон. После чего Надежда, взглянув на часы, сказала, что опаздывает, и вбежала в первое попавшееся здание, чтобы, наконец, от него отвязаться. Из окна она видела, что Александр подъехал к зданию, вышел из машины и долго разглядывал таблички с названиями контор, которые находились по обе стороны дверей.

«Вот идиот, — негодовала про себя Надежда. — Ему, видимо, делать нечего? Ехал бы разыскивать преступников».

Разумеется, она, затаившаяся в вестибюле чужого офиса, капитально нарисовалась, тем более что в руках был этот дурацкий венчик из хризантем. Но все когда-то кончается. Кавалер через некоторое время возвратился в машину и укатил. Только после этого Надя вздохнула свободно и отправилась на работу. Примчалась вовремя. Клиента еще не было, хотя он обещал быть в девять, как штык. Женщина успела сноситься с трехлитровой банкой в туалет, чтобы поставить в нее цветы.

— Ого! — воскликнула двадцатилетняя Жанка. — Это кто тебе подарил? Неужели муж?

— Дождешься от мужа, — засмеялась Надя. — Кавалер один увязался. Требуется, чтобы я за него вышла замуж. Не знаю, как от него избавиться. Хочешь, с тобой познакомлю?

— Он на колесах? — деловито осведомилась Жанна.

— А на чем я, по-твоему, сюда приехала?

— Тогда зачем избавляться? Ты ведь все равно разводишься.

— Ни за что! — тряхнула головой Надя. — Мы с Сережей будем жить долго и счастливо. И умрем в один день...

Однако тот, с кем наша героиня собралась умереть в один день, в данную минуту лежал в постели и не сводил глаз с часов. Ровно в девять его сердце забилось чаще. Он дал минутной стрелке сделать еще один круг и сорвал с аппарата трубку. Набрал номер, Сергей услышал голос, от которого у него разливалась истома по всему телу.

— Я же тебя предупреждала, чтобы ты звонил после девяти, — произнесла на том конце женщина. — Учти, у нас телефон с определителем. Муж сейчас спрашивал, кто мне

звонил из Москвы и бросил трубку? Я сказала, что ошиблись номером.

— Извини, так получилось, — виновато пробормотал Сергей. — Как там, в Питере? Нормально? Когда возвратишься в Москву?

— Уже соскучился, — засмеялась женщина. — Вернусь через две недели.

— Как через две? — приуныл Сергей. — Ты же обещала оставить мужа в Питере и через три дня вернуться в Москву.

— Вряд ли это возможно.

— Слушай, но ведь мы договорились, что ты уйдешь от мужа, а я — от жены. Я не понимаю, чего ты тянешь? Ты же хотела от меня родить ребенка.

— Ой, давай отложим этот разговор.

— Опять отложим! Ты не уходишь, потому что у меня нет квартиры? Не волнуйся! К весне Надька купит двухкомнатную квартиру в Москве. Мы ее разменяем.

— Сережа все! Потом поговорим. Ко мне в номер кто-то стучится. Целую!

Раздались короткие гудки. Сережа водворил трубку на место и отвалился на спину. «Много ли дураку надо? — подумал он. — Услышал голос любимой женщины и успокоился».

Сережа зажмурил глаза и сладко потянулся. Блин! Две недели без Сюзанны. Это немислимо!

Вот уже три года как длится это сумасшествие. Их ненормальная страсть не ослабевает и не приедается. Три года они, как дикие звери, не могут насытиться друг другом. За это время было все: счастье, страдания, слезы, отчаянья, измены, замужество Сюзанны и даже попытка самоубийства. Но сладкие мгновения свиданий на конспиративной квартире в доме № 1111 покрывали все. Сергей при желании мог вспомнить каждую их встречу, настолько они были неповторимыми и настолько не вписывались в привычный постельный уклад, как у них с Наденькой. Но больше всего он любил вспоминать, как соблазнил Сюзанну в первый раз. Произошло это через полчаса, после того, как они вернулись с напитками из Москвы.

Ящички со спиртным были разгружены и водители отпущены на обед. Сюзанна бросила бармену, что он тоже свободен, и направилась к себе в кабинет. Оба повара куда-то отлучились, официанты еще не пришли. После того, как двери за шоферами захлопнулись, Сережу охватила дрожь. По

роковому стечению обстоятельств они с Сюзанной снова остались одни. На этот раз — в ресторане. Впрочем, к роковым стечениям обстоятельств автор данного повествования относится скептически. Кому как не ему знать, что вчера вечером инвалид из Сергиева Посада закончил очередную фигуру из фольги. Это была голая женская фигура с тонкой талией, пышной грудью и высокой шишкой из волос в греческом стиле. В одной руке она держала длинный троянский меч, в другой — только что сброшенную с плеч тогу. Когда мать взглянула на новое творение сына, ее глаза наполнились слезами.

— Боже, как похожа, — прошептала она. — Это настоящее произведение искусств.

— Я знаю, мама, — мрачно ответил инвалид. — Поставь ее на полку между женихом и невестой.

— Что? — всплеснула руками женщина. — Так значит, ты ее замыслил на роль роковой женщины.

— Брось мама! — зло рассмеялся инвалид. — Ты же знаешь, что роковых женщин не бывают. Есть только неправильная реакция на нетерпимость. Будь терпим к ближнему, не отвечай на зло тем же, и не будет роковых стечений обстоятельств...

Однако вернемся к нашим героям. Когда Сергей почувствовал, что они остались с Сюзанной одни, он на цыпочках проследовал к входной двери и дрожащими пальцами защелкнул замок. После этого отправился на кухню, где имелась еще одна дверь. Убедившись, что она на крючке, он бесшумно прокрался в подсобку, где размещались кабинеты начальства. Дверь в комнату Сюзанны была приоткрыта. Сергей заглянул. Сюзанна сидела за столом спиной к двери и перебирала какие-то бумаги. Ее спина слегка подрагивала, когда она переворачивала страницы. С сильно бьющимся сердцем Серега переступил порог комнаты, тихо приблизился и робко положил руки на ее плечи. Она, нисколько не удивившись, подняла глаза.

— Ты не ушел домой?

— Я не могу! — выдавил из себя Сережа и, неловко сдавив ее грудь, принялся целовать во все места.

— Ты с ума сошел! Здесь люди ходят! — прошептала она.

— Все ушли! В ресторане никого! Двери заперты, — задохнулся Сережа.

Руки уже залезли под футболку и шарили по спине в поисках застёжки. Сюзанна отбивалась. Но как-то вяло. Она

требовала, чтобы он прекратил. Но как-то неубедительно. Сорвав с нее футболку и бюстгальтер, Сережа упал на колени и уткнулся лицом в ее мягкие груди. Она слабо попыталась оторвать его, но не смогла. Затем начала сама прижимать его голову к себе. В конце концов, томный стон вырвался из ее груди. Терпения уже не было. Любовник залез под юбку и вцепился в ее трусики. Она резко оттолкнула его, поднялась и захлопнула дверь. Затем повернулась и закрыла глаза. Она стояла, прислонившись к двери, не стесняясь своей наготы, тяжело дышала и ждала, когда подчиненный продолжит. Последний не заставил себя долго ждать. В следующее мгновение их объятия слились, дыхания перемешались. Одежда полетела на пол. Сюзанна сама легла на стол, обвив ногами голые бедра Сережи.

Когда все завершилось, лежащая на столе Сюзанна внешне призналась, что хотела этого давно, с того самого дня, когда он впервые появился у них, в «Робинзоне». Сережа в ту минуту подумал, что вот уж воистину не ведаешь, где потеряешь, а где найдешь.

14

После этого они начали встречаться в той самой квартире, которую Сергей снял наполоам со Стасом. Встречались регулярно, если не два, то раз в неделю обязательно. Свидание в основном происходили днем, когда у Сережи был выходной. Он преспокойно приходил на эту квартиру с бутылкой вина, неторопливо откупоривал и звонил Сюзанне на работу. Она прибежала в обеденный перерыв. Все происходило быстро и бурно. Разумеется, об их отношениях никто не знал — ни в ресторане, ни в этом доме, поскольку на третий этаж этой квартиры можно было попасть, минуя консьержку, по лестнице, ведущую на лоджии. Даже Стас не знал, с кем встречается его коллега по тайной квартире дома № 1111. Впрочем, Сергей тоже не знал, с кем встречался Стас, и, честно говоря, не особенно интересовался. Ключ ежедневно переходил из рук в руки, и никаких проблем с этим не возникало.

Надя тоже, разумеется, не знала. Она даже не догадывалась о тайной жизни дорогого мужа, хотя интим у них стал реже. Чтобы жена ничего не заподозрила, Сергей взял обязательство: заниматься с ней любовью не реже двух раз в

неделю. Кажется, Надю это устраивало больше, чем ежедневные африканские страсти.

В этот период их семейная жизнь шла на редкость гладко. Надя после декретного отпуска вернулась в «Комус», и ей сразу положили большую зарплату. Те накопления, которые она сделала до декретного отпуска, давно иссякли, но теперь появилась перспектива накопить на собственную квартиру. На работе ее ценили. С ребенком проблем не было. Как только Алешка родился, свекровь со свекром продала свою трехкомнатную в Сергиевом Посаде и купила однокомнатную в Зеленограде. Алешка целиком был на попечении бабушки, так что никаких трудностей молодым супругам ребенок не причинял.

Поначалу Сергея мучила совесть. Несмотря на регулярные встречи с Сюзанной, его любовь к жене нисколько не оскудевала. Как это ни парадоксально, но он по-прежнему питал к ней нежные чувства и ревновал к каждому столбу. Более того, любовь к Наденьке возросла, поскольку к нежным чувствам добавилось жалостливое чувство вины. Однако в постели с Сюзанной было лучше. Это факт. Сережа еще на первом курсе догадался, что постель и любовь — вещи не всегда совместимые. Любовь — больше для души, а секс — для тела. О противоречиях души с телом писали мировые классики. Не считаться с этим, значит игнорировать всю мировую литературу. И хотя Сережа имел довольно смутные представления о мировой литературе, игнорировать он ее не мог, и относился спокойно к тому, что к Сюзанне никаких возвышенных чувств не испытывал — только позывы тела.

Да! Женщины с соблазнительными фигурами не будят возвышенных чувств. Судя по всему, не для того они созданы. Не зря же их называют самками. Но чаще — матерными словами.

Так Серега думал до середины лета следующего года. Жизнь была сытой, пьяной, спокойной, и, казалось, вечной, как Рим. У него было две женщины: одна для тела, другая для души. Обе ласковые, обе нежные, обе любили. Одна была готова на любые жертвы, другая — на любые позы. Чем не жизнь? Однако гром грянул неожиданно. В середине июля 2001 года после очередного бурного свидания на конспиративной квартире Сюзанна села на диван и неожиданно заявила:

— Чуть не забыла тебе сказать: я выхожу замуж.

Она взяла со столика щетку и принялась спокойно расчесывать волосы. В такие минуты, когда она бесстыжая и обнаженная сидела на диване, сооружая из волос греческую шишку, Сергей испытывал эстетическое наслаждение. Сюзанна это знала и специально подолгу делала прическу. Но сегодня было не до наслаждений. От такой заявочки у Сереги екнуло в груди, и он на минуту лишился дара речи. После тягостной паузы любовник сглотнул слюну и натянул на себя скептическую ухмылку:

— И кто он, если не секрет?

— Питерский предприниматель, — томно ответила Сюзанна.

— Ты уедешь в Питер? — встрепенулся Сергей.

— Может, уеду! — улыбнулась Сюзанна, щелкнув заколкой. — А может, останусь. У него квартира в Москве. Он хочет открыть здесь филиал.

«Все на свете кончается, а тем более — удовольствия», — вздохнул про себя Серега, а вслух произнес развязным голосом:

— И что же, мы больше не будем встречаться?

Сюзанна укоризненно зыркнула и отрицательно покачала головой.

— Но почему? — расстроился Сережа.

— Потому что я буду замужней женщиной. А замужняя женщина обязана блюсти верность.

— Верность — это скучно, — скривился Серега.

— Ты своей жене тоже так говоришь?

Арсесов вздрогнул. Впервые за все время она упомянула о жене, и упомянула всуе. Причем тут жена? Жена — это святое, а она — совсем другое.

Серега вылез из-под одеяла и обнял Сюзанну. Сразу же по телу разлилось тепло. Сюзанна всегда возбуждала его с полуоборота. Внезапно Сергею сделалось так грустно, что он чуть не заплакал. «Что же получается, теперь ее роскошное тело будет принадлежать другому?» — внезапно мелькнуло в голове.

И теперь ему, баловню судьбы, больше не позволят приронуться даже к коготку? Сюзанна, словно подслушав его мысли, сорвала со стула юбку и поднялась с дивана:

— Мы больше не встретимся. Посмотри на меня голую в последний раз, поскольку я уже одеваюсь.

От слов она сразу перешла к делу и ловко влезла в юбку. В следующую минуту ее тонкий торс и божественную грудь закрыла льняная блузка.

— А почему ты не одела трусики и лифчик, — спросил Сергей, не веря ушам.

— Оставляю тебе на память. Мы расписываемся в следующую субботу. Извини, пригласить не могу ни на роспись, ни на свадьбу. После свадьбы мы сразу улетим в Париж. После Парижа — в Питер. Так что, вполне возможно, что больше не увидимся. На всякий случай, прощай!

Сюзанна проследовала в прихожую, а Сергей остался сидеть на постели растерянный и голый. Чаровница влезла в туфли, набросила на плечо сумочку, затем сделала воздушный поцелуй и ушла. Когда Сергей остался один, стало совсем невыносимо. «А что делать? Имеет полное право, — подумал он. — Женщина хочет быть полноценной. Родить ребенка, наконец».

Сережа знал, что с мужем она развелась из-за того, что он был стерильным. Родить же от кого-то стороны она считала ниже своего достоинства. У ребенка должен быть отец, который в дальнейшем будет рядом, иначе ребенок вырастет неполноценным, — неоднократно говорила она. И Сережа с ней соглашался, и с пониманием относился к тому, что они так тщательно предохранялись. «А что, вполне здоровое желание, — успокаивал себя Сергей. — Имеет полное право на замужество. Все-таки, уже не девочка. Как говорится, года к преклонной прозе тянут...»

Но, откровенно говоря, Сережа самонадеянно думал, что эта сорокалетняя женщина любит его так сильно, что ни о каком замужестве не помышляет и во сне. А если и помышляет, то только с ним. Но это оказалось из области фантастики. Не разводиться же ему, в самом деле.

Бывший любовник поднял с пола тонкие трусики, еще хранившие тепло ее бедер, и накрутил на палец. Неужели уже больше никогда его рука не ляжет на ее пылающие бедра? «Эх, — тяжело вздохнул страдалец. — И что же я, как идиот, не спросил: сколько лет ее избраннику и любит ли она его? Вот балбес!»

Однако Сережа знал, почему не спросил. Потому что он эгоист. Потому что ему глубоко наплевать любит она его, или нет? Он даже не испытал к ее жениху ни капли ревности. Аресова волновало только одно: будут они встречаться после ее замужества, или нет?

После это прошло две недели. Если бы кто-нибудь спросил у нашего героя о самом тяжелом периоде в его жизни, он бы, не раздумывая, ответил: «Это — две недели, когда Сюзанна была в Париже». Столько уныния и отчаянья Сергей не ощущал никогда в жизни, даже когда мыкался на четвертом курсе в поисках работы.

В ресторане все напоминало о Сюзанне. Без нее заведение казалось темным погребом, в котором было тягостно не только торчать за стойкой, но и приближаться к ней. Также невыносимо стало перемещаться по Зеленограду. Казалось, что Зеленоград померк и уменьшился в размерах.

Жена заметила перемену в муже, но с расспросами не докучала, потому что было некогда. Удовлетворилась ответом, что нездоровится.

В начале августа Стас потребовал от квартиранта очередные пятьдесят долларов. Сережа залез в карман, но вместо зеленой купюры вытащил ключ.

— Бери и владей единолично! Мне больше квартира не нужна.

15

Однако рано Сергей впал в уныние, и рано отдал Стасу ключи. В этом он потом неоднократно раскаивался, но было поздно. Стас нашел другого квартиранта. Страсти еще только начинались.

Не будем скрывать, Сюзанну в Париже тоже охватила тоска. Однако в отличие от бывшего любовника она умела скрывать свои чувства. Париж ей был не в радость. Не в радость ей был люксовский номер в одном из самых роскошных французских отелей, неподалеку от Елисейских полей, не в радость ей были Версаль, Лувр, Монмартр, дорогие рестораны и элитные вина. Но всех невыносимее была постель с новым мужем. Когда он начинал домогаться со своими ласками, Сюзанна закрывала глаза, чтоб не видеть его, и представляла милого кучерявого мальчика из ресторана «Робинзон».

Если бы и ее кто-нибудь спросил о самом тяжелом периоде в жизни, то и она бы, не раздумывая, ответила, что это — две недели в Париже в июле 2001 года были самыми невыносимыми.

Первого августа она брела по Монпарнасу в обнимку с респектабельным мужчиной, и вдруг почувствовала, как в сердце остро кольнуло. Женщина сделала глубокий вздох, но игла осталась. После этого по телу в очередной раз начала разливаться какая-то зеленая болотная жижа. Почувствовала ли она, что сегодня утром Сергей навсегда отдал ключи от той квартиры, где прошли самые счастливые часы ее жизни, или же накопились душевную страдания, неизвестно. Но факт остается фактом. Она судорожно вздохнула и с отчаяньем подумала: «Боже, неужели все прошло?» Затем внезапно оттолкнула мужа и побежала за угол.

— Ты куда? — удивился он.

— В туалет, — фальшиво хихикнула Сюзанна и шутиливо присела, изобразив, что дальше терпеть не в силах.

Однако едва она вбежала в туалет, улыбку сняло, как рукой. Женщина вошла в кабину, закрылась на задвижку и достала сотовый. Дрожащими руками набрав номер любовника, она с отчаяньем прокричала:

— Сережа я тебя люблю!

Затем тотчас отключила телефон, опустила на крышку унитаза и заплакала. В это время стоящий за стойкой бармен Зеленоградского ресторана стал белее бумаги.

— Кто звонил, жена? — поинтересовался охранник.

— Вроде того... — ответил Сергей, не поняв вопроса. Затем, словно опомнился: — Слушай, присмотри, пожалуйста! Я сейчас!

Он со всех ног побежал в подсобку, где в это время обычно пусто. Четыре попытки набрать номер Сюзанны не увенчались успехом. С того конца ехидно отвечали: «Абонент временно не доступен. Попробуйте позвонить позднее». Сергей покинул подсобку и побежал разыскивать Стаса.

— Стас, все остается по-прежнему! Держи пятьдесят баксов.

Но официант в ответ только развел руками.

— Извиняй, братела! Твое место уже занято.

Через три дня Сюзанна вернулась из Парижа. Их свидание после ее медового месяца прошло прямо у нее в кабинете. Оба точно изголодавшиеся звери набросились друг на друга. И с того дня начался второй этап их бешеной страсти.

Второй этап существенно отличался от первого. Если первый — был ровным и спокойным, второй — с примесью вечной тревоги. Следует сказать, что на всех свиданиях без исключения у Сережи всегда возникало беспокойство. Больше всего он боялся, что о любовнице узнает жена, и она не простит измены. Потерять Наденьку — это потерять смысл жизни. Однако по возвращению Сюзанны из Парижа, Аресов стал ловить себя на мысли, что теперь у него тревога иного рода. Он боялся потерять Сюзанну. Что касается жены, то ее разоблачение уже не пугало.

Поскольку пристанища больше не было, им приходилось встречаться, где попало: летом они ехали за город, где устраивались в безлюдном месте под первым попавшимся кустом. Иногда не хватало терпения доехать до безлюдного места, и они предавались любви прямо в машине. Осенью и зимой любовники встречались в сауне. Несколько раз предавались любви на каких-то концертах в доме культуры. Да-да, автор не оговорился. Как только начинался концерт, Сергей брал Сюзанну за руку, выводил из зала и тащил в первый попавшийся закуток, где уже стояла заранее приготовленная банкетка. Будем откровенны, нашим любовникам приходилось наскоро удовлетворять свою любовь и в подъездах, и даже в подвалах. Иногда уходило несколько часов на то, чтобы найти в Зеленограде безлюдное место. Сам же процесс происходил мгновенно: Сюзанна задирала шубу и становилось задом, упершись в какой-нибудь засаленный подоконник, а любовник, вожделенно постанывая, принимался дрожащими руками разбираться с ворохом ее колготок. Бездомность способствовала фантазии. В конце концов, Сюзанне это надоело.

— Ты мужчина или нет? Сними, наконец, квартиру!

С квартирой было сложно. К тому же герой-любовник испытывал острый недостаток в средствах. Напомним, что зарплата у него по-прежнему была той же — пятьсот долларов. Чаевых ему не давали, поскольку он не был официантом, а обсчитывать Сергей не научился. Его личных денег хватало только на четыре похода в сауну. А Сюзанну хотелось ежедневно, и с каждым днем все сильнее. До того, как завести любовницу, примерный муж отдавал жене все деньги. Жена была семейным финансистом. Теперь нужно было что-то придумывать.

И Сергей придумал, сыграв на ее любви к накоплениям.

— Слушай, Надьк, — сказал он однажды. — Нам на работе предлагают переводить зарплату на срочный счет сбербанка.

— Под сколько процентов? — деловито осведомилась жена.

— Под десять! — ляпнул первое попавшееся Сергей.

Жена прищурилась и что-то быстро подсчитала в уме.

— Соглашайся! Через год с хвостиком снимем восемь тысяч.

Теперь своей зарплатой Серега мог распоряжаться по своему усмотрению. Что будет через год, ему думать не хотелось. Это так далеко. А Сюзанна — так рядом!

Среди зимы Аресову удалось снять коттедж в шестидесяти километрах от Зеленограда. Причем, снять удалось недорого, всего за двести долларов. Днем, во время обеденного перерыва, до него, конечно, доехать не реально. Любовники ездили после работы. Сюзанна могла себе это позволять безболезненно, потому что ее муж большей частью отсутствовал, а у Сережи начались проблемы с женой.

Он возвращался домой в первом часу ночи и ничего не находил лучшего, чем врать, что встречался с друзьями. Жена догадывалась, с какими друзьями он встречался, но все дело в том, что теперь Сергею было безразлично. К жене, как к женщине, он уже не испытывал влечения, — ни прежнего, ни вообще какого-либо. Иногда он замечал, что миновал месяц, другой, а у них с Наденькой не было ни единой ночи любви.

Но истинные страдания Аресову приносили не холодные отношения с женой, а возвращение из Питера Сюзанного мужа. В этом случае они не встречались целыми месяцами. Сергей ловил ее в ресторане за руку и шепотом вопрошал:

— Ну что, сегодня после работы на дачу?

— Тише, люди смотрят! — сверкала глазами Сюзанна, затем кокетливо добавляла. — Сегодня мы с мужем идем на светскую вечеринку банкиров.

Бедняге ничего не оставалось, как закусывать губы и возвращаться за стойку. Что он мог противопоставить светской вечеринке банкиров? Продавленный диван на холодной даче в шестидесяти километрах от Зеленограда. Причем добираться до коттеджа нужно было на машине Сюзанны. Позор! «Следует купить хоть какой-нибудь вшивенький «Жигуль», — досадовал про себя Аресов и понимал, что вшивенький «Жи-

гуль» положения не спасет. Сюзанна все больше удалялась от него, почувствовав вкус красивой жизни.

Однажды доведенный до отчаянья Сергей сделал Сюзанне предложение. Так и сказал:

— Не могу больше без тебя. Выходи за меня замуж!

Надо было видеть, как радостно блеснули ее глаза. Она раздурманилась, развеселилось, стало что-то чирикать, но ни словом не отреагировала на предложение любовника. «Все! Время упущено, — простонал про себя Сережа. — Нужно было делать предложение перед Парижем».

А ведь Сюзанна этого ждала. Одно его слово, и не было бы этого дурацкого замужества.

— Сюзанна, я говорю серьезно, — продолжал напирать Сергей. — Ведь ты меня любишь. И я тебе люблю. Ты же равнодушна к своему мужу. Если бы не была равнодушна, то давно бы от него забеременела.

Сюзанна отвела глаза и рассмеялась:

— Что за глупости тебе приходят в голову? Ну, ей богу, как маленький. Давай больше не будем об этом.

Такая неопределенность ввела нашего героя в окончательную депрессию. Он подумал, что нужно сделать так, чтобы Сюзанна забеременела от него. Вот таким образом он привяжет ее к себе, и она наконец уйдет от мужа.

Однако смелым планам не суждено было сбыться. Сюзанна по-прежнему скрупулезно предохранялась и пресекала любые попытки любовника предаться любви без презерватива. «Неужели больше не любит?» — пришел в ужас Сережа.

17

С того дня, как Надежда пришла на работу с букетом хризантем, к ней снова вернулась радость. Она опять сделалась милой и обаятельной. Даже к концу дня выглядела такой же свежей, как утром, без какого-либо намека на усталость. Казалось, Наденька помолодела на восемь лет, и ей опять двадцать. Сотрудники были убеждены, что такая перемена связана с ее новым ухажером, однако это было не так.

Наденька была счастлива оттого, что у них с Сережей снова стало, как раньше. Он начал приходиться с работы вовремя, не дышать перегаром и не пахнуть женскими духами. Жена догадывалась, что у мужа был роман с какой-то дамой

из ресторана, но наивно полагала, что роман он закрутил от обиды. И вот теперь, когда они разобрались и когда он узнал, что жена перед ним чиста и непорочна, и что ни разу ему не изменяла (вернее, почти, не изменяла), — все вернулось на круги своя.

И не приходило в голову наивной женщине, что ее муж потому такой примерный, что его любовница в данный момент находится в Питере. Сергей звонил ей каждый день ровно в девять утра.

— Привет, Сюзанна! Когда вернешься в Москву? Я изнываю!

— Одно другого не легче! — смеялась в ответ Сюзанна. — Мы еще не выполнили и половины программы. Сегодня в шведском посольстве бал. Я должна успеть в массажный кабинет и в салон красоты. Так что долго не задерживай меня разговорами.

— Кто вчера к тебе стучался, когда мы разговаривали? — грустно спросил Сергей.

— Один красивый мальчик! — лукаво рассмеялась Сюзанна. — Тоже, как ты, хочет от меня ребенка. Такой настойчивый! Я только чудом не залетела.

— Что? — прострелило Сергея.

— Ты разве ревнуешь? — хихикнула Сюзанна. — Вот бы никогда не подумала. Не надо, не ревнуй! Тебе это не идет. Все! Целую! Мне надо убежать.

Раздались короткие гудки. Серега швырнул трубку на пол и кинулся лицом в подушку. «Больше я ей не позвоню! — скрежетал он зубами. — А что же еще от нее можно ожидать? Она же классическая шлюха. Разве приличные женщины отдаются в подъездах и в подвалах?»

Два дня Сергей пребывал в мрачном настроении. На третий день утром Сюзанна позвонила на сотовый.

— Мы завтра прилетаем в Москву. В субботу можно встретиться на твоей даче. Доберись до нее своим ходом, растопи камин и жди меня. Я стала такой мерзлячкой...

От одного ее голоса наш герой пошел пятнами. Он долго не мог успокоиться. От возбуждения тряслись все поджилки. Неужели в субботу он опять сможет ее обнять? Но до субботы было еще два дня. Как дожить?

В субботу все складывалось удачно. Жена с Алешкой и мамой собралась на выходные в Сергиев Посад к родственникам. Сергей сказал, что сегодня идет с друзьями на хок-

кей. Надя, ничего не заподозрив, не стала настаивать на поездке с ними.

Не успели они с сыном выйти за порог, как Сергей метнулся к телефону. Он набрал номер Сюзанны и, услышав ее «алло», уточнил, все ли остается в силе?

— Да! Я приеду в семь, — бархатным голосом ответила женщина. — Не забудь про камин.

В шесть вечера камин на даче уже горел. На втором этаже на диване было застелено свежее белье, с мебели стерта пыль, нарезан сыр, вскрыты банки с фаршированными маслинами и мидиями. В холодильнике охлаждалось бутылка шампанского. В восьмом часу Серезин мобильник ожил:

— Мы стоим у ворот, — раздался голос Сюзанны. — Не знаем, как открыть калитку.

«Кто это, мы?» — удивился Сереза, кидаясь во двор. Сквозь дощатые ворота светились фары незнакомой машины. У Сюзанны «Рено», а эта машина похожа на «Мерседес». Когда Аресов открыл ворота, то с удивлением увидел, что перед ним действительно черный «Мерседес». Иномарка въехала во двор, и из нее вышли трое: Сюзанна, какой-то мужчина в черном пальто и длинноногая женщина лет тридцати.

— Познакомься, Вадик, — это Сереза, наш бармен, — прочиркала Сюзанна, прижимаясь грудью к рукаву респектабельного мена. — А это, Сереза, — мой муж, Вадим.

Мужчины трянули друг другу руки, и только после этого Сюзанна указала на женщину:

— А это моя подруга Полина.

Женщина театрально улыбнулась и сделала реверанс.

— Ну покажи свою дачу, Сереза,! — продолжала, как ни в чем не бывало Сюзанна. — Мы решили тоже купить дачу в Подмосковье. Так что для нас это актуально.

Пришлось сделать пригласительный жест, и все четверо вошли в дом. Сергей прилагал усилия, чтобы не выказать растерянности. Респектабельный мужчина с благородной сединой начал деловито осматривать дом и интересоваться ценами на землю в этом районе. Сереза плел, что приходило в голову, чем вызывал у гостей изумление. Когда мужчина с увязавшейся за ним подругой отправились осматривать второй этаж, Сюзанна сразу впилась в губы.

— Муж подозревает, поэтому поехал со мной, — торопливо объяснила Сюзанна. — Полинку взяла для конспирации, якобы для тебя. Ты к ней клей! Она в курсе. Сейчас все

вместе поедem в сауну. Если нам не удастся остаться наедине, трахнешь Полинку.

Когда Сюзанна отпала от его губ, Серегу слегка покачивало: во-первых, от поцелуя, во-вторых, от неожиданного предложения. Нужно было скорее приходиться в себя. С лестницы уже доносились шаги. Пришлось плюхнуться в кресло у камина, во-первых, чтобы не упасть, во-вторых, чтобы не заметили то, что мгновенно набухло в штанах. Сюзанна спокойно присела на соседнее кресло и протянула к огню руки. Когда ее муж с подругой вошли в каминный зал, ничего подозрительного в глаза не бросилось.

Мужчина похвалил коттедж. Посоветовал нарастить третий этаж и пробить на втором этаже еще два окна. После чего предложил поехать с ними в сауну. Сергею показалось, что гость пригласил его из вежливости, однако в это приглашение Сергей вцепился как бульдог. Только по пути он вспомнил, что у него нет плавок.

Всю дорогу он болтал с Полиной. Они сидели с ней на заднем сиденье, и их близость — нога к ноге — была приятной. Вадим был за рулем, Сюзанна сидела на переднем сиденье. Она незаметно встречались глазами с Сергеем в зеркальце. Ее взгляд был печальным.

В шикарном вестибюле ночного клуба прибывшим гостям дали по белоснежной простыне. Муж Сюзанны, как оказалось, кроме столика, заказал две отдельные сауны с бассейнами. Одну для себя с женой, другую для ее подруги. Перед тем, как разойтись по комнатам, они, будучи в простынях, опустошили бутылку коньяку. Полина сразу опьянела и стала, смеясь, заваливаться на Сережу. Сюзанна смотрела на это с умилением, а ее же муж — с полным равнодушием. У Сюзанны из-под простыни без конца выбивались то грудь с кофейным соском, то розовая ножка. Сергей догадывался, что она это делает умышленно, но абсолютно не понимал, зачем?

В конце концов, Вадим взял Сюзанну за плечо и повел в сауну. Он сильно хлопнул дверью, чтобы закрыться поплотнее, но получился обратный эффект — дверь отскочила, и сквозь образовавшийся проем Сергей увидел, как муж сорвал с жены простыню и, развернув на сто восемьдесят градусов, пригнул ее голову к лавке. Дальше подсматривать было стыдно. Сережа схватил Полину за руку и потащил в свою кабину. Она шла, пьяно хихикала, и у нее заплетались ноги:

— Мы сейчас будем париться, да? — дурашливо лепетала Полина.

Сергея толкнул ее в предбанник, и с нее слетела простыня. Она осталась абсолютно голой, с изумительно стройной фигурой.

— Ой, — сказала она, наклоняясь за простыней. — Пардон! Я вас не смутила?

Сергея молча подошел к ней сзади, вырвал из рук простыню и развернул к себе. Ее глаза были голубые и мутные. Он припал к ее губам и она, словно ожидая этого, с готовностью ожила. За все время занятия любовью ни он, ни она не проронили ни звука. Только когда Сергей, отпав от нее, повалился на лавку, она спросила:

— Сережа, вам было хорошо?

— Было, — выдохнул Сергей.

18

— Тебе было хорошо с Полинкой? — шепнула в понедельник Сюзанна, проходя мимо барменской стойки.

— Думаю, с тобой было бы лучше, — обиженно буркнул Сергей.

— Ладно, не злись, — нахмурилась администраторша. — Выхода больше не было. Считай, что это мой подарок. Ты же получил удовольствие? А если я уеду? Что ты будешь без меня делать? Вадим настаивает, чтобы я бросила ресторан и переехала в Питер. Не могу же я сказать ему, что не уйду с работы ради тебя.

— Правда? — сверкнул глазами Сергей.

— Тише! Стас идет. По-моему, он что-то просек. Сегодня в половине девятого за углом...

Сергею даже бросило в пот. Это означало, что в восемь он выйдет из ресторана и преспокойно отправится в направлении дома. Однако у детсада он должен будет свернуть, зайцем обежать дом и вынырнуть из противоположного угла, где его будет дожидаться синее «Рено» с любимой женщиной за рулем. Вот какой у них был разработанный конспиративный маневр. Но дело в том, что Сергей больше не нуждался в конспирации. Ему уже было все равно. Нуждалась Сюзанна. А он — нет. А год назад было наоборот.

Однако, как не конспирировались любовники, им было невдомек, что давно находятся в поле зрения двух мужчин,

сидящих в белой «девятке». Прежде, чем описать их, следует рассказать об одном эпизоде, который потом заинтересует одного следователя из московской прокуратуры.

В субботу, около четырех вечера, буквально через десять минут после того, как Сергей вышел из дома, в его квартиру позвонили. Открыла Марья Андреевна. Перед ней стоял капитан милиции с раскрытой папкой в руках.

— Участковый Георгий Смирнов, — произнес он деловито. — Извините, плановый обход. Вы случайно не знаете, в вашем подъезде держат квартирантов?

— А в чем дело? — насторожилась Марья Андреевна.

— Мы выявляем лиц без регистрации, — пояснил участковый. — Особенно нас интересуют чеченцы.

— Мои — русские! — расплылась в улыбке хозяйка. — У них Подмосковная прописка. Они оба из Сергиева Посада.

— Точно? — сощурился милиционер. — Они вам показывали паспорта?

— Конечно! Сережа с Надей живут у меня шесть лет! — замахала руками хозяйка. — За это время не то что паспорта, уже все их мысли изучила. Аресовы пришли ко мне, когда еще были студентами. А сейчас Наденька — топ-менеджер компании «Комус», а Сережа — бармен ресторана «Робинзон». К сожалению, сейчас никого из них дома нет. Надя уехала к родственникам в Сергиев Посад, а Сергей буквально перед вами куда-то ушел. У них еще пятилетний сын, Алешка. Но его тоже нет.

— Спасибо за подробную информацию, — поблагодарил милиционер, записав что-то в блокнот. — Как вы сказали, Аресовы? А лица кавказской национальности в вашем подъезде живут?

— Что-то не видела, — поморщилась Марья Андреевна. — Нет, не могу сказать. Не обращала внимания.

— Еще раз извините за беспокойство! — сделал под козырек участковый и, захлопнув папку, направился к лифту.

Это уже потом Марья Андреевна вспомнила, что участковый у них другой: более молодой и более худощавый, и, кажется, в звании лейтенанта. «Наверное, новый», — махнула рукой женщина и тут же об этом забыла.

Однако вернемся к событиям понедельника. Итак, когда десять минут девятого, Сергей вышел из ресторана и направился, якобы, домой, с противоположной стороны улицы тронулась «девятка», которая на приличном расстоянии последовала за ним. У детсада машина завернула, описала

вокруг дома круг, и тут двое мужчин, которые сидели в «девятке», увидела, как паренек юркнул в синее «Рено».

— Не хилую завел любовницу, — произнес один и прицелился фотоаппаратом.

— А это точно он? Ты не ошибся? — подал голос другой.

— Ты же сам сказал, Сергей Аресов, бармен. Я заходил в ресторан и видел его, как тебя.

— А за рулем точно баба?

— Не видишь, целуются! Не отвлекай, я снимаю!

Сделав несколько снимков, фотограф произнес:

— Если получится не четко, значит фотоаппарат — дерьмо.

— Сам ты дерьмо! — обиделся напарник. — Японский фотоаппарат «Пентакс». Почти новенький. Память о друге. Можно сказать, его наследство...

— Слушай, они тронулись, — пресек ностальгические воспоминания второй. — Катим за ними?

— Давай! Только не очень светись!

19

В ночь на пятницу Надежде приснился странный сон. Действие происходило как минимум на облаке. Она ходила по нему, словно по мягкому ковру и, проваливаясь по щиколотки, с удивлением думала: «А еще говорят, облако — вроде тумана. Оказывается, не фига подобного!»

Как бы в подтверждение, облако под ногами внезапно позеленело и вдруг на глазах превратилось в роскошный луг с красивыми оливковыми деревьями по сторонам. Но трава под ступнями оставалась такой же мягкой и приятной. Босые ноги по-прежнему проваливались по щиколотки и не ощущали никакой тверди.

Через некоторое время Надя заметила, что она в голубой тоге из очень приятной ткани, отдаленно напоминающей мокрый шелк, и в руке у нее золотое яблоко. Красавица вошла в оливковую рощу и вдруг в мраморной беседке увидела статную, черноволосую женщину в пурпуровой тоге. Она была столь грациозна и неподвижна, что Надежда сначала приняла ее за статую. Но женщина с греческой шишкой из волос внезапно повернула голову и улыбнулась. Надежде сразу стало не по себе. Она не знала, кто эта женщина, но

почувствовала, что кого-кого, а ее бы она хотела видеть меньше всего.

— Ты, наверное, и ночью не расстaeшьсe со своей игрушкой, — ехидно произнесла женщина, кивнув на золотое яблоко.

— А ты все еще писаешь кипятком, — в тон ей ответила Надежда, удивляясь тому, что знает, как ей нужно отвечать. — Не следует быть такой злопамятной, Афина. Это низменно. Ты уже испепелила Троя.

— Не тебе упрекать меня в низменности. Я не подкупала Париса. А успокоюсь лишь тогда, когда восстановлю справедливость.

— Ты называешь низменную месть справедливостью? — скривилась Надя. — Неужели невинная кровь троянцев еще не насытила твое жадное сердце?

В ответ красавица в пурпуровой тоге ответила такое, что Надежда пришла в ужас. Дословно она не помнит, но типа того, что Троя — всего лишь предтеча мести. Настоящая месть впереди.

Женщина проснулась с сильно бьющимся сердцем. Она кинула взгляд на спящего мужа, и на душе сделалось еще мрачнее. Сергей опять взялся за свое. Вчера вернулся домой в три часа ночи, был пьян и пахнул женскими духами. Жена пыталась поговорить с ним, но он отводил глаза и, словно помешанный, повторял одно и то же:

— Встретился с друзьями, и мы немного выпили. Разве нельзя?

Когда Надежда с хмурым лицом вышла из подъезда, то ей захотелось вернуться. Во дворе у детской площадки стояла знакомая «девятка». «Настроение и без того паршивое, а тут еще этот тип, — с неприязнью подумала она. — Как он достал. Послать его матом, что ли?»

Но сегодня в машине сидели двое. Водитель высунулся из окна и, неприятно оскалившись, произнес:

— Доброе утро, Наденька! А у меня для вас сюрприз. Неприятный, предупреждаю! Но кроме меня вам никто об этом не скажет.

— Что такое? — заинтересовалась Надя, замедляя шаг.

— Да вы садитесь. Мы как раз направляемся в Москву.

Садится очень не хотелось, тем более что с заднего сиденья на нее во все глаза таращился незнакомый хмырь, лет тридцати. Но очень заинтриговал сюрприз. Ничего не оста-

валось, как сесть рядом с шофером. В ту же минуту «жигуль» бешено сорвался с места.

— Познакомьтесь, — кивнул Саша на заднее сиденье. — Мой коллега по работе. Зовут Димой. Мы из одного отдела.

Надежда нашла в себе силы не только улыбнуться, но и кокетливо подать руку, которую он как-то очень неестественно обслюнявил. После чего, глаза пассажирки снова сделались тревожными.

— Что за сюрприз? — переспросила она.

Водитель отрицательно покачал головой.

— Об этом потом, когда приедем. А то, боюсь, вы захотите вернуться. Только не пугайтесь! Обычное житейское дело.

Сердце у Надежды провалилось. Она уже знала, что сюрприз связан с мужем. Настаивать не стала. Принялась непринужденно болтать с мужичками. А что еще оставалось делать?

Через сорок минут машина остановилась у крыльца ее фирмы. «Уже вынюхал, где работаю», — неприязненно подумала женщина и вопросительно посмотрела на водителя. Он с серьезным лицом вынул из бардачка конверт и подал ей.

— Что это? — спросила Надя, вынимая из конверта фотографии.

Первая же фотография заставила ее оцепенеть. На ней родной муж в салоне синей иномарки целовался с какой-то красоткой. Лица красавицы видно не было. Виднелась только черная копна ее волос. Когда же на следующей фотографии Надя увидела ее лицо, то непроизвольно вздрогнула: эта была та самая женщина, которая приснилась ей сегодня ночью.

— Кто она? — как можно спокойнее спросила Надежда.

— Администратор ресторана «Робинзон» Сюзанна Столетова.

Надежда сунула конверт с фотографиями в сумочку и топорливо выскочила из машины. Поднявшись с бледным лицом в офис, в котором по счастью еще никого не было, она дрожащими пальцами набрала номер собственного домашнего телефона.

— Алло! — отозвался сонный голос мужа.

— Ну что, милый мой, — вздохнула в трубку Надя. — Пришло время рассказать правду?

— Какую? — удивился Сергей.

— О своей любовнице, которую зовут Сюзанной. Ну и как далеко у вас зашло?

Возникла такая неестественная тишина, что Надя услышала, как пульсирует кровь в собственных висках. Она подумала, что никогда не дождется ответа, но Сергей, придя к себе, произнес сдавленным голосом:

— Прости меня! Я без нее не могу.

Надежда шарахнула трубкой об аппарат, чтобы не слышать этого ужаса. Нужно было наорать, устроить сцену, пригрозить, убить, в конце концов! Однако она женским чутьем почувствовала, что у мужа настоящее чувство, а не кобелиные инстинкты. «Он уже сам не в силах что-либо сделать», — с отчаяньем подумала она. И в следующую минуту набрала номер ресторана «Робинзон». Несмотря на то, что еще было рано, Столетова оказалась на месте.

— Я слушаю, — произнесла она бархатным голосом.

— Сука! Тварь! Скотина! — зловеще прошипела Надежда. — Если ты не оставишь моего мужа в покое, я перегрызу тебе глотку.

А в это время от центрального офиса фирмы «Комус» отъезжала белая «девятка», в которой сидели двое мужчин.

— Ну как она? — спросил сидящий за рулем.

— Супер! — с восхищением ответил второй. — Одобряю твой выбор...

Часть третья ИЛЛЮЗИЯ СМЕРТИ

1

В ночь на четырнадцатое января 2004 года из подъезда дома № 1111 вышли двое — юноша и девушка. На плечах у них были лыжи, в руках лыжные палки. Как потом запишут в протоколе, молодые супруги Саврасовы решили встретить Старый Новый год на лыжах, поскольку оба были фанатами лыжного туризма. В ста метрах от дома уже начиналась лесопосадка. Молодой супруг сначала намеривался дойти до нее на своих двоих, и там надеть лыжи, однако жена воспротивилась.

— Я не вижу в темноте крепления, — капризно топнула она ногой и присела на корточки, чтобы прикрепить лыжи к ботинкам.

— Подожди! Как ты собираешься ехать по голому асфальту? — не одобрил муж. — Думаешь, я тебя потащу?

— А я не по асфальту поеду, а по обочине.

На этих словах за спиной что-то просвистело и глухо ударилось об землю. Оба вздрогнули и повернули головы на звук. Женщина взвизгнула и, бросив лыжи, понеслась в подъезд. Парень задрал голову вверх, после чего начал осторожно приближаться к упавшей сверху женщине. Она неуклюже лежала на асфальте лицом вниз, широко раскинув руки. Голова свернута на бок, под ней размазанный сгусток крови. В трех метрах от нее Саврасов остановился. Подойти ближе желания не было: во-первых, жутко, во-вторых, уже понятно, что ей ничем не поможешь. Он отошел на приличное расстояние и достал из кармана сотовый.

— Милиция! — произнес он взволнованно. — Срочно подъезьте к дому номер тысяча сто одиннадцать. Здесь какая-то женщина выбросилась из окна.

Через двадцать минут на место происшествия прибыл милицейский наряд. Следом карета «скорой помощи». Санитары деловито перевернули женщину, посветили в глаза фонариком, и дежурный врач произнес:

— Шмякнулась капитально. Свалилась, как минимум с двадцатого этажа.

— Свалилась, или сама прыгнула? — выгнул брови старший патрульно-постовой службы.

— Черт его знает? — пожал плечами врач. — Одно могу сказать точно: пьяная была в умат.

В эту же ночь были разбужены жильцы верхних этажей дома восточной стороны. Ни из одной квартиры женщина не вылетала.

— Все ясно, — махнул рукой следователь Зеленоградской прокуратуры. — Она выпрыгнула из общей ложи.

Консьержка была немедленно разбужена и допрошена. Старушка поклялась, что посторонние мимо нее не проходили. Если бы прошли, она сразу бы обратила внимания, поскольку всех жильцов подъезда знает в лицо. Эта женщина вообще не из их дома.

— Кстати, — вспомнила консьержка, — на общие лоджии можно пройти, минуя меня, через соседнюю дверь. У двери сломан замок.

Документов у погибшей не оказалось. Ее отвезли в морг, как неопознанную, намериваясь наутро обратиться к населению через средства массовой информации.

Однако на следующий день в кабинете начальника розыскного отдела Зеленоградского УВД раздался звонок. Звонил прокурор Бутырской прокуратуры.

— У вас сегодня ночью было убийство женщины? — спросил он.

— Вроде нет, — удивился милиционер. — Во всяком случае, по сводкам не проходит. Вот самоубийство было. Какая я-то пьяная баба вывалилась с двадцатого этажа.

— Что за баба? — заинтересовался прокурор.

— Личность не установлена. Никаких документов при ней не обнаружено. А в чем дело, Сергей Михайлович?

— А в том, что сегодня утром ко мне пришел адвокат одного предпринимателя, который сидит у меня в Бутырске. Он заявил, что вчера около двенадцати его подзащитному на сотовый позвонила одна знакомая из Зеленограда. Она просила помощи, уверяя, что ее убивают сотрудники МУРа.

— Что за бред? — удивился начальник угрозыска. — Звонок на сотовый находящемуся под стражей? Впервые такое слышу. Каким образом они ее убивали, она не сообщила?

— Нет! Она только прокричала, что ее убивают, и после этого связь прервалась. Так я чё звоню, хочу спросить: та, которая разбилась, сейчас в морге?

— А где же ей еще быть?

— Как она выглядит?

— Не знаю, Сергей Михайлович. Я не выезжал.

— Тогда я подошлю задержанного. Может, он ее опознает.

— Будем только рады, если ее опознают. Нам меньше геморроя.

Ровно через два часа наш старый знакомый Алексей Курников, арестованный за неуплату налогов, в сопровождении следователя и адвоката вошел в Зеленоградский морг. Когда его подвели к поступившему ночью труп и сдернули простынь, предприниматель отшатнулся:

— Боже мой, Наденька! Что они с тобой сделали? — прошептал он белыми губами.

Не будем таить: Курников был серьезно влюблен в свою однокурсницу. Он положил на нее глаз, когда был еще абитуриентом. Тогда же на абитуре он понял, что Наденька Лисовская предназначена не ему, а ее другу детства Сергею Аресову. Почему именно ему, он не понимал, и принимал это как должное. Впрочем, не он один так думал. Весь курс знал, что Аресов с Лисовкой судьбоносная пара. Не случайно они даже родились в один день.

Словом, Курников иллюзий не питал. Даже когда через полгода после свадьбы случай кинул Лисовскую в его объятия, и тогда он знал, что их любовь временная, и Наденька никогда не будет принадлежать ему по-настоящему.

Много лет спустя, они снова столкнулись, но уже на коммерческой почве. Год назад Курников случайно увидел ее в собственном офисе на Бережковской набережной. Она заключала контракт с одним из его заместителей.

Поговорили довольно живо, вспомнили студенческие годы, однокурсников, однако ни словом не обмолвились об их бешеной страсти на четвертом курсе. Тогда по ее грустным глазам Алексей понял, что дела с Сергеем у нее идут не важно. Но и тогда он не окрылился надеждой, что они разбегутся, и Наденька снова обратит внимания на своего скромного однокурсника, который так и не женился.

После той встречи они стали перезваниваться. Иногда разговаривали часами, особенно по вечерам, когда Надя ждала с работы мужа. Несмотря на частые звонки, они никогда не договаривались о встречах. Курников был убежден, что заикнись он хоть раз о свиданье, и их дружбе придет конец. Однако, как ни странно, она первой заговорила о встрече.

Это произошло в начале декабря. Настроение было паршивым. Прокуратура возбудила против него уголовное дело по неуплате налогов и грозила заключением под стражу. Налоговую полицию на его фирму навели архаровцы из РОБОПа, от чьей крыши он отказался. Однако это было мелочью по сравнению с тем, что Наденька пригласила его в тот же ресторан на Тверском бульваре, с которого началась их страсть. Курников прилетел туда, словно на крыльях, вообразив, что у нее зашевелились прежние чувства, или хотя бы сладкие воспоминания о них. Однако он жестоко ошибся. Надежда была мрачнее тучи. После первого бокала вина она умоляюще впилась в его глаза:

— Леша, на тебя вся надежда. Пообещай, что не откажешь.

— Все сделаю, что в моих силах! — с готовностью ответил он.

— Найди мне киллера за любую цену.

Курников вздрогнул и только тут заметил, что женщина не в себе. Его глаза лихорадочно блестели, и вся она была, как натянутая струна. Он осторожно взял ее ладони и ласково прошептал:

— Рассказывай! Кого ты собралась заказать?

— Любовницу мужа! — некрасиво искривилась Наденька.

— А без смертоубийства никак нельзя? — улыбнулся в ответ Курников.

— Нет! Уговоры и угрозы не действуют. Сергей уже ничего не понимает. Он влюбился в нее, как щенок. И чем только взяла, стерва? Она уже старая! Ей все сорок три. Но мой муж глуп и слеп. К тому же, как был безвольным, так и остался.

— А стоит ли подводить себя под уголовную статью ради глупого и безвольного? — покачал головой Курников. — Не легче ли развестись?

Глаза Надежду наполнились слезами.

— Да как ты не поймешь? Я его люблю! Лишиться Сережи, все равно, что лишиться руки!

Курников осторожно положил руки собеседницы на стол, вышел из-за стола и с серьезным видом произнес:

— Извини, но в этом я тебе помочь не могу. И впредь, если хочешь дожить до благородных седин, никогда не прибегай к помощи киллеров.

Больше Курников ничего не сказал. Кинув на стол двести долларов за несостоявшийся ужин, он развернулся и пошел на выход. Было больно и обидно услышать такую просьбу. Неужели она не видит, что он ее боготворит. Это, наконец, жестоко и не порядочно поручать влюбленному в нее человеку разобраться с любовницей мужа.

Однако сейчас, сидя перед следователем, Курников чувствовал себя виноватым в ее смерти, хотя главная вина, конечно, лежала на ее Сергее.

— Говорите, Аресова Надежда Владимировна? — писал в протокол следователь. — 1976 года рождения. Правильно? Какого числа родилась, конечно, не знаете.

— Знаю, — вздохнул Курников. — Пятнадцатого февраля. У них с мужем дни рождения в один день.

— Как у однойцовых близнецов, — пошутил следователь, но увидев, что свидетель нахмурился, немедленно погасил улыбку. — Их Зеленоградский адрес знаете?

— Нет, адреса не знаю, — ответил Курников. — Только знаю домашний телефон квартиры, где они снимают комнату. Хозяйку зовут Марьей Андреевной. Ее фамилии не знаю. Мужа Аресовой зовут Сергеем. Он работает в ресторане «Робинзон» барменом. У меня есть его номер мобильного телефона. Разрешите, я ему позвоню?

— Не спешите! — поднял палец следователь. — Ему позвонят наши сотрудники. Скажите, в каких отношениях вы были с Аресовой? Как я понял, в довольно близких.

— Почему вы так поняли? — насторожился Курников.

— Потому что она вам позвонила.

— Ах, поэтому? — горько усмехнулся свидетель. — Отношения у нас были дружеские. И совсем не близкие. Я бы даже сказал, прохладные. А почему позвонила мне? Да черт его знает, почему? Может, потому что больше было некому.

— Как, некому? — удивился следователь. — А мужу?

3

Но муж погибшей ничего прояснить не мог, потому что тоже исчез. Причем исчез пять дней назад до этого происшествия.

— В последний раз мы его видели восьмого января, — развел руками директор ресторана. — Он отработал смену и в восемь вечера, как положено, отправился домой. С тех пор он больше не появлялся.

— А у его жены вы не интересовались, куда он делся, — спросил следователь.

— Конечно, интересовались, — ответил директор. — Как мне доложили, до жены дозвониться не удалось, а квартирная хозяйка сообщила, что Сергей дома не ночует. Так что, где он, она не имеет понятия.

— И жена тоже дома не ночевала с восьмого числа? — напирал следователь.

— Нет, жена как раз ночевала. Но с девятого января она почему-то перестала ходить на работу. Мы звонили к ней в «Комус», и нам сказали, что у нее какие-то семейные неприятности. Словом, мы не поняли, что у них происходит в семье, но ясно одно: что-то происходит.

Следователь позвонил в центральный офис «Комуса», и там подтвердили, что Аресова с девятого января действительно перестала появляться на работе. Она так же, как и Сергей, отработала восьмого полный день, причем, заключила два серьезных контракта, и в половине девятого отправилась домой. В тот день, по словам сослуживцев, она очень боялась опоздать на электричку. На следующий день Аресова не вышла на работу, и никаких звонков от нее не поступило. Это было более чем странно, поскольку она слыла дисциплинированной работницей. От ее квартирной хозяйке ничего добиться не удалось, кроме того, что дома Надя тоже не появлялась. Что касается попыток дозвониться ей на сотовый, то на звонки она не отвечала.

А между тем, криминалисты на одной из стен лоджии двадцать второго этажа обнаружили бурые пятна. И без экспертизы было понятно, что это кровь. Причем, не более чем двухдневной давности. «Это могла быть кровь только пострадавшей, — соображал следователь. — Не исключено, что перед тем, как ее сбросить вниз (а что ее сбросили, в этом сомнения не было), несчастную шмякнули головой о стену. Вот почему никто не слышал криков».

Однако Зеленоградского следователя сильно смущало то, что предполагаемых убийц никто не видел. А ведь, по словам свидетеля Саврасова, он стоял на крыльце до тех пор, пока не подъехала милиция. А другого выхода из подъезда, кроме, как через это крыльцо, не было. Хотя, впрочем, на три минуты Саврасов все-таки отлучался домой, чтобы успокоить жену. Скорее всего, в этот промежуток времени убийцы и могли выскочить на улицу.

Последнее, что успел установить следственный отдел Зеленоградской прокуратуры, это то, что Аресов в данный момент не находится у родителей в Сергиевом Посаде, и что к ним он в ближайшее время не собирался. После этого следователь намеривался допросить хозяйку квартиры, у которой снимали комнату супруги Аресовы, но внезапно позвонили из Московской городской прокуратуры.

— До нас дошли слухи, что вы занимаетесь делом Надежды Аресовой?

— Так точно! Обстоятельствами ее гибели, — уточнил начальник следственного отдела.

— А она погибла? — удивились в мосгорпрокуратуре. — Вы, разумеется, не в курсе. Но против нее возбуждено уго-

ловное дело по факту покушения на убийство. Словом, это дело нам придется забрать себе.

Так что с квартирной хозяйкой Аресовых пришлось беседовать следователю городской прокуратуры Алексею Петровичу Долгову. Когда Марья Андреевна узнала, что ее квартирантка погибла, то даже не удивилась, хотя и вздрогнула при этом известии.

— Я так и знала, что этим кончится, — зашмыгала она носом. — В последнее время Наденька — царство ей небесное! — тронулась умом. Из-за Сережки, конечно. Такой, кого угодно доведет до белого каления.

— Кстати! Куда, по-вашему, он мог деться? — перебил Алексей Петрович.

— А кто его знает? — отвела глаза Марья Андреевна. — Как восьмого января ушел на работу, так с тех пор и не приходил. Можно только догадываться.

— Поподробнее, пожалуйста! — насторожился следователь.

— Я точно утверждать не могу, но вот вам информация к размышлению: — интимно снизила голос хозяйка, — кое-кто из его ресторана тоже исчез, и тоже восьмого числа. И эта кое-кто — женского пола.

— Нельзя ли без загадок? — нахмурился Долгов. — Кто еще из персонала ресторана исчез восьмого числа?

— Администратор Сюзанна Столетова, — прошептала Марья Андреевна с выпученными глазами.

Она откинулась на стуле, чтобы насладиться реакцией правоохранителя, но он, видимо, не понял намека, поскольку на его лице не дрогнул ни единый мускул. Тогда Марья Андреевна пояснила более доходчиво:

— Они с Сережей любовники. Понимаете? Причем, любовники с приличным стажем. Вот! Все об этом знали, кроме Надюши. А они даже не скрывались. И вот недавно Сережа заявил жене: «Все! Ты мне надоела! Ухожу к ней! Прощай!» Ну не дурак ли? У него жена — красавица, умница, зарабатывает хорошо, сынишка — чистый купидончик. Нет! Ему подавай старуху! Ей-то, сорок три, а выглядит — на все сорок пять!

— Откуда вы знаете, что он заявил жене об уходе? — поинтересовался следователь.

— Своими ушами слышала! Они ругались. А здесь стены тонкие. Так о чем я толкую: вместо того чтобы сказать мужу: «катись на все четыре стороны, на кой черт ты мне сдался,

тем более с такой зарплатой», она кинулась к нему в ноги, типа, делай что хочешь, но только не бросай меня! Ну и вот, когда через несколько дней он не пришел ночевать, она словно тронулась умом. Такая приличная женщина была, а тут ударилась во все тяжкие: начала приходиться пьяная, мятая, измызганная. Хватает телефон и матерится в трубку. Боже! Сколько жила, никогда такого не слышала. Но этого мало. Она дошла до того, что начала мужиков водить.

— Мужиков? Вот это интересно! Пожалуйста, поподробнее. Что за мужики?

— Ну, собственно, я видела только одного, — наморщила лоб рассказчица. — Это было, кажется, на второй, или на третий день после ухода Сергея. Около семи вечера я услышала, как входная дверь открылась и кто-то проследовал в их комнату. Поскольку шаги были мужскими, я подумала, что это Сережа. «Вернулся, ну и вернулся», — подумала я. Сажу, смотрю телевизор. Потом вдруг слышу, как он выходит из комнаты и направляется в прихожую. Я тоже вышла, можно сказать, совершенно случайно. Говорю: «Сережа, тебе звонили с работы». Сережа поворачивает голову, а это не Сережа, а какой-то незнакомый мужик. Спрашиваю: «Вы кто?» А он: «Коллега Нади. Она послала меня за договорами, которые оставила дома».

— Значит, в тот момент ее в комнате не было? — сощурился следователь.

— В тот момент не было.

— С чего же вы взяли, что она водила мужиков?

— Так ведь он вел себя, как в собственном доме. Сразу было видно, что не первый раз в квартире. И потом, первым попавшимся мужчинам женщины ключей не доверяют.

— Логично! — согласился следователь. — А кроме него других мужиков вы не видели?

— Нет! Других не видела, — покачала головой хозяйка. — Мне достаточно и этой хари. У него морда — вот такая, — растопырила пальцы Марья Андреевна. — Ох и матерый мужик.

— А вы у квартирантки спрашивали про этого мужика?

— Да что вы! — замахала руками женщина. — Я от нее вообще пряталась. Ее по вечерам с перепоя клинило. Приходит однажды в первом часу ночи — сама едва на ногах стоит — и заявляет руки в боки: «Ты зачем у меня из шкафа семь тысяч долларов вытащила?» Я как стояла, так и села. Отвечаю: «Если у тебя белая горячка, давай вызову «ско-

рую». Вот ведь как было! — перекрестилась Марья Андреевна. — Еле успокоила ее тогда.

— А те семь тысяч нашлись? — насторожился следователь.

— Да их и не было. У Аресовых больше ста долларов в доме не водилось. Все переводили в банк. Они на эти сто долларов жили месяц, хотя Наденька зарабатывала три тысячи долларов. Но все, что она зарабатывала, шло на счет. Наденька была очень скупой. Экономила даже на спичках. Может, так и надо: она задалась целью накопить на квартиру. Так что, по поводу того, что у нее в шкафу лежала такая сумма, в это, хоть режьте меня, не поверю...

4

Однако Надежда Аресова действительно сняла со счета семь тысяч долларов. Такие сведения дал следователю Московский банк, в котором она хранила сбережения. Согласно присланной распечатке, эту сумму она сняла шестого января, за два дня до пропажи мужа.

«Куда мог подеваться Аресов? — терялся в догадках следователь. — И куда делись снятые со счета семь тысяч долларов?»

Следователь не знал, что первый, к кому обратилась погибшая с просьбой найти киллера, был Курников. Однако он был осведомлен по поводу второго, к кому обратилась Аресова с аналогичной просьбой. Точнее, — второй. Это была ее сердобольная коллега по работе Жанна Рогозина. Приняв Наденькину беду близко к сердцу, Рогозина начала обзванивать своих друзей и знакомых с просьбой найти убийцу для ее лучшей подруги. Пятого января она счастливая и румяная убежала в отдел и на весь этаж завизжала:

— Нашла, нашла! Надька, с тебя бутылка!

Коллеги оторвали от столов головы и пристальными взглядами проводили вышедших в коридор подруг. Весь отдел уже знал, что их милая, нежная Наденька ищет убийцу для любовницы мужа, но никто не воспринимал это всерьез. А между тем, тащившая ее в курилку Жанна, с вытаращенными глазами осведомляла подругу:

— В общем, так: он с Кавказа. Это даже лучше. Назначил встречу у здания речного вокзала. Будет одет в кожаную меховую куртку и черную вязаную шапочку. В правой руке бу-

дет держать газету «Известия». Запомни, что ты должна принести: фотографию и адрес будущей покойницы (чтоб ей пусто было на том свете!), сотовый телефон для связи и новую сим-карту с десятью долларами на счету. О цене договоритесь на месте.

— А какая цена? — задрожал подбородок у Нади.

— Ну... я так думаю, от пяти. Если заломит десять, можешь поторговаться.

5

Шестого января в шестнадцать ноль-ноль Надежда встретила с этим кавказцем, который вызвался убить администраторшу из бара «Робинзон». Киллер был с золотыми зубами и плохо говорил по-русски. Однако условия формулировал предельно ясно.

— Ты Арэсова? — спросил он, делая ударение на второй слог, едва Надежда подошла к зданию Речного вокзала. — Я Нэкалай. Фото ест?

— Да! — засуетилась заказчица и дрожащими руками расстегнула сумочку. — Здесь же, на обратной стороне адрес.

— Тэлэфон!

— Вот, пожалуйста! «Моторола» подойдет? А вот к нему зарядное устройство.

— Как толко дэло здэлаю, пазвану тэбе на мабылу. После этава встрэтимса. Ты прынысошь дэнги!

— Сколько! — встrepенулась Надежда.

— Сэм тысач баксов!

— Но как я узнаю, что вы не обманули.

— Я прэнэсу фото убытай дэвушки.

Надежда вздрогнула, живо представив, как этот тип фотографирует только что расстрелянную жертву. Разумеется, ни о каком торге не могло быть и речи. Да и запросил он не так много.

Надежда развернулась и побежала к метро. Нужно успеть снять со счета эту сумму, поскольку день был предпраздничным, а значит коротким. Разумеется, она не могла видеть, каким насмешливым взглядом проводил ее кавказец. Едва она скрылась с поля зрения, он неожиданно достал телефон, набрал какой-то номер и произнес без всякого акцента:

— Встреча состоялась. Она передала фотографию, телефон и продиктовала номер своего мобильного. Мы договорились, что она принесет деньги после выполнения работы.

— Приблизительные числа обговаривали?

— Нет. Я сказал, что позвоню.

— Правильно. Будь на связи. Пока!

Ровно через минуту в городскую прокуратуру поступил звонок. Тот же голос, который только что разговаривал с кавказцем, потребовал прокурора.

— А кто его спрашивает? — поинтересовалась секретарша.

— Подполковник МУРа Александр Мулявин.

Разговор с прокурором был коротким. Видимо, он уже был в курсе дела.

— Информация о том, что женщина ищет киллера для убийства соперницы, подтвердилась. С ней только что встречался наш сотрудник. Эта Аресова Надежда Владимировна, топ-менеджер известной фирмы «Комус», которая торгует канцелярскими товарами. Она только что «заказала» одну из сослуживец своего мужа по фамилии Столетова, администратора Зеленоградского ресторана «Робинзон». С ней, как нам удалось установить, муж Аресовой уже несколько лет состоит в интимной связи.

— Ну что ж, разрабатываете план по задержанию ее с поличным, — ответил прокурор. — А мы в свою очередь возбудим уголовное дело. Когда вы намерены провести операцию?

— Думаю, сразу после рождества: число восьмого, или девятого. Это зависит от Столетовой. Выйдет она восьмого на работу? Впрочем, есть мысль не ждать окончания праздников, а спрятать ее на праздники, чтобы восьмого она не вышла. Администрация ресторана начнет волноваться, любовник — нервничать. Сделаем так, что мужу Столетовой тоже невозможно будет дозвониться. Так что если поднимется волнение и, директор ресторана заявит в милицию по поводу пропажи своей работницы, нам это только на руку.

— Вряд ли директор заявит, — предположил прокурор. — Слишком мало времени пройдет. Но к чему такая спешка. Бойтесь, Аресова найдет настоящего киллера?

— В том-то и дело! Она дама деятельная и импульсивная. К тому же, как показалось нашему сотруднику, несколько не в себе. От такой можно ожидать все что угодно.

Столетову спрятали. Поэтому версия квартирной хозяйки, что Сергей сбежал с любовницей в Сочи, отпадала. «И все-таки, куда мог деться Аресов? — ломал голову следователь. — По логике, он должен начать разыскивать любовницу».

Но в том-то и дело, что восьмого января, когда Сюзанна не вышла на работу, никто из дирекции заведения не всполошился, как впрочем, никто не повел ухом и из рядового состава ресторана. По словам работников «Робинзона», бармен Сережа в тот день был весел и беспечен, как никогда. По информации технической службы МУРа, герой-любовник восьмого января не сделал ни единого звонка своей возлюбленной ни на домашний телефон, ни на мобильный. И вот он спокойно дорабатывает смену и бесследно исчезает. «Куда, черт возьми? — недоумевал следователь, ходя из угла в угол в своем тесном кабинете. — И еще вопрос, в какой день исчезли деньги, которая покойница сняла со счета?»

Если размышлять стандартно, то первое, что приходило в голову — исчезновение Аресова связано с исчезновением денег. Дома Аресов случайно наткнулся на пачку долларов, и ему пришла мысль прибрать деньги к рукам. Почему нет, после стольких лет существования с затянутым поясом. Имея такую сумму на руках, он мог «заказать» жену, а затем временно исчезнуть. Жена к этому времени была уже ему в тягость. С ее гибелью разрешаются все проблемы. Он избавляется от опостылевшей бабы и становится законным наследником ее накоплений, пятидесяти четырех тысяч долларов, которые лежали на валютном счету жены. А у него самого, как установило следствие, никаких сбережений не было. «Вполне логично. Именно так могло и быть», — хмыкнул следователь.

Однако эта версия имела свои недостатки: во-первых, из-за своей чудовищности, во-вторых, из-за исчезновения заказчика. Если он действительно от страха пустился бега, то тем самым себя выдал.

Впрочем, у следователя была еще одна версия, менее фантастичная: Надежде Аресовой чем-то не понравился киллер-кавказец. И она находит другого. Другой исполнитель пытается честно выполнить работу, однако не может найти

жертву, поскольку ее надежно спрятали товарищи из МУРа. Он знает, что женщина сняла со счета семь тысяч долларов и решает их присвоить. Чтобы замести следы, он ее убивает. Затем убивает ее мужа, поскольку муж мог заявить в милицию о том, что с убийством жены исчезли снятые со счета семь тысяч долларов.

Эта версия ближе к жизни, но и она имела недостатки. В первую очередь потому, что труп Аресова до сих пор не был обнаружен? Во вторую очередь потому, что Аресов исчез раньше, чем погибла его жена. А вот деньги, кажется, исчезли позже. Хотя, возможно, что и одновременно...

Следователь знал об операции муровцев. Более того, он даже прослушал разговор мнимого киллера с заказчицей. Заказчицу можно было понимать двояко. Киллер позвонил ей девятого января в половине первого дня. У него уже было фото убитой Сюзанны. Она лежала в неловкой позе на снегу, уткнувшись щекой в асфальт. На ее лбу зияла черная рана, под головой — лужа крови, вытекшей изо рта. Рану на лбу сделали косметологи, кровь заменили томатным соком. Получилось настолько натурально, что Сюзанна вздрогнула при виде собственной фотографии.

— Дэло сделано, — произнес мнимый киллер, набрав мобильный Аресовой. — Фото ест. Прывазы капусту!

— Во сколько и куда! — спросила Аресова дрожащим голосом.

— Туда же, сэводна, к сэмы.

— Хорошо! — ответила Аресова и прервала связь.

Только в тот день к семи вечера к зданию Речного вокзала, где уже находилась в засаде оперативная группа с видеокамерой, она не подъехала и на звонки больше не отвечала. Телефон у нее был включен, это факт. По всей видимости, по определителю номера, она знала, кто ей звонил, но сама не отвечала. Были у нее на тот момент деньги, или уже не были? По тем трем словам, произнесенной ею в трубку, определить было невозможно.

«Вот задали задачу супруги Аресовы», — подумал следователь, и в кабинет вошел оперуполномоченный со сводкой в руках.

— Ну что? — метнулся к нему Алексей Петрович. — Бесхозные трупы есть?

— Нет! — покачал головой опер. — Вот выписка за две недели, начиная с восьмого января. Ни в области, ни в Мо-

скве на данный момент неопознанных трупов нет. Были два трупа. Но их опознали родственники.

— Черт! — щелкнул пальцами следователь. — Неужели он смылся? Смотрел список авиапассажиров, улетающих за рубеж?

— Да, Алексей Петрович, — кивнул опер. — Каждый день отслеживаю. Фамилии Аресов среди пассажиров не значится.

— Продолжай отслеживать, — приказал следователь. — Хотя интуиция мне подсказывает, что это не то направление, в котором нужно копать. Кстати, фоторобот того фигуранта, которого видела хозяйка, составлен?

Оперуполномоченный вытащил из папки лист и протянул начальнику. Тот долго с серьезным видом вглядывался в листок, затем расхохотался:

— По такому фотороботу можно задерживать каждого третьего мужика. Это не лицо — это среднестатистический мужской стандарт.

— А что вы хотите? — скривил губы оперуполномоченный. — Ну не сильна тетка в фантазиях.

— Считаешь, Саша, что никакого мужика не было? — хитро сощурился следователь.

— Конечно, не было! — радостно закивал опер. — Есть только ее эротические фантазии! Это надо понимать. Тетеньке пятьдесят лет, старая дева, мужики ей мерещатся везде. Ну, посудите сами, Алексей Петрович, описать его не может, только общими словами. Когда приходил — не помнит, то ли восьмого, то ли девятого. Но восьмого — это одно. В тот день Аресова была на работе, и она теоретически могла кого-то послать домой за документами, а девятого — это совсем другое. На работе ее не было. Тогда откуда она могла послать? И вот тут еще одна нестыковка: по другим данным Мария Андреевна утверждает, что девятого квартирантка как бы не приходила домой ночевать.

— Значит, это было восьмого, — произнес следователь. — Что говорят в «Комусе»? Каким мужчинам она доверяла ключи от квартиры.

— Да никаким! А знаете почему? Потому что у них нет в отделе мужчин.

— Я так и думал, — махнул рукой следователь и впился глазами в сводку. Быстро скользнув по ней взглядом, он внезапно замер. — О боже! Бывает же такое? — пробормотал он.

— Что-то не так? — насторожился опер.

— Ты, Саша, веришь в мистику? Обратил внимание на взрыв в Сергиевом Посаде? В ночь на четырнадцатое января от взрыва газа произошло разрушение одной из квартир на первом этаже. Погибли сорокадевятилетняя Карина Гефесова и ее двадцативосьмилетний сын инвалид Геннадий Гефесов. Как установила экспертиза, смерть у обоих наступила от отравления газом примерно около двенадцати ночи. К моменту взрыва, который прогремел в час пятнадцать, когда в подъезд вошел сосед с горящей сигаретой, они уже оба были мертвы. Сосед, кстати, не пострадал.

— И в чем мистика? — удивился опер.

— В дате рождения этого инвалида. Посмотри, он родился пятнадцатого февраля 1976 года, как и Аресова. А умер в ночь на четырнадцатое января 2004 года, тоже как Аресова, можно сказать, минуту в минуту.

— Ну и что? — скептически пожал плечами опер. — Случайность! Кстати, пропавший муж Аресовой тоже родился пятнадцатого февраля 1976 года. По вашей логике, он тоже должен умереть в ночь на четырнадцатое?

— Кто его знает? — почесал затылок следователь и задумался. — Аресов, Аресов... Гефесов... М-да, — пробормотал он себе под нос. — Послушай, Саша, кем был Арес по греческой мифологии? Богом войны, что ли?

— Вроде того, — зевнул опер.

— А Гефест типа кузнеца? Я вот не помню. Гефест с Аресом были как-нибудь связаны? Ну, Гефест ему меч какой-нибудь крутой выковал, или доспехи.

— Насчет меча ничего сказать не могу, — усмехнулся опер, — но рога Гефесту Арес наставлял. Как сейчас помню. Мне это запомнилось в пятом классе на уроки истории. Гефест был женат на богине Афродите. По ночам Гефест любил работать в кузнице, а Арес, видя такое дело, стал похаживать к его жене, ну, пока муж кует мечи и орала. Гефест об этом узнал и выковал какую-то хитрую сеть. Однажды Арес пришел к Афродите, подлег к ней в постель, и тут на них упала сеть. Гефест прибежал, поднял на ноги весь Олимп, но Зевс приказал выпустить любовников и запретил им мстить.

— Странно, — пробормотал следователь. — А мне почему-то в пятом классе ничего не запомнилось. Ну и чем закончилось? Гефест подал на развод? А Арес с Афродитой удрали на Канары?

— Нет! — покачал головой опер. — Арес, насколько мне помнится, после этого с досады развязал какую-то кровопролитную войну, а по поводу дальнейших отношений Афродиты и Гефеста мифы безмолвствуют.

Следователь с минуту молчал, погруженный в свои мысли, затем словно очнулся:

— Ладно, Саша, иди! Продолжай отслеживать трупы. Особенно в Подмоскowie. Если появится бесхозный, сразу вызывай из Сергиева Посада родителей Аресова.

7

Алексей Петрович Долгов не верил в мистику. Однако происшествие в Сергиевом Посаде произвело на него впечатление. Он снова взял сводку и перечел.

— М-да, бывает же такое! Аресов, Гефесов. Родились в один день и год. Арес наставлял Гефесу рога... Чертовщина какая-то.

Внезапно в глазах потемнело, и Долгов четко расслышал, как над головой кто-то жутким полусшепотом произнес:

— А говоришь, от искусства давно отошла. Однако же так вжилась, что не хочешь уходить.

Следователь вздрогнул и испуганно оглянулся. Мрак мгновенно развеялся. Над ним никого не было, да и не могло быть. Мог бесшумно войти опер и встать за спиной, но не мог обратиться к нему, как к женщине. Да и причем здесь искусство?

Следователь почувствовал, как по спине прошел холодок, и волосы как-то жутко зашевелились. Он выскочил из-за стола, и ему впервые в жизни захотелось перекреститься, хотя он был человеком неверующим. «Что это со мной? — удивился Долгов. — Неужели крыша едет?»

Алексей Петрович зажмурил глаза и сильно затряс головой. Но это не помогло. Тогда он подскочил к столу, схватил сводку и разорвал ее на мелкие клочки. Стало легче. Он приложил ко лбу ладонь и понял в чем дело: ага, затемпературил. «Где меня так просквозило? — удивился следователь и выбежал из кабинета вон. — Сейчас срочно домой. Нужно выпить аспирина и наложить на ноги горчичники. А всех этих Гефесовых и Аресов выбросить из башки...»

Долгов очень бы удивился, если бы узнал, что это так напугавшая его фраза действительно была произнесена. Она

была произнесена тем самым инвалидом из Сергиева Посада в ночь на четырнадцатое января, причем за полтора часа до взрыва газа. Стрелки часов показывали без четверти двенадцать. Мать уже спала, отвернувшись к стене. Только сын задумчиво сидел под тусклым торшером, держа в руках ножницы и толстый лист фольги. Однако он ничего не резал, а с серьезным лицом смотрел в темноту и чутко ловил какие-то звуки.

Он слышал голоса, но голоса его не пугали. Напротив, когда голоса проваливались, подобно волнам не настроенного радиоприемника, это вызывало досаду.

— Долго мы будет идти? Я устала, — говорил женский, немного капризный голос.

— Еще немного. Еще каких-то два этажа, — отвечал мужской, немного бубнящий голос.

Руки инвалида разжались. Ножницы и лист фольги полетели на пол. Ударившиеся об пол ножницы издали звон, но не разбудили матушки. Она только дернулась во сне и что-то невнятно пробормотала. У инвалида перехватило дыхание, когда он услышал отчаянный крик женщины:

— Нет! Я раздумала! Оставьте меня! Идите к черту! Не трогайте меня, козлы!

Испарина выступила на мраморном челе детины. Он обтер рукавом лоб и судорожно вздохнул. А женский голос уже срывался на крик:

— Алло, Леша! Спаси! Меня хотят убить менты из МУРа!

Вот тогда-то инвалид и произнес зловецким полусшепотом эту фразу, так напугавшую следователя:

— А говоришь, от искусства давно отошла. Однако же так вжилась, что не хочешь уходить.

Сразу после этих слов детина подкатил коляску к полке, на которой когда-то стояли жених с невестой. Но жених, уже не стоял, а лежал лицом вниз, а рядом с невестой по бокам стояли два громадных мужика. Инвалид потянулся к невесте, но не смог ее достать с первого раза. Тогда он повернул голову к матери, чтобы разбудить ее, но тут увидел, притулившуюся к стене швабру. Подкатив к ней, инвалид жадно схватил швабру и тотчас ловко сбил ей невесту. Когда фигурка слетела на пол, инвалид с мстительной ухмылкой наехал на нее и после этого поднял глаза на античную женщину с мечом.

— Ты должна быть довольна, сестра Афина, — произнес он хрипло, и вдруг глаза его наполнились слезами.

Инвалид во второй раз повернул голову к матери, чтобы разбудить, но внезапно переменял решение. Он решительно покатил коляску в сторону прихожей. Коляска не проходила через дверь. Инвалид ловко соскользнул на пол и пополз на кухню. Он добрался до газовой плиты и открыл все конфорки. Форточка была открыта. Бедняга начал метаться по кухне в поисках предмета, с помощью которого ее можно было захлопнуть. Но как назло ничего подходящего не попадалось. Пришлось вцепиться в батарею, затем — в подоконник, следом — в ручку окна. Легкое движение, и форточка была захлопнута.

И тут инвалид сообразил, что стоит на собственных ногах. Он оторвался от подоконника и сделал шаг. Нет! Это не сон. Он действительно движется без помощи инвалидной коляски. «Забавно, — улыбнулся детина, широко расставив руки, чтобы в случае падения удержаться за стену. — Я хожу? Невероятно».

Сошло семь потов, прежде чем он добрался до своей коляски. Причем, добрался на своих двоих и за все время пути только дважды оперся о стену. «Я могу ходить, — радостно выбивало сердце. — Какое счастье! За что оно мне дано?»

Он, обессилев, плюхнулся в свое кресло и блаженно закрыл глаза. Разбудить мать? Вот обрадуется. Он покатил было к ней, но внезапно вспомнил, что на кухне пущен газ. «Надо перекрыть газ и открыть форточку, — подумал он. — Вот сейчас немного отдохну, встану и отправлюсь на кухню. Вот сейчас, сейчас... еще одну минуточку... Только переведу дыхание... Неужели я хожу? Какое счастье».

Инвалид расслабленно откинулся на спинку кресла и растянулся в улыбке.

«Еще только одну минуточку. Только бы не заснуть...»

8

В начале февраля группа старшеклассников из Лобни шла по лесу на лыжах. У замыкающего внезапно растянулось крепление.

— Пацаны, подождите! — крикнул он. — У меня лыжа слетела.

Однако никто не оглянулся. В группе из десяти человек были две девчонки и восемь пацанов. Кто услышит чаяния пацана, когда рядом девчонки.

— Черт с вами, — пробормотал парнишка и, присев на лыжню, принялся острием палки счищать налипший на резину снег.

И вдруг в полуметре от себя он увидел выглядывающий из-под снега ботинок. Несмотря на то, что он торчал подошвой вверх, юного лыжника поразила, что ботинок было не только модным, но и почти новым. Самым невероятным было то, что никто из пробежавших его не заметил, иначе над ботинком непременно бы прикололись.

Лыжник пнул ногой бесхозную обувь и вдруг с ужасом увидел, что ботинок лежит не сам по себе, а надет на чью-то ногу. Только после этого парнишка заметил, что снежный бугорок, из которого торчал ботинок, подозрительно напоминал человеческий силуэт. Мальчишка так закричал, что качнулись верхушки сосен. Убежавшая вперед компания с удивлением обернулась.

— Карась тебе чё, кабан примерещился? — загалдели они. — Да нет здесь кабанов. Прикололась класснуха.

— Пацаны, здесь кто-то лежит! — прошептал с выпученными глазами Карасев и, оставив на снегу лыжу, попятился назад.

— Ты чё, прикалываешься, — заволновались пацаны и начали разворачиваться.

Только обе девчонки остались на лыжне. Парни подъехали, потыкали палками бугорок, смахнули снег и попятиться. Под сосной, действительно лежал труп, причем ни какого-то бомжа, а молодого парня. Он лежал лицом вниз и был страшен в своей неестественности. Мертвый был одет в джинсы и синюю куртку «Аляска» с меховым капюшоном. Дальше раскапывать не стали. Рванули наутек, оставив девчонок по другую сторону трупа. Те начали вопить и звать на помощь, не решаясь проскочить мимо этого страшного места.

Отбежав метров на пятьдесят, парни начали соображать. Во-первых, нужно было успокоить девчонок. Иными словами, нужно было за ними сгонять, а затем под конвоем провести мимо трупа. Во-вторых, нужно сообщить в милицию.

Мальчишки порылись в карманах, и ни у кого не оказалась сотового телефона.

— У меня есть! — крикнула одна из девочек и для наглядности достала его из куртки.

— Так звони скорее в милицию! — загалдели пацаны.

— Хитрые какие! Я лучше позвоню папе...

Через час на этом месте уже был наряд милиции. Труп решили не трогать до приезда экспертов, а пока составляли протокол. Главным свидетелем был ученик шестого класса третьей Лобненской школы Алексей Карасев. Он в деталях рассказывал всем интересующимся, как увидел ботинок, и как пнул его ногой, а потом, чуть не умер от страха, увидев ногу. Его товарищи одобрительно кивали, и единодушно подтверждали, что Карась действительно чуть не умер от страха.

Приехавшие эксперты смели щеточками снег, и все увидели, что у убитого проломлена голова. Это был молодой парень лет двадцати пяти, светловолосый, симпатичный. Даже смерть не обезобразила его. Несмотря на проломленную голову, его лицо было спокойным, глаза закрытыми. Только рот немного искривлен. Никаких документов при нем не обнаружили.

— Ну что, грузим и везем в морг, — спросил милицейский лейтенант у главного эксперта.

— Подождите! Еще сделаем несколько снимков для прессы.

Однако снимки убитого не успели разместить в газетах. Как только на следующее утро оперуполномоченный Александр Панамарев прочел в сводке о найденном в Лобненском лесу теле, немедленно позвонил в Сергиев Посад родителям Аресова.

— Опишите, какой он? — дрожащим голосом попросил отец. — Какого роста, какой цвет волос, сколько лет? Мой сын выглядит моложе своих двадцати восьми.

— Извините, но я ничего не могу сказать по этому поводу, поскольку сам не видел, — вздохнул в трубку опер. — Тело лежит в Лобненском морге. Приезжайте в городскую прокуратуру, и мы вместе поедem в Лобню.

9

В этот же день найденный школьниками труп был опознан. Убитым действительно оказался Сергей Аресов. По данным экспертов, ему проломили голову тяжелым предметом приблизительно месяц назад. Никакого сопротивления погибший не оказал, видимо, удар по голове был неожиданным. Так же эксперты установили, что беднягу убили не в

лесу, а в другом месте. В лес, по всей видимости, его привезли для того, чтобы замести следы.

— Итак, — соображал следователь, — теперь мы точно знаем, что его убили раньше жены, и раньше пропажи денег. Это раз. Его убили целенаправленно, а не случайно, возможно «по заказу». Это два. И самое главное, теперь мы точно знаем, что его убили не из-за денег. Это три.

— Если не секрет, из чего это вытекает? — вытаращил глаза оперуполномоченный.

— Из моего серого вещества, — постучал по лбу Долгов.

— Вы сказали, по заказу? Но кому нужна его смерть?

— Если убили, значит кому-то нужна. Ну, хотя бы, мужу его любовницы. Он человек богатый, влиятельный, и теоретически мог себе позволить физическое устранение соперника.

— Новая версия! — оживился опер. — Неожиданный поворот, Алексей Петрович. Но ведь нам известно, что его в это время в Москве не было.

— Вот это меня и навело на мысль о муже. При устранении фигуранта исполнителем присутствие заказчика не обязательно. Так что интуиция мне подсказывает, нам надо искать того типа, которого Марья Андреевна видела у себя в квартире. Теперь, когда известно, что Аресова убили, явление неизвестного мужчины в ее квартире — не эротическая фантазия старой девы. Словом, будем искать.

— По фотороботу? — ухмыльнулся Понамарев.

— И по нему тоже, — сдвинул брови Алексей Петрович. — Кстати, доставай его из сейфа и езжай в Зеленоград. Обойди все квартиры того дома. Мне кажется, наши Зеленоградские коллеги не очень тщательно поработали с жильцами. Пьяную бабу затащили на двадцать второй этаж, и нет свидетелей? Так не бывает. Наверняка она кричала и звала на помощь. Я не верю, что никто не слышал. Понимаю, народу в такой час по Зеленограду ходит мало, однако ночь была праздничной, значит, люди на улице были. А если были, то видели машину.

— Какую машину? — удивился опер.

— Ту, на которой привезли жертву. Не пешком же они притопали. Раскинь мозгами: если Аресова была в умат, то прийти на своих двоих она просто не могла физически. И вот что еще меня интересует, почему ее привезли именно в этот дом, а не в другой? Словом, езжай и работай! А я займусь муравьями.

- Теми самыми, которые убили Аресову?
— Возможно. Подозреваю, что на тех муровцев покойница вышла с легкой руки Рогозиной.

10

Начальство МУРа просило не трогать Жанну Рогозину до задержания Аресовой с поличным. Несмотря на то, что Аресова погибла, табу на допрос с Рогозиной продолжал оставаться. Чтобы не испортить отношения с коллегами из угро Долгов решил побеседовать с ней без протокола. Вызов по повестки мог только испортить дело. Если она действительно связана с МУРом, то замкнется, и откровенного разговора не получится.

Долгов дождался, когда она выйдет из «Комуса» и преградил ей дорогу. Вежливо представившись, показал удостоверение и строго сдвинул брови. В ее глазах отразился испуг.

— Прошу ко мне в машину, — деловито произнес Долгов, указав на черную «Волгу».

Девушка съежилась и покорно проследовала, куда ей указали. «Что-то не похоже, что она сотрудничает с МУРом», — подумал следователь прокуратуры и завел машину.

Всю дорогу она сидела с опущенной головой, молчала и слегка всхлипывала. Долгов незаметно наблюдал. Когда он затормозил в безлюдном месте, она принялась удивленно озираться. Затем вопросительно уставилась на следователя.

— Ну что? Все расскажем здесь, или поедем в следственный изолятор? — строгим голосом спросил Долгов, едва удерживаясь от смеха, поскольку ее глаза были круглы от страха.

— Что вас интересует? — судорожно выдавила она.

— Расскажи, как ты искала киллера для своей подруги.

Рогозина метнула отчаянный взгляд на собеседника и уткнулась взглядом в собственные туфли. Около минуты она тряслась, затем жалобно попросила:

— Не сажайте меня в тюрьму. Я больше не буду.

— Больше не будешь искать убийц? — уточнил Долгов. — Ближе к делу: как ты вышла на киллера?

Собеседница затрепетала, как лист на ветру.

— Я не виновата. Меня Аресова попросила. Кто же знал, что так получится?

Последние слова Рогозина произнесла рыдая. Она долга не могла успокоиться. Громко завывала и сморкалась в платочек. Терпение Долгова иссякло.

— Как ты нашла киллера? — вскричал он.

— Я позвонила своему другу, Армэну. Он сказал, что поговорит со своими друзьями. Через два дня мы встретились, и он сказал, что есть человек, готовый выполнить эту работу по стандартным расценкам.

— Как давно ты знакома с Армэном? — заинтересовался следователь.

— Мы познакомились в китайском ресторане на Соколе. Это было... где-то за неделю до этого.

— Что? — не поверил ушам следователь. — Вы были знакомы неделю, и ты сразу попросила найти его киллера?

— Ну, не сразу, — смутилась Рогозина. — И потом, я не только его просила. Перед этим я обзвонила всех своих подруг и друзей. Правильно говорят, на что только не пойдешь, лишь бы любимая подруга была счастлива...

Долгов понял все. Ни с каким МУРом Рогозина не сотрудничала. Просто классическая сердобольная дура, задавшаяся целью помочь любимой подруге. И как это обычно бывает, сразу напоролась на информатора из МУРа. Ими, кстати, забиты все китайские рестораны Москвы. Также стало ясно, почему муровцы, попросили не трогать Рогозину. Они хотели обработать ее, чтобы сделать своим сексотом. Однако время не было потрачено зря. Рогозина оказалась чрезвычайно болтливой, и рассказало то, что жаждал услышать следователь.

— Наденька поделилась со мной, что очень беспокоится, что убийство администраторши может дать обратный эффект, — зашебетала Рогозина после того, как следователь пообещал ее не сажать. — Муж от горя пустится во все тяжкие, и быстро найдет замену. У мужчин — это мигом. А если он заподозрит, что это дело рук жены, то возненавидит ее навсегда. Смерть любовницы не пробуждает любви к жене. Любовь к жене пробуждают лишения и невзгоды. Только тогда мужчина начинает ценить потерянный рай.

— Любопытно, — хмыкнул следователь, еще не понимая, к чему клонит девушка. — И что же она придумала?

— Наказать мужа! — перешла на полушепот Рогозина. — Точнее, поместить его на некоторое время в среду, где терпят нужду и лишения. Короче говоря, посадить в тюрьму.

— Во как? — удивился Долгов.

— Ну да! На пару лет! — преданно хлопнула глазами деаушка. — За это время Наденька бы купила квартиру, а Сергей, посидев среди уголовников, быстренько бы заценил домашний очаг и семейный уют. Он вернулся бы из тюрьмы, и все посторонние женщины мигом бы вылетели из его головы.

— Остроумно! — усмехнулся следователь, представив себя на месте Аресова. — Ну и как она намеривалась посадить его в тюрьму.

Рогозина тревожно повертела головой и перешла на шепот:

— У нее был один знакомый муровец из «убойного» отдела. Зовут Сашей. Тоже, по-моему, живет в Зеленограде. Но я не уверена. Знаю только, что он каждый день подбрасывал ее до работы. Так вот, Наденька его попросила, чтобы он подкинул ее мужу наркотики, чтобы было из-за чего посадить его в тюрьму, и даже дала денег на героин.

От такого сообщения на лбу у Долгова выступила испарина.

— Как выглядит тот муровец?

— Не знаю, — пожала плечами Рогозина. — Я его ни разу не видела. — Только видела его белую «девятку», и то из окна. На номер, разумеется, внимания не обратила.

— Что еще рассказывала Аресова про муровца? — заволновался следователь. — Друг у мента был?

— Нет! — покачала головой Рогозина. — Насчет друга Наденька ничего не говорила. Только говорила, что этот Саша из «убойного» отдела от нее без ума. И зовет ее замуж...

11

«Все-таки, муровец, — соображал Долгов. — Зовут Сашей. Ездит на белой «девятке». Перед смертью Аресова прокричала по телефону институтскому другу, что ее хотят убить именно муровцы. Неужели вправду это дело рук зарвавшихся господ с Петровки?»

Что это дело не обошлось без сотрудников милиции, свидетельствовало и то, что накануне в квартиру Аресова приходил участковый. Раньше этот факт Долгов пропустил мимо ушей, но с вновь открывшимися обстоятельствами пришлось сделать запрос в Зеленоградское УВД. Ответ был ошеломляющий: в тот день участковый не мог делать обход, по-

сколько находился на больничном. «Что это, разведка боем? — соображал Долгов. — Похоже на то!» Все говорило о том, что мента интересовали только Аресовы. Участковый побывал в четырех квартирах, но с другими он перекинулся парой слов, а Марию Андреевну расспрашивал более десяти минут.

Версия складывалась сама собой. Муровцы, зная, что Аресова сняла со счета семь тысяч долларов на киллера, решили завладеть ее деньгами. Чтобы не было шума, хозяйку убрали. Но кто в таком случае убил ее мужа?

«А вдруг Аресова решила их кинуть? — осенило Долгова. — Подставной киллер честно выполнил работу, а заказчица отказалась платить. Она, как известно, была скупа. Вот за это ее и кокнули менты поганые».

Следователь закурил и подошел к окну. «Нечего ломать голову, — подумал он. — Через час явится оперуполномоченный и расскажет все про того Сашу на белой «девятке», который работает в «убойном» отделе МУРа».

Через час оперуполномоченный действительно явился, но никакой ясности не внес.

— В «убойном» отделе работает только один Саша, — доложил он. — Но, во-первых, он не подходит по возрасту: ему двадцать три года, а не тридцать, во-вторых, у него машины нет.

— А у кого-нибудь другого в этом отделе есть белая «девятка»? — поинтересовался следователь. — Имя-то, скорее всего, вымышленное.

— В том-то дело, что ни у кого, — развел руками опер. — Сотрудники «убойного» отдела ездят исключительно на иномарках.

— Это точно? — сощурился следователь.

— Откуда я знаю точно, Андрей Петрович? Что мне сказали, то и передаю. Мне ведь документальных подтверждений не представляли.

— На иномарках, значит? — проворчал следователь. — А жалуются, что платят гроши. Откуда, спрашивается, у них деньги на иномарки? Ну а ты спрашивал, кто у них из нештатных сотрудников ездит на белой «девятке»?

— Да кто же мне скажет про нештатных сотрудников? — засмеялся оперуполномоченный.

— Верно. Добровольно никто не скажет, — нахмурился Долгов. — Придется готовить официальный запрос через генпрокуратуру. Это дело геморройное и, по-моему, также

бесперспективное. Мы только испортим отношения с Петровкой. Но зато наша совесть будет чиста.

Однако запрос писать не пришлось. К вечеру Долгову позвонил замначальника МУРа Андрей Коржиков.

— Насколько я понял, Алексей Петрович, вы ищете оборотней среди наших сотрудников? — ехидно спросил он.

— Ищу! — чистосердечно ответил Долгов и рассказал все как есть.

Офицер внимательно выслушал, затем произнес:

— Могу поручиться, среди наших сотрудников киллеров нет. Я понимаю, что сейчас модно разоблачать оборотней, но нельзя же свои версии строить на болтовне черт знает кого. Я бы на вашем месте, не принимал на веру то, что говорят мужчины красивым женщинам. Кстати, — осенило мента. — Есть такие бандиты, у которых бзик представляться сотрудниками милиции. Побеседуйте с нашим оперуполномоченным Степановым из отдела по борьбе с автоугонями. Он вам расскажет про одного Ростовского товарища, который представлялся сотрудником РОБОПа. Причем, товарищ был неоднократно осужден за это, однако первое, что делал, выходя на свободу, снова заказывал себе милицеские корочки.

— А откуда ваш Степанов знает про Ростовского товарища? — поинтересовался Долгов.

— Он родом оттуда. Работал в областной прокуратуре у следователя Замятина. Слышали, наверное? Знаменитый следователь. Специалист по серийным убийствам.

— Кажется, слышал, — неохотно ответил Долгов. — Что ж, вы меня заинтриговали. Давайте телефон вашего Степанова. Чем черт не шутит?

12

Оперуполномоченный из отдела по борьбе с автоугонями оказался словоохотливым. Минута разговора, и Долгов уже знал, что фамилия неоднократно судимого за подделку милицеских документов Дубинин, а имя Александр.

— Значит, звать Александром? — повторил следователь. — Интересно. Нашего фигуранта тоже зовут Александром.

— Работал в автосервисе, — продолжал Степанов. — Названия не помню. Да это и не важно. Мы подозревали его в соучастии преступлений серийного убийцы Геннадия Зато-

чина, который ныне отбывает пожизненный срок. Однако доказать причастность не смогли.

— Что послужило поводом для подозрений? — поинтересовался Долгов.

— Мы нашли в машине одной из жертв поддельный паспорт с его рожей. Паспорт был на имя... дай бог памяти... то ли Чукчева, то ли Нанайцева. Хотя, нет! Якутова!

В это же вечер в архив Ростовского УВД был сделан запрос. Когда по факсу прислали ксерокопию паспорта на имя Якутова, опер вытарачил глаза.

— Алексей Петрович, вы в мистику верите? Одно лицо с нашим фотороботом.

— Похож, — согласился Долгов. — Но сомневаюсь, что это он.

13

Дубинина начали пробивать по всем пунктам. Выяснилось, что он уже больше года не работает в Ростовском автосалоне «Рено». Уволился из-за конфликта с начальством. Где он, и чем занимается сейчас, неизвестно.

Долгов послал телефонограмму с просьбой сообщить сведения о его семье. Домашний адрес узнали, о семье сообщили. У него жена и двенадцатилетний сын. Но с женой он развелся полтора года назад и уехал из Ростова. Куда? Неизвестно.

— Вот оно как! Просто, концы в воду. Хоть в федеральный розыск объявляй, — посетовал следователь.

— А что, это мысль! — поддержал опер.

— Пока рано, — покачал головой Долгов. — Давай, оформляйся в командировку в Ростов. Поговори с его с женой. Пусть расскажет о бывшем муже все. Первым делом поинтересуйся, где он может быть? Хотя бы приблизительно. Выведай о его пристрастиях, привычках, друзьях. Спроси, почему разошлись? Ну и так, по мелочам. А главное узнай, есть ли у него белая «девятка»? Потом пороешься в Ростовском архиве. Посмотришь, не случались ли похожие убийства в Ростове. Ведь это какое терпение нужно иметь, чтобы втащить невменяемую женщину на двадцать второй этаж для того, чтобы столкнуть вниз.

Через два дня оперуполномоченный вернулся в Москву. По его кислому виду Алексей Петрович понял, что ничего из ряда вон выходящего о фигуранте узнать не удалось.

— Жена не знает, куда он уехал, — развел руками опер. — Даже приблизительно сказать не может. Родственники у него все в Ростове, так что, черт его знает? Белой «девятки» у них нет, и никогда не было. Есть «Рено». Но авто при разводе досталось жене.

— Из-за чего развелись? — спросил Долгов.

— Жена сказала, что не сошлись характерами. Но по тому, каким тоном она это сказала, я понял, что он ее чем-то сильно достал.

— Чем? Пил, дрался?

— Нет! Он не особо пьющий. Выпивал, как все, по праздникам. А так, не злоупотреблял. Дубинин, по ее словам, был занудой. Вечно скулил, жаловался. Словом, нуждался в том, чтобы его ежеминутно жалели. Так я понял. Его сентиментальность крайне раздражала жену, потому что на вид он здоровее Самсона. Одной левой свалит быка. Но по натуре он чрезвычайно инфантилен. Да! Вот что интересно: у него всегда были проблемы с друзьями. Он без конца вспоминал какого-то приятеля, иногда даже со слезами на глазах. Этот друг, якобы, погиб, но оставил в память о себе фотоаппарат. Однажды сын взял его поиграть, так отец его чуть не убил.

— Понятно, голубой, — вздохнул следователь.

— Нет, Алексей Петрович. Я спрашивал об этом жену. Она уверяет, что нормальная у него ориентация. В последние полгода их совместной жизни у него появился новый друг. Он говорил жене, что его Бог послал ему взамен старого. Жене, в конце концов, это надоело, и она указала на дверь. Ну, какая баба потерпит, если муж ставит друзей выше семьи.

— Значит, они разошлись из-за друга?

— Почему? Не только из-за друга. Я спрашивал у нее. Она заявила, что нет. А из-за чего конкретно, не сказала. Видимо, сама не знает. Ответила неопределенно, типа того, что в последние годы уже не могли друг друга выносить.

— Вот ведь как запутанно, — скептически скривился Долгов. — Ну а друг тоже исчез?

— Этого она не знает.

— А как фамилия друга? Где живет, чем занимается?

— Также не знает. Единственно, что ей известно, что его зовут Дмитрием, и что он был осужден за кражу.

— Так-так-так! Уже теплее, — потер руки следователь. — Ну, а какой он из себя?

— По ее словам, такой же мордатый и пузатый, только еще противнее, чем муж, и на полголовы ниже. А так — как близнецы-братья.

— Зачем тогда было замуж выходить, если он такой противный? — покачал головой Долгов. — Фотографию друга не спросил?

— Спросил. Фотография была. Но она ее порвала.

Что касается аналогичных убийств в Ростове, то ничего похожего опер в Ростовском архиве не обнаружил. Впрочем, следователь мог дать палец на отсечение, что подчиненный в него даже и не залезал.

— Итак, — произнес Долгов, приготовив для загиба пальцы, — что мы имеем на данный момент? Имя, фамилию и фотографию предполагаемого убийцы. Однако не имеем данных о его месте пребывания. Еще мы знаем, что у него есть друг, который вполне мог быть соучастником. Но у нас нет ни единого доказательства об их причастности к убийству Аресовых. Ну и какие, Саша, наши дальнейшие действия?

Опер растерянно пожал плечами и неуверенно произнес:

— Может, объявим в федеральный розыск?

— На основании чего? Догадок? — спросил следователь.

— Сомневаюсь, что дадут санкцию. А если окажется, что Дубинин живет где-нибудь во Владивостоке?

На этом разговор закончился. Оперуполномоченный отправился к себе, а следователь сел за стол и обхватил руками голову. Нужно было разработать дальнейший план действия, но тут опять вспомнилась сводка о погибших Гефесовых в Сергиевом Посаде. Конечно, никакой связи с трагической судьбой Аресовых здесь не было, но почему-то сделалось жутко.

В эту секунду кабинет разорвал телефонный звонок. Долгов вздрогнул и снял трубку. Звонили из Зеленоградского УВД.

— Алексей Петрович, это оперуполномоченный из отдела дознания, Ковров. Я нашел свидетеля, который видел тех, которые сопровождали Аресову на двадцать второй этаж.

— Что? — подпрыгнул в кресле следователь. — Свидетель жилец этого дома?

— Нет, Алексей Петрович. Он снимает в этом доме квартиру. Но в ней не живет.

— Тогда зачем снимает? — удивился Долгов.

— Чтобы водить женщин. Свидетель тоже работает в ресторане «Робинзон» официантом. В тот вечер в половине двенадцатого он спускался с женщиной по лестнице.

— А почему не на лифте? — удивился Долгов.

— В целях конспирации, Алексей Петрович. Как-никак женщина замужняя.

14

Женщина, с которой встречался Стас Баранов более пяти лет, была замужем за одним известным Зеленоградским предпринимателем: полукommerсантом, полубандитом. Если бы Аресов когда-нибудь увидел ее со Стасом, то от удивления лишился бы дара речи. Эта была та самая Полина, которую Сюзанна подсунула ему в сауне.

Полина, будучи замужней женщиной (а замуж она вышла в семнадцать лет), без любовников не представляла жизни. Ее стратегическим любовником был питерский партнер мужа Всеволод Кочанов, которого она звала «папиком». Сначала «папик» не доставлял хлопот, потому что большую часть времени проводил в Питере. Но, узнав, что у его юной возлюбленной кроме него имеются еще два любовника, начал устраивать сцены ревности и грозить, что все расскажет мужу. Сорокапятилетнего мужа Полина не любила, однако терять не хотела, поэтому ей ничего не оставалось, как познакомиться «папика» со своей разведенной подругой Сюзанной. Знакомство оказалось удачным. Через три месяца «папик» сделал ей предложение и, наконец, оставил Полину в покое.

Сюзанна в знак благодарности познакомила Полину с официантом Стасом Барановым, который был известным бабником. Полина, коллекционирующая мужчин, как бабочек, питала слабость к классическим бабникам.

Но однажды Полина увидела Сюзанну с молодым красавцем по имени Сережа. Засекла их в машине случайно, хотя могла увидеть подчиненного подруги несколькими годами раньше, если бы однажды пришла со Стасом на конспиративную квартиру дома № 1111 в нечетный день.

С тех пор молодая вертихвостка задалась целью во что бы-то не стала переспать с любовником подруги. Поначалу Сюзанна наотрез отказалась уступить Сережу этой стерве, но затем переменяла решение. Она решила таким образом отомстить ему за то, что он не воспрепятствовал ее выходу

замуж за нелюбимого человека. Бедняжка рассчитывала, что молодой любовник, в конце концов, разведется и женится на ней. Но увы! Аресов не понял, или сделал вид, что не понял, какие на самом деле мечты лелеяла его немолодая возлюбленная. Так что, тот вечер с Полиной в сауне, был скорее актом мести.

Однако вернемся к той трагической ночи. Ровно в половине двенадцатого Полина, как ошпаренная соскочила с того самого дивана на конспиративной квартире, на котором прошли самые лучшие минуты жизни Аресова, и начала панически одеваться. Стас в это время лежал на спине и расслабленно смотрел в потолок.

— Что, уже уходим? — лениво зевнул он.

— В двенадцать мне будет звонить муж из Америки, — объяснила Полина, стреляя колготками. — Он будет звонить на домашний. Без пяти двенадцать я как штык должна быть дома. Так что поторопись.

Стас сокрушенно вздохнул и потянулся к стулу, на котором висели брюки. Он бы еще понежился. Никакие полночные звонки у него не ожидалось, а семья гостила у тещи. Однако что делать? Желание любовницы закон.

Через пять минут он уже стоял в прихожей, нащупывая под ногами обувь. Благодаря многолетнему опыту, Стас одевался молниеносно и без суеты. Полина, вскочившая первой, еще прихорашивалась перед зеркалом.

Прежде, чем выйти, Стас прислушался, нет ли на лестничной клетке голосов. Это тоже было необходимо. Баранов был настолько осторожен, что за все три года аренды квартиры, ни разу не столкнулся ни с одним жителем этого дома.

Пара вышла из шестнадцатой квартиры и молча направилась на общую лоджии. Этот маршрут также был изучен до мельчайших деталей. Зайдя на нее, они услышали, что по лестнице поднимаются какие-то люди. Ни слова не говоря, любовники обнялись и, повернувшись спиной к выходу, сделали вид, что внимательно высматривают кого-то внизу.

Через минуту на лоджию вошли люди. Мужчина с женщиной хоть и отвернули лица, однако угловым зрением увидели, что компания поднимающихся состояла из трех человек: двух здоровых мужиков и одной хрупкой женщины. Женщина была вдупель пьяной. Мужчины поддерживали ее с обеих сторон, и при виде влюбленной пары, стоящей спиной, как по команде отвернули лица. Стас понял, что они также не хотят светиться, поэтому и направились по черной лестнице.

Женщина, что-то пьяно пробормотала, и мужики прибавили шаг. Через мгновение они исчезли, и Стас с Полиной, без лишних слов продолжили путь. Только когда они вышли из подъезда и сели в стоящую за углом «девятку», Полина позволила себе немного иронии:

— Как они будут ее трахать? Она же лыка не вяжет.

— Как раз лыка здесь вязать и не обязательно, — улыбнулся Стас и вдруг оцепенел, вцепившись в руль.

— Ты чего? — удивилась Полина, затормозив его за рулем.

— Да так. Показалось.

Стас завел машину. После того, как она тронулась, напряжение спало. Полина расслаблено откинулась на сиденье и вытащила из пачки сигарету.

— Что тебе показалось?

— Что эта бабенка жена нашего бармена.

— Расслабься! Даже если она тебя и узнала, вряд ли побегит стучать, — засмеялась Полина. — Смотри, какие кобели с ней!

— Да не в этом дело! — нахмурился Стас. — Странность в том, что она женщина порядочная, а шастает в такой час с мужиками уголовного вида. Нет, наверное, все-таки не она.

Когда на следующий день Стас узнал о самоубийстве какой-то женщины из дома № 1111, то затрясся как осиновый лист. Он позвонил Полине, и та строго настрого запретила даже вспоминать об этом.

— Пронюхает милиция, и нам хана. А бабу уже не спасешь!

Когда через несколько дней в ресторане заговорили, что разбившаяся женщина — никто иная, как жена их бармена Сергея, который за несколько дней до этого бесследно исчез, Стаса начала мучить совесть. Заговори он тогда с Надей, может быть, она осталась жива. Но заговорить с ней, значит подставить себя и Полину. Да и о чем он мог с ней заговорить? Они были едва знакомы.

Разные слухи доходили до ресторана. После исчезновения Сюзанны, Стасу совсем стало не по себе. Он понял, что события, происходящие с его знакомыми отнюдь нешуточные. После того, как обнаружили труп Сергея, Стас запаниковал. Сообщил он тогда в милицию о Наде и тех двух бугаях, тогда, может быть, и Сергей бы остался жив.

Через несколько дней поползли слухи, что Сюзанну тоже убили. Тут уже Стас не выдержал и позвонил в милицию. Его

звонком живо заинтересовались: сначала — Зеленоградское УВД, а затем — мосгорпрокуратура.

15

За Стасом приехали прямо на работу среди бела дня. Посадили в черную «Волгу» и повезли в мосгорпрокуратуру. «Пусть хоть режут, но Полину не выдам», — думал он дорогой. Однако напрасно волновался Баранов. На раскрытии имени и фамилии его любовницы никто не настаивал. Едва свидетеля ввели в кабинет с табличкой «Следователь А.П. Долгов», находившийся в нем мужчина без лишних слов протянул ему паспорт.

— Кто-то из тез двоих был похож на этого? — спросил он.

Баранов вздрогнул. Он был уверен, что не запомнил лиц тех архаровцев, держащих под локти жертву. Во-первых, было темно, во-вторых, он видел их мельком. Однако при виде этой ряхи в паспорте, с удивлением отметил, что его память оказалась на редкость цепкой.

Само лицо было ничем не примечательным, однако в нем улавливалась великая обида на весь мир. У того мордоворота, который держал Надю под руку, в глазах сидела такая же обида. Стас скользнул по лицу мимоходом, но подсознание сразу отметило ее, поскольку точно таким же обиженным на весь мир был его отец. Он только гнусил и жаловался, но изменить что-либо в своей судьбе неудачника не мог. Своим занудством и нытьем отец всем отравлял существование. Он изводил семью как изощренный садист. «Ты не мужик, ты паразит, живущий за счет детей и женщин! — вопила доведенная до отчаянья мать. — Если ты ни на что не способен, то хотя бы не гнуси!»

Словом, один из тех типов, был из того же рода племени, что и его отец, поэтому он так и впечатался в память.

— Похож, — кивнул головой Баранов. — Тот, что повыше, очень похож. Я уверен, что это он.

— А тот, что пониже? — не поверил Долгов, удивляясь такой уверенности.

— Лица второго не помню совсем. Что-то такое стандартное и безликое.

Когда свидетель ушел, Долгов долго со странной улыбкой ходил из угла в угол и думал, что таких совпадений в реальности не существует. Снова вспомнилась сводка с гибелью

инвалида Гефесова. У Гефесова, как потом навел справки следователь, были парализованы ноги. Хромать он начал с того самого момента, как пошел. А к пяти годам его ноги вообще перестали подчиняться, и бедняге пришлось пересест в инвалидную коляску.

«Но мать честная! — осенило следователя. — А ведь Гефест тоже хромал. Его, кажется, родитель по имени Зевс, сбросил за какую-то провинность с Олимпа, вот он и остался на всю жизнь хромым». Однако развить мысль по поводу этой странности помешал звонок. Долгов снял трубку и услышал голос оперуполномоченного из МУРа Степанова.

— Алексей Петрович, хочу вам подкинуть любопытный факт, так сказать, информацию к размышлению. Десятого января на Мытищинской автомобильной ярмарке неким Дубинным было приобретено две угнанные иномарки "Форд Скорпио" и "Фольксваген".

— Он знал, что автомобили в розыске? — перебил Долгов.

— Откуда, Алексей Петрович? Просто эти тачки мы давно держим в поле зрения. Мелькнула фамилия нашего общего знакомого, вот я вам и звоню на всякий случай. Хотя не уверен, что это именно тот, который вас интересует. Паспортных данных пока у меня нет.

— Когда будут? — заволновался Долгов.

— Думаю, через пару дней. Кстати, по словам осведомителей, покупателей было двое. В совокупности за обе машины было заплачено семь тысяч баксов.

— Сколько? — переспросил следователь. — Не может быть! Это точно они! Я сейчас подожду к вам опера. Нужно срочно пробить, зарегистрирована ли на имя вашего Дубина белая «девятка».

— Уже пробили, Алексей Петрович. Зарегистрирована. Год назад он приобрел поддержанную «девятку» в московском автосалоне «Афон».

— Вот оно! — вырвалось из следователя. — С этого нужно было начинать. Диктуйте скорее номера!

Через пятнадцать минут в кабинет Долгова влетел оперуполномоченный.

— Вызывали, Алексей Петрович?

Физиономия у следователя сияла как у кота, поймавшего мышь.

— Вот уж действительно ирония судьбы! — воскликнул он, всплеснув руками. — Аресова хотела найти киллера, а

вышла на сотрудника МУРа. После чего хотела обратиться к муровцу, а напоролась на бандита...

16

Когда вечером шестого января раздался звонок на мобильном Дубинина, то он не поверил собственным глазам. Высветился номер женщины, которую он жаждал и в отношении которой имел серьезные намерения.

— Да, Наденька! — ответил он с готовностью, прижав телефон к уху.

— Нам нужно срочно встретиться, — сухо произнесла она. — Давай через час на Соколе. Я буду ждать на той самой автобусной остановке, где ты меня подобрал в начале осени.

«Подобрал, — мысленно передразнил Дубинин. — Как будто такие женщины валяются на дороге. Нет, дорогая моя, подобный термин применим исключительно к бездомным шлюхам, но никак не к благородным дамам...»

В эту минуту Дубинин находился в Зеленограде за рулем собственного автомобиля. Без лишних вопросов он развернул машину и, что было газу, рванул в Москву.

Был такой же серый, противный день, как и в первую их встречу. Только тогда моросил дождь, а сейчас на тротуар сыпались мокрые хлопья, которые сразу превращались в воду. Словом, не только жизнь, но и погода не радовала разнообразием.

Несмотря на то, что белая «девятка» подъехала к остановке на двадцать минут раньше, Надежда была уже на месте. Она трогательно стояла под цветным зонтиком и тревожно всматривалась в проезжающие машины. Когда «девятка» остановилась, Наденька деловито села на переднее сиденье, не дожидаясь, когда водитель распахнет перед ней дверь. От внимания Дубинина не ушло, что предмет его обожания, сильно чем-то озабочен. Женщина была мокрой и растрепанной, и от этого выглядела еще прекраснее, поскольку вылезшие из-под заколки кудряшки кольцами прилипли к пунцовому лбу.

— Саша, — произнесла она, серьезно посмотрев в глаза, — помоги мне наказать мужа? Он с каждым днем распоясывается все больше. Для наглецов нет ничего тлетворнее, чем безнаказанность.

— Всегда, пожалуйста! Но каким образом? — насторожился Дубинин.

— Отправь его за решетку! Я думаю, двух лет ему будет вполне достаточно для прочистки мозгов.

Глаза Дубинина сделались круглыми.

— Но за супружескую измену в тюрьму не сажают.

— Знаю. Но это неправильно. За измену нужно наказывать, потому что это приносит страдание. Ты должен восстановить справедливость. Саша, подкинь ему наркотики! Пусть его осудят.

Водитель за рулем глубоко задумался. Прошла минуту, или даже две, прежде чем, он согласно кивнул. Пассажирка сразу оживилась:

— Сколько стоит пакетик героина? Я сейчас же отдам деньги.

Она расстегнула сумочку, и глаза водителя сделались еще круглее. В сумочке лежала толстая пачка стодолларовых купюр, заклеенная банковской лентой, на которой жирной ручкой было выведена цифра — \$7000. Надежда перехватила его взгляд и быстро захлопнула сумочку.

— Так сколько?

— Да ладно, пустяки, — замялся Дубинин. — Каких-то сто баксов.

Женщина деловито достала из кошелька стодолларовую купюру и сунула в руки водителю.

— Что еще нужно? — деловито осведомилась она.

— Да нет, больше ничего, — пробормотал Дубинин, внезапно смутившись оттого, что принял деньги от дамы.

Сознание понимало, что деньги брать ни в коем случае нельзя, — это резко снижало его статус мужчины, — но руки сами взяли.

Дубинин выжал полный газ, и машина полетела в сторону Зеленограда. Крупные деньги, лежащие в сумочки его попутчицы, никак не выходили из головы. В конце концов, он догадался, что Наденька сняла их для киллера, которому заказала свою соперницу. «Вот этот женщина, — восхищенно думал Дубинин. — Вот это сила и решительность! Ни перед чем не останавливается».

Дубинин благоговел перед сильными женщинами. В Надежде он сразу почувствовал объект своего благоговения, поэтому инстинктивно потянулся к ней. Она была его идеалом: нежная, красивая, умная, решительная, а главное, умела зарабатывать деньги и решать неженские проблемы.

Иметь такую жену — это вершина его мечтаний. Также Дубинин знал, что если он не выполнит своего обещания относительно ее мужа, то на этом их дружба завершится.

Высадив Наденьку у дома, он немедленно рванул к своему другу, с которым пополам снимал квартиру на окраине Зеленограда. Тот, внимательно выслушав, широко улыбнулся:

— Поздравляю! Думаю, в ближайшие дни твоя мечта осуществится. Ей ничего не останется, как выйти за тебя замуж.

— Но сначала я должен упрятать ее мужа за решетку, — напомнил Дубинин, подозревая, что товарищ не вполне врубился в суть.

Однако товарищ прекрасно во все врубился.

— Ты что, действительно собираешься подкидывать наркотики? Нет, наркотики, ты, конечно, подкинешь, но теоретически. Только при задержании дамский угодник окажет сопротивление, и нечаянно получит пулю из табельного оружия. Что останется бедной вдове? Утешится тем, чем есть: выйти замуж за человека, который в ней души не чает. Ведь любовь, как известно, начинают ценить, когда теряют близких.

— Это ты правильно сказал, — удивился Дубинин. — Но где мы найдем табельный пистолет?

Приятель грязно рассмеялся:

— Как ты наивен! Неужели думаешь, что она потребует медэкспертизу? Тело мы спрячем. Скажем, что оно лежит в морге МВД, и доступ к нему запрещен. Ей ничего не останется, как облегченно вздохнуть. Ведь ты ее навеки избавил от того, кто приносил ей страдания.

Дубинин согласно кивнул и на выдохе произнес:

— Это ты правильно сказал. Ты бы видел, сколько у нее лежало в сумочке. Семь тысяч баксов! Ты когда-нибудь держал такую сумму в руках? Никогда. А я держал. Когда работал менеджером в автосалоне. Но только держал, чтобы передать хозяину. А она запросто носит в дамской сумочке. Прикинь!

На этих словах усмешка сохранилась на лице товарища, однако глаза сделались злыми и завистливыми.

— Что там эти семь тысяч, — произнес он задушевым голосом. — Потерпи немного, и заберешь все. Только потом не забудь обо мне.

— За кого ты меня принимаешь? — стукнул кулаком в грудь Дубинин. — Я друзей не забываю. Тебя мы женим на ее подружке. Выберем самую деловую. Может, я тебе еще завидовать буду.

17

К операции готовились два дня. На Аресова решили напасть восьмого января, по выходу его с работы. Вечером за темным углом ресторана встала белая «девятка». Это было единственное место на улице, куда не падал свет от уличного фонаря. На всякий случай ближайший фонарь разбили кирпичом. Стало совсем темно. Мужчины сели в машину и закурили.

— Ну что, как настроение? Действуем по плану?

— Как договорились. Я встану за дерево.

В пятнадцать минут девятого из ресторана вышел бармен. В эту минуту посыпал крупный снег, внезапно осветив все вокруг. Ничего не подозревая, Аресов направился своим обычным путем в сторону дома, однако путь преградил мужчина не хилого вида.

— Вы Сергей Аресов? — строго спросил он.

— Да! — удивленно ответил парень.

— Я из Московского уголовного розыска! Майор Кондратьев, — отчеканил мужчина и раскрыл удостоверение. — Попрошу пройти со мной в машину!

— А в чем дело? — удивился Аресов.

— Объясню на месте!

Они завернули за угол, и подошли к белой машине. Майор прежде, чем открыть дверцу, тревожно посмотрел по сторонам. Свет в салоне «девятки» при открытии дверцы не загорелся. Но и здесь парнишка не почувствовал подвоха. Он поблагодарил и доверчиво пригнул голову, что бы сесть в машину. В эту секунду из-за дерева вышел человек с трубой в руках. Он быстро и бесшумно приблизился сзади и с размаху впечатал трубу в голову бармена. Сережа как-то подхвати ойканул и повалился на землю. Мужики быстро подхватили его и бросили на заднее сиденье.

— Ну что? Куда рвем?

— В сторону Лобни...

В ночь на девятое января Надя долго не могла уснуть. Муж из ресторана не вернулся. Она знала, что сегодня после работы ему подкинут пакет с героином и отвезут в СИЗО. Сначала ее раздирали сомнения, затем раскаяния, а к половине одиннадцатого женщину охватила такая тоска, что она схватилась за голову и застонала. Именно в эту минуту очнувшегося в машине Аресова добивали трубой. Некоторое время спустя в комнату постучала хозяйка.

— Все нормально, Наденька?

— Все нормально, Марья Андреевна. Я уже сплю.

Около часа ночи несчастная не выдержала и позвонила на мобильный Дубинину. Она хотела сказать, что раздумала, и что если муж уже в СИЗО, то она готова заплатить любую сумму, чтобы его выпустили. Но Дубинин не отвечал. Через пятнадцать минут она снова позвонила, но его телефон оказался отключенным.

Надежда потушила свет и бросилась лицом в подушку. Она подумала, что уже не сможет заснуть, однако не только заснула, но и увидела сон. Сон был кошмарнее некуда.

Ей снилось, что она лежит в огромной мраморной зале на роскошном пурпуровом ложе под горящими светильниками, и ее грубо домогается какой-то бородатый мужик. А на полу валяется железная сеть. Во сне она знала, что полчаса назад они с Сережей лежали под этой сетью, однако на злобный вопль хромого прибежали какие-то люди, стащили сеть на пол и увели Сережу. Во сне Надежда предчувствовала, что возлюбленного увели навсегда. А этот мужлан, воняющий потом и копотью, пытается ее изнасиловать.

— Уйди! — с ненавистью бросила она в лицо.

— Не уйду! — ответил мужик. — Я твой муж. Поэтому имею право на твоё тело. А на твою душу мне наплевать.

«Да, действительно, — подумала во сне женщина. — Если муж, то имеет полное право. И ничего здесь не поделаешь. Нужно закрыть глаза и покориться».

Надежда закрыла глаза, а когда через минуту открыла, вскрикнула от ужаса. На ней лежал тот самый страшный инвалид, который изнасиловал ее, когда ей было четырнадцать лет. На полу вместо сети валялась инвалидная коляска, а роскошная зала с пурпуровой ложей превратилась в грязную, убогую комнатку с полками, заставленными статуэтками из фольги.

Надежда проснулась и, выскочив из постели, испуганно включила свет. Сердце отчаянно колотилось. За окном начало светать. Боже! Когда ей перестанет сниться этот инвалид? Когда он, наконец, отпустит и оставит ее в покое? Он всю жизнь стоял за спиной и дышал в затылок. А когда они с Сережей занимались любовью, Надя слышала его похотливое сопение и чувствовала затхлый запах его квартиры.

Женщина отыскала в шкафу сигареты и закурила. Надежда не курила, но для подобных случаев всегда держала пачку сигарет. Они помогали немного успокоиться.

Зачем она не рассказала Сереже, как лишилась невинности? Его это живо интересовало и сильно отравляло жизнь. Она это чувствовала. Почему не рассказала про ту тетку в черном платке, которая сунула ей после регистрации свои гребаные розы. Надежда растопырила ладонь. Укол от шипа розы на безымянном пальце остался на всю жизнь в виде родинки.

Это случилось в девяностом году в начале мая, после уроков. Надежда училась в восьмом. Сережа Аресов с утра встретил ее у подъезда с огромным букетом розовых роз и признался в любви. Было очень весело. Особенно когда он потянулся губами к ее щеке. Однако эта процедура, являющаяся обязательной в подобных случаях, также прошла благополучно. Наденька собрала всю свою волю в кулак, чтобы не рассмеяться. Словом, после школы она прилетела домой, переделась, наскоро поела и побежала в парк, где они договорились встретиться с Сережей.

И в детский сад, и в школу путь Наденьки пролегал мимо одного и того же пятиэтажного дома. Крайние окна на первом этаже в нем всегда были зашторены. Но с некоторых пор девочка стала замечать, что за ней из-за этих штор кто-то пристально наблюдает. Каждый раз, когда она утром пробежала мимо, штора колыхалась. От кого-то Надюша слышала, что в этой квартире живет мальчик-инвалид, который может передвигаться только в коляске. Она даже однажды его увидела. В какое-то утро штора откинулась больше обычного, и девочка четко разглядела грустное бледное лицо со смолеными волосами.

В тот майский день, когда Наденька пробежала мимо этого дома, ее неожиданно окликнула женщина в черном платке. У нее было белая молочная кожа и очень усталый взгляд.

— Девочка! — печально произнесла она. — Не посидишь ли с моим сыном полчаса? Он инвалид-колясочник. Мне нужно сходить в церковь, а я боюсь его оставлять одного.

Сердце Наденьки сжалось. В голосе женщины были отчаянье и какая-то обреченная уверенность, что все равно откажут.

— Пожалуйста, мне не трудно, — через силу улыбнулась школьница, хотя ей совсем не хотелось улыбаться.

Когда она переступила порог квартиры с зашторенными окнами, то первым желанием было броситься обратно, настолько мрачно и жутко было в комнате. Но идти на попятную уже было поздно, тем более что она пообещала посидеть. Да и на подсознательном уровне она чувствовала, что назад пути нет.

Инвалид сидел в своей коляске и широко улыбался ей, как старой знакомой. Рядом с коляской стоял табурет, предназначенный, видимо, для нее.

— Его зовут Генной, — произнесла женщина. — Подойди, Венерочка, не бойся! Он покажет тебе свои фигурки.

— Меня зовут Надей, — поправила девочка и, подойдя к инвалиду, присела на табурет.

Он сразу протянул ей красивую фигурку какой-то античной красавицы из фольги.

— Это ты! — произнес он ломающимся голосом.

— Я? — удивилась гостья и взяла фигурку в руки.

И действительно, кудрявая головка красавицы очень была похожа на Наденькину. Можно сказать, что это была она, но постарше лет на шесть.

— Ну, я пошла! — крикнула из прихожей женщина и хлопнула дверь.

Инвалид взял со стола другую фигурку, бородатого, полугололого мужчину с атлетической фигурой и произнес с хитрой улыбкой:

— А это я?

Надежда не выдержала и рассмеялась, хотя это было невежливо. Инвалид тоже засмеялся, но от внимания гостьи не ушло, что его глаза в ту минуту как-то не по-детски погрузнели. После этого они еще разговаривали. Он показывал фигурки и нес какую-то забавную чепуху по поводу того, что судьбы людей зависят от того, как и с кем расположить фигурки.

— Вот, например, — произнес он вибрирующим от волнения голосом и ткнул пальцем в фигурку античной красавицы.

Она упала, и Наденьке сделалось страшно. Следом на ее фигурку он положил фигурку бородатого мужика с атлетической фигурой и вдруг вцепился в ее руку. Наденька расширила глаза:

— Пусти больно!

Вместо этого он притянул ее к себе и облапил, как мог. Его руки были чистые клещи. Вырваться из них простому смертному, а тем более хрупкой девочке было невозможно.

— Пусти, или закричу! — прошептала она в его искаженное от вожделения лицо.

Но закричать она не смогла. Слишком была переполнена ужасом. Он мял ее, как пластилин, тяжело дышал в лицо. Глаза его были совершенно невменяемы. Он расстегивал пуговицу, за пуговицей. Вот обнажились ее плечи, следом на пол полетел бюстгальтер.

— Пожалуйста, не надо! Я не хочу, — со слезами умоляла она.

Но мольбы не действовали.

— Мне! — задышался он. — Мне принадлежит право первой ночи, потому что я твой муж...

Он сполз с коляски, тяжело повиснув на девочке. Держать его на себе не было никаких сил, и Надя опускалась все ниже и ниже, продолжая отбиваться и умолять отпустить ее. Только когда ее лопатки коснулись пола, она, обессилев, зажмурила глаза и поняла, что все пропало...

Вспоминая эту мерзость, Надежда и по сей день не может сдерживать стоны. Но как про это можно было рассказать Сергею? Ведь он поедет в Сергеев Посад и прибудет его, как муху. А заодно и мамашу. Так его и посадят ни за что.

Надежда вскочила с кровати и бросилась к телефону. На это раз мобильный Дубинина ответил.

— Где мой муж? Уже в СИЗО? — закричала она. — Если еще нет, то везите его обратно. Я раздумала.

На том конце провода воцарилось тягостное молчание.

— Поздно вести! — мрачно ответил Дубинин. — Раньше нужно было раздумывать.

— Я заплачу любую сумму! Я не перед чем не остановлюсь, чтобы вытащить его из-за решетки! Сколько? Назови!

Новая еще более тяжелая пауза образовалась на том конце.

— Это не телефонный разговор. Давай, мы через пару часов подьем и потолкуем.

На работу Надежда не пошла. Два часа провалялась на койке в ожидании звонка. Затем еще полчаса. Снова набрала номер Дубинина, но он не ответил, хотя телефон был включен. После этого она звонила, каждые пятнадцать минут. Но все было безрезультатно. Дубинин сначала не отвечал, затем отключил телефон.

В час дня раздался звонок на мобильный.

— Да! — с готовностью воскликнула Надя, не взглянув на номер.

— Дэло сдэлаано, — произнес голос с кавказским акцентом. — Фото ест. Привази капусту!

Надежда затряслась от страха. «Зачем, зачем я это сделала?» — застонала внутри.

— Когда и куда! — спросила Надя, едва сдерживая дрожь.

— Туда же, севодна, к сэмы.

— Хорошо! — выдохнула Надя и бросилась лицом в подушку.

Так прошел день. То, что сегодня она должна была встретиться с киллером, вылетело из головы. Было не до киллера. В пять вечера, наконец, раздался долгожданный звонок от Дубинина. Он сказал, что через час подъедет.

Через час он действительно подъехал и встал за углом дома. Позвонил Надежде, объяснил, где стоит машина. Она выскочила из дома без шапки, в дубленке, наброшенной на домашний халат.

В машине сидело двое: Саша и его друг Дима. Оба были хмурыми. Надя села на переднее сиденье и вопросительно посмотрела сначала на Сашу, затем на сидевшего сзади Диму.

— В общем так, — произнес с тяжелым вздохом Дубинин. — Мы ему подкинули наркотики, а он оказал сопротивление. Пришлось применить табельное оружие. Словом, твой муж убит при попытке к бегству...

19

Мужики всего ожидали, но только не такого отчаянья. Женщина так оглушительно завопила, что Дубинин, молниеносно заведя машину, испуганно рванул за город, чтобы на крик не сбежался весь Зеленоград. «Как же так? — недоумевали оба. — Если хотела засадить мужа за решетку, значит

он ей не дорог. Оказывается, наоборот! И кто этих женщин поймет!»

— Сволочи! Убийцы! Ненавижу! — кричала Надежда, захлебываясь в рыданиях. — Вы ответите за убийство! Я завтра пойду к вашему начальству! Где тело моего мужа? Немедленно везите меня к нему!

Мужики переглянулись. Поездка к убитому парню явно не входила в их расчет. Нужно было срочно принимать какие-то меры.

— Мы вас отвезем, а вы напишешь на нас компромат? — произнес с заднего сиденья Дима. — Так дело не пойдет.

— Не пойдет! — покачал головой Саша, еще не понимая, к чему клонит друг.

— Да не напишу я на вас компромат! Везите! — застонала женщина.

— Все так говорят! — продолжал Дима. — Показать труп, это значит, признаться нам в убийстве. А так — нет трупа, нет убийства! Не убивали мы! Пошутили! Представления не имеем, где ваш муж. Если у вас к нам претензии, обращайтесь в прокуратуру. Так и напишите, мол, обратилась к сотрудникам МУРа, чтобы они подкинули моему мужу наркотики, за которые я отдала деньги, а муж возьми и окажи сопротивление.

Надежда метнула ненавистный взгляд на заднее сиденье и прошипела сквозь зубы:

— Везите, скоты! Не буду на вас писать!

— А чем докажете? Может, у вас дома уже лежит на нас свинья, — не унимался на заднем сиденье Дмитрий.

— Можешь сходить и проверить, — прохрипела Надя.

— И схожу! — поджал губы Дима.

И только тут Дубинин допер, ради чего его друг развел всю эту бодягу. «Деньги, блин! У нее в квартире семь тысяч баксов. Вот светлые мозги!»

— Пусть сходит, успокоится! Дай ему ключи! — включился в игру Дубинин.

Надежда с ненавистью швырнула ему на заднее сиденье связку ключей и с плачем уткнулась в ладони. После того, как машина вернулась на исходную позицию, Дима радостно подмигнул водителю и выскочил наружу. Когда через двадцать минут он вернулся, Дубинин по фосфорическому блеску в глазах понял, что деньги у него в кармане. За это время Надежда обмякла и обессилила. Дубинин дал ей две таблетки клафелина.

Едва Дмитрий хлопнул дверцей, устроившись на заднем сиденье, водитель сразу рванул за город. Пассажирка не спрашивала, куда ее везут. Кажется, ей было уже все равно. Ее можно было завести в лес и грохнуть той же трубой, поскольку ее деньги уже были у них. Однако Дубинин все еще лелеял надежду сочетаться с ней законным браком. Он привез ее на свою съемную квартиру на окраине города.

— Куда мы приехали? — нахмурилась пассажирка.

— Тебя надо успокоиться. Выпить водки. Только тогда ты будешь рассуждать здраво.

— Но я просила отвести меня к мужу.

— Сегодня это невозможно. Он лежит в морге МВД. Туда надо спецразрешение. Сегодня мы никак его не оформим. Давай лучше выпьем и поговорим о будущем твоего сына.

Надежда вяло вылезла из машины и поплелась с мужиками в их квартиру. Ноги гости заплетались, однако все попытки поддержать ее за локотки она отвергала.

В тот вечер Надежда больше не произнесла ни слова. Молча пила водку без всякой закуски и отрешенно смотрело в пустоту. Саша убеждал ее, что она несмотря ни на что должна продолжать жить, хотя бы ради сына. Дима все больше помалкивал и наблюдал со стороны. Было непонятно, внимает Надежда словам Дубинина, или пребывает в своих мыслях?

Внезапно она очнулась и потребовала отвезти домой. Мужики переглянулись. Надежда в общей сложности опустила три стакана водки, но не была пьяной. Она выглядела усталой и разбитой. Поднявшись из-за стола, гостя вяло поплелась к выходу. Ее собутыльники успели перекинуться парой слов:

— А вдруг накапает! — шепнул Дима.

— Она что, идиотка? У нее у самой криминал.

20

Сорок минут спустя Надежда устало ввалилась в квартиру и без сил плюхнулась на кровать. «Неужели Сережи больше нет? — подумала она. — Не может быть. Они все врут! Пока не увижу тела, не поверю».

В это время на мобильном раздался звонок. Надежда взглянула на высветившийся номер и вспомнила, что сегодня должна была встретиться с киллером. Это звонил он.

— Да пошел ты! — зло прошептала она и отключила телефон.

После этого механически открыла шкаф, чтобы переложить деньги в сумочку. И тут заметила, что денег нет. «Хозяйка!» — мелькнула первая мысль, и квартирантка отправилась к ней разбираться.

Несмотря на дикую усталость, Надежда иступленно кричала, обвиняла Марию Андреевну в воровстве, обзывала обидными словами, а сама думала о муже. Наконец она заметила, что Мария Андреевна смотрит на нее сочувственно и, по всей видимости, не принимает обвинения всерьез. Надежда внимательно всмотрелась в ее глаза и поняла, что зря клеветает на добрую женщину. Деньги, скорее, умыкнул дружок Дубинина. К этому времени, квартирантка уже валилась с ног. Она умолкла также внезапно, как начала кричать, развернулась и ушла в свою комнату. Хозяйка слышала, как Наденька, не раздеваясь, рухнула на кровать и утихла.

Когда на следующий день бедняжка проснулась и вспомнила, что ее муж убит, то застонала и зарылась головой в подушки. Жить больше не хотелось. Где-то внутри еще теплилась надежда, что мужики из МУРа ее развели, но зачем им это надо? Скорее всего, они сказали правду.

Надя вспомнила о пропаже денег, но и это ее не всколыхнуло. Зачем ей деньги, если Сережи нет в живых? С этой мыслью нельзя было оставаться в трезвом состоянии. Нужно было срочно что-то выпить.

Женщина выскользнула из постели и проследовала к холодильнику, где стояла бутылка коньяка, купленная еще Сережей. Она откупорила ее зубами и жадно приложила к горлышку. Опустошив больше половины и не получив облегчения, Надя вернулась в комнату и позвонила Дубинину. Она потребовала, чтобы он немедленно отвез ее в морг, где покоится тело мужа.

— Это будет возможно только вечером, — ответил Дубинин.

21

Но вечером Дубинин снова привез ее на свою квартиру, где уже были приготовлены три бутылки водки. Объяснил, что доступа в морг не получил, что это не так просто, и что не всем его дают, поскольку морг министерский. Однако он

сделает все возможное, чтобы попасть туда, и уже влиятельные люди зондируют в этом направлении.

Потом снова молча пили водку. Надежда глотала слезы и опустошала стакан за стаканом. Она так наклюкалась, что не поехала домой и отвалилась у этих чужих мужиков на диване. Последнее, что она помнила, как отбивалась от потных рук Дубинина, попытавшегося пристроиться рядом. В конечном итоге, Дубинин лег на полу.

Так в пьяном угаре прошло три дня. Чем дальше, тем больше убеждалась Надежда, что горе водкой не залить. Мысль о самоубийстве все настойчивее овладевала рассудком. Обхаживающие ее мужики, поняли, что все попытки обработать вдову в нужном направлении, напрасны. Она не их поля ягода. Более того, с каждым днем женщина испытывала к ним все большую неприязнь.

— Все-таки, я вас посажу! — сквозь зубы пригрозила она. — Мне терять нечего. А вам, убийцам и ворам, тюрьма пойдет на пользу. Только не врите, что это не вы украли у меня деньги.

Друзья понимали, что это не просто пьяные угрозы. Женщина в таком состоянии способна на все. Внезапная злость охватила Дубинина. Почти полгода он обрабатывал эту дамочку, тратился на цветы, на бензин, расточал комплименты, и все напрасно. Она его также презирала, как и жена с сыном.

— Да знаешь ли ты, кому грозишь! — стукнул по столу Дубинин, побелев от ярости. — Я тебе сломаю шею двумя пальцами. Мне убить человека, все равно, что муху прихлопнуть. Ты слышала про Ростовского серийного убийцу Заточина? Запомни, он убивал не один, а на пару со мной! — Дубинин метнулся к шкафу и извлек из него фотоаппарат. — Вот фотоаппарат, из-за которого мы убили первую жертву...

— Ублюдок! — презрительно сверкнула глазами Надя. — Я с самого начала поняла, что ты козел.

Дубинин схватив со стола бутылку и занес ее над головой несчастной, но Дима перехватил руку.

— Стоп! Хватит! Успокойся!

Надежда даже не шевельнулась. Она окинула друзей брезгливым взглядом и налила себе водки. Дима утащил побелевшего от ярости товарища в ванную и там долго ему что-то внушал. До Надежды донеслись только слова:

— Ну, кончай, Саша! Соседи все слышат.

После этого они вернулись, сели за стол и начали пить. Оба вели себя корректно, но Надя догадалась, что мужики замыслили что-то недоброе. «Какие они все-таки ублюдки, — подумала она и заплакала от тоски по мужу. — Зачем я здесь, с этим идиотами? Мне нужно быть с Сережей».

— А вас я посажу, — произнесла она сквозь рев.

После очередного стакана водки и пятиминутной тишины, Дима произнес, хрустя огурцом:

— Я бы на твоём месте повесился.

«И то верно, — подумала Надежда. — Это достойнее, чем сидеть за одним столом с убийцами мужа».

— Но у тебя не хватит духа, — продолжал в издевательском духе Дима. — Скулить и распускать сопли могут все. А вот реально свести счеты с жизнью — на это нужна сила. Словом, страдания страданиями, а умирать страшно.

— Да пошел ты! — прохрипела женщина, и резко поднялась из-за стола. — Саша, отвези меня домой!

— Смерть от передозировки наркотиков — самая приятная, — продолжал издеваться Дима. — Обычно дамочки, скорбя по мужу, не упускают возможности испытать удовольствия.

— Саша, поехали! — с нажимом повторила Надя.

Слушать дальше было унижительно. Впрочем, ей уже было не до унижений. «Почему я с ними? — удивлялась сама себе Надя. — Да потому, что больше не с кем, — взвизгнул кто-то внутри. — Потому что быть одной невыносимо...»

Женщина вышла на улицу и села в машину Дубинина. Всего минуту посидела одна, и накатила такая тоска, что захотелось вернуться и хлопбынуть еще стакан водки. «Все! Жизнь кончена, — подумала Надежда, и сладостный покой начал разливаться по всем жилам. — Всего лишь один укол в вену, и все страдания кончены».

Когда мужчины вышли из подъезда и сели в машину, женщина произнесла:

— Найдите мне дозу, чтобы завтра не проснуться.

22

Ехали молча. Мужчины незаметно переглядывались через зеркальце. Попутчица мрачно смотрела в пустоту. Полчаса спустя машина остановилась у какого-то дома. Дима сбегал в подъезд, но вернулся с пустыми руками.

— Нет! — развел он руками. — Катим к следующему дому. Там всегда есть.

Но и в следующем доме не оказалось того, чего искали. Объездили все точки, и не нашли ни единой дозы.

— Что, во всем Зеленограде нет героина? — устало усмехнулась смертница. — Проклятая страна! Даже умереть по-человечески нельзя.

— В России несколько иные традиции, — съехидничал Дима. — Здесь сильные женщины. Они предпочитают кидаться под поезда, чем умирать в кайфе.

— Сам кидайся, козел! — зло бросила Надежда. — Я хочу лежать в гробу целиком, а не по частям.

— Тогда тебе лучше броситься с крыши дома.

— Везите! — устало выдохнула Надежда.

Белая «девятка» принялась снова рыскать по Зеленограду, но уже в поисках высотки с черной лестницей. Такой дом нашелся. Он стоял рядом с садиком, в который ходил Алешка. Когда Надежда взглянула на этот садик, сердце защемило. «Ничего, бабушка его не оставит...» — заглушил тоску кто-то грубым голосом.

Самым тяжелым было подниматься по лестнице. Но разве это сравнимо с той тяжестью, которая лежала на сердце? Смертница подумала, что подъем по лестницы до последнего этажа этого дома будет последней трудностью в ее жизни. Вниз головой, как ей казалось, она бросится с улыбкой на губах.

Но когда она подошла к краю лоджии и посмотрела вниз, хмель сняло как рукой. «Что же я делаю? — изумилась она. — У меня же сын, который завтра спросит, где моя мама? У меня любящие родители, подруги, знакомые. Среди них благородный Курников, который явится по первому зову и поможет пережить горе». Кстати номер его сотового набирается с одной цифры, как экстренный.

Надежда снова удивилась. На этот раз тому, почему она сразу не позвонила Курникову, чтобы поведать о своем горе? Почему свое горе она отправилась заливать водкой с этими отморозками? Нет, бедняжка не испугалась высоты и не испугалась смерти, когда попятилась назад, просто услышала голос разума. Но тут внезапно наткнулась спиной на своих спутников, о которых забыла. Они закрывали своими плотными телами узкий проход к отходу.

— Пропустите! — приказала женщина.

Мужики еще плотнее сомкнули плечи.

— А обратного пути нет, — насмешливо произнес Дима.

— Что? — презрительно фыркнула Надя. — А ну отвали, козел вонючий!

Она хотела раздвинуть их, но они грубо отпихнули ее к краю лоджии. Вторая попытка покинуть этот бетонный мешок также не увенчалась успехом. Женщина всмотрелась в их волчьи глаза и вдруг поняла, что если она сейчас не бросится вниз головой сама, то ей свернут шею.

— Я раздумала прыгать! Оставьте меня!

Они молча подошли и схватили ее за плечи.

— Уберите лапы! Я не хочу прыгать! — закричала она. — Идите к черту! Сказала же, не трогайте меня, козлы!

Надежда вырвалась и вжалась в угол. Она нащупала в кармане мобильник и вслепую набрала номер Курникова. Затем внезапно вытащила телефон и поднесла к уху.

— Алло, Леша! Спаси! Меня хотят убить менты из МУРа!

В то же мгновение подскочивший мужики вырвали из рук телефон и зажали ладонью рот. Надежда хрипела, царапалась, кусалась, извивалась. Несколько раз в ходе борьбы прорывался ее крик. Возможно бы, ей удалось отбиться, или докричаться до какого-нибудь жителя этого дома, но внезапно откуда-то изнутри раздался леденящий душу шепот:

— А говоришь, от искусства давно отошла. Однако же так жила, что не хочешь уходить.

Надежда замерла. «Кто это сказал?» И в эту же секунду, мужики, воспользовавшись ее замешательством, оторвали несчастную от пола и со всего маху ударили головой об стену. Следом они деловито перекинули обмякшее тело через перила лоджии и со всех ног понеслись вниз.

23

Александра Дубинина и Дмитрия Решеткина задержали в Рязани. Их остановили патрульные, у которых имелись ориентировки на объявленные в розыск иномарки. Дубинин сидел в «Форде Скорпио», а Решеткин в «Фольксвагене». Белая «девятка», как установит потом следствие, была продана на том же Мытищенском авторынке, где они приобрели эти иномарки.

Среди изъятых вещей у задержанных обнаружили мобильный телефон Аресовой и фотоаппарат «Пентакс», который фигурировал в деле Ростовского убийцы Заточина. Та-

ким образом через десять лет был выявлен соучастник серийного убийцы.

Арестованные с первого допроса начали давать показания, и к концу февраля их вина в убийстве супругов Аресовых была полностью доказана.

Объявившаяся после исчезновения Сюзанна, не долго проработала в «Робинзоне». В середине марта она уволилась и навсегда уехала к мужу в Санкт-Петербург. Больше о ней не слышали.

Пятилетнему Алеше Аресову ничего не сказали о смерти родителей. Самым удивительным было то, что он и сам о них больше не спрашивал. Во время следствия его бабушку пригласили в прокуратуру для опознания мобильного телефона дочери. На опознание она приехала с внуком, поскольку ребенка оставить было не с кем.

Это был кудрявый, белокурый мальчик с огромными серьезными глазами. Когда он с бабулей переступил порог кабинета, Долгов подумал, что ему бы еще лук со стрелами, и он был бы типичным Амурчиком. После этой мысли неожиданно вспомнилось, что по мифологии Амур был плодом любви Афродиты и Ареса. «А ведь он даже фамилию носит Аресов, — удивился следователь. — Вот же гадство! Опять эта гребаная мифология вылезает. Так и рехнуться не долго».

Мать убитой взяла в руки телефон и заплакала.

— Да, это ее трубка.

— Распишитесь вот здесь, — ткнул пальцем в протокол Долгов и покосился на мальчика.

Алеша был хмур и как-то не по-детски серьезен. Следователя попросили, чтобы он в присутствии ребенка не говорил о смерти родителей. Долгов бы и так не стал бы об этом говорить. Но мальчик внезапно поднял голову и сам произнес:

— Бабуля, не плачь! Моя мама сейчас на небе, но она вернется. Потому что очень меня любит...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

То ли кудрявый мальчик, оставшийся без родителей, так повлиял на следователя, то ли действительно от всей этой мифологической чепухи поехала крыша, но Долгову в ту ночь приснился престранный сон. За сорок пять лет жизни,

ему не снилось ничего подобного. Снилось, конечно, всякое, но то, что он — яблоко на дереве, до такого нужно додуматься.

Долгов чувствовал, что он упругий, зеленый и гладкий, а главное, настолько сочный и аппетитный, что будь он человеком, прилагал бы усилия, чтобы не вгрызться в него зубами. Сначала было страшно висеть на такой высоте на каком-то тоненьком хвостике, и, казалось, подуй сейчас ветер, и хвостик надломится. Однако никакого ветра не было и не ожидалось. А напротив, сверху простиралась панорама такого сказочного сада, что страхи вскоре улетучились.

Что удивительно, сад был залит светом со всех сторон, и от этого деревья не давали теней. Неподалеку от яблони стояла мраморная беседка, увитая плющом, в которой на малахитовых кушетках полулежали двое: мужчина и женщина. Женщина была красивой, но печальной. На ней была античная голубая тога. Золотая повязка стягивала ее вьющиеся пшеничные кудри. Мужчина тоже был кудряв, и к тому же бородат. Через тонкую, пурпуровую тогу просвечивалось его атлетическое тело. Он был весел и выглядел победителем.

— А говоришь, от искусства давно отошла. Однако же так жила, что не хотела уходить, — произнес он.

«Так-так! Где-то это я уже слышал», — подумал во сне Долгов.

— Ты считаешь это искусством? — через силу улыбнулась женщина. — Искусство должно приносить радость, а не страдания!

— Ты ли это говоришь, златокудрая Афродита? — притворно удивился мужчина. — Не вчера ли ты с презрительной миной уверяла, что признаешь только такое искусство, которое пробуждает страсти, явно намекая на то, что мне далеко до таких высот.

— Я имело в виду яблоко, дающее иллюзию смерти, — возразила женщина.

Мужчина кивнул на яблоко, висящее на дереве в виде следователя Долгова, и рассмеялся:

— Могу тебе сорвать. Хочешь?

«Этого еще не хватало, — подумал во сне Долгов. — Так сожрут и про должность не спросят».

— Нет! — качнула головой женщина. — Не надо срывать яблоко. К чему накликать гнев Всевышнего? К тому же... твоя художественная сила не слабее.

Художник просиял. Даже следователь в образе яблока понял, что ради этих слов мужчина и создавал свою картину. Создатель с широкой улыбкой взял со стола золотой кубок и протянул женщине.

— А знаешь ли ты, дорогая Афродита, что это не настоящий мир, а иллюзия. Я тебя разыграл, как некогда разыграла меня ты на пару с Аресом. Ты во второй раз попала в мои сети, и снова с этим же простаком.

«Ба! Да этого же Гефест, которому Афродита наставляла рога, — осенило следователя. — Вот это да! А говорят, у мифа нет продолжения».

— Как не настоящий? — удивилась Богиня. — Ты хочешь сказать, это всего лишь великая иллюзия?

— Да, иллюзия, — рассмеялся Гефест. — И никакая не великая, а самая что ни на есть посредственная, поскольку в этой части галактики творить запрещено. А знаешь почему? Посмотри вверх. Видишь, приближающийся планетоид? Через энное количество лет он столкнется с моей планетой и превратит ее в осколки.

— Что такое? — побледнела Богиня. — Ты знал про этот молот и сотворил под ним мир?

— Скажу больше: планетоид и натолкнул меня на мысль зародить здесь жизнь.

— Но зачем? — распахнула глаза Афродита.

— Чтобы разрушить твою иллюзию, что я творю ради того, чтобы оставить во Вселенной след.

Слезы навернулись на прекрасные глаза Богини.

— Эта твоя месть за Ареса?

— Он слишком ничтожен, чтобы за него мстить.

— Тогда за Амура, которого я родила от него? Да-да, я поняла. Дело в моем сыне, а не в любовнике. Не мелкогато ли для великого художника? Молчи, не отвечай! И прощай! Прощай навсегда, Гефест! Клянусь, что тебе больше никогда не удастся затащить меня в свои сети.

Следователь подумал, что женщина сейчас встанет и уйдет, но она, к его изумлению, начала красиво таять на своем мраморном ложе. Когда Афродита превратилась в серебряный луч и змейкой ускользнула в небо, Гефест издевательски расхохотался:

— Клянусь, дорогая Афродита, что меньше, чем через год по земному времени ты снова попадешься в мои сети. Через пару дней ты вспомнишь, что у тебя внизу остался сын, и явишься ко мне с просьбой снова спустить тебя на Землю...

«На Землю? — удивился во сне Долгов. — Но разве мы не на Земле? Тогда где?» — подумал следователь.
И на этой мысли проснулся.

Содержание

Вместо пролога.....	1
Часть первая ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ	5
Часть вторая ИЛЛЮЗИЯ СТРАСТИ	68
Часть третья ИЛЛЮЗИЯ СМЕРТИ	127
Вместо эпилога.....	175